

АЛЕКСАНДРА КОВАЛЕВСКАЯ

Война Моря и Суши

АЛЕКСАНДРА
КОВАЛЕВСКАЯ

ВОЙНА МОРЯ И СУШИ

100%
ФАНТАСТИКА

100%
ФАНТАСТИКА

25H

АЛЕКСАНДРА
КОВАЛЕВСКАЯ

Война
Моря и Суши

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
К56

Разработка художественного оформления *А. Саукова*

Разработка серии *Е. Савченко*

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

К56 **Ковалевская, Александра Викентьевна.**
Война Моря и Суши / Александра Ковалевская. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (100%
фантастика).

ISBN 978-5-699-92836-1

Далекое будущее...

В преддверии Третьей Мировой войны лучшие ученые планеты основали в глубинах Мирового океана Подводные Колонии. Ядерный кошмар глобального апокалипсиса отбросил обитателей Суши на уровень первобытных дикарей, которым пришлось мучительно долго восстанавливать свою цивилизацию. Миновало двести лет. Подводные Колонии достигли небывалого прогресса и готовы жестко отстаивать свои интересы. Они провоцируют начало войны с Сушей, перейдя от тактики силового сдерживания к открытому вооруженному наступлению. Сотрудники Главного Управления Подводных Колоний Марк Эйджи и Артемий Валевский втянуты в водоворот военных событий. Друзья должны во что бы то ни стало остановить надвигающийся новый кошмар...

Победитель конкурса «100% фантастика»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92836-1

© Ковалевская А.В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ

оздух. Я сам несколько раз дарил его незнакомым сидельцам тюрем. Это такая игра в милосердие, чтобы в счастье и довольстве люди не забывали, что кому-то сейчас очень и очень дерьмово. Двенадцать миллионов колонистов подарили мне воздух. Его хватит на долгие годы. На бесконечную вереницу пустых и никчёмных лет: без солнечного света, без девушек, без игри-вого кити.

За полосатого кити я готов отдать половину за-вещанного мне воздушного запаса. А вторую полу-вину — за возможность хотя бы иногда видеть че-ловеческое лицо. Или луч солнечного света. Разве я прошу многого? Один луч сквозь прозрачную зеле-новатую толщу океанской воды — сияющий радост-ный круг на её поверхности...»

Он провёл ладонью по короткому ёжику на го-лове.

Перед тем как навсегда упратить человека в под-водный гроб, плавающий на глубине нескольких сотен метров, живого мертвеца лишают раститель-

ности по всему телу. Потом его замачивают в специальном фармакологическом растворе: считается, что это снижает риск заболеваний в четыре раза. Тюрьма заботится о своих постояльцах. Ну-ну. Сведения не слишком афишируются, но уж ему-то известно, что тюремные капсулы не просто так болтаются в океане. Для их оболочек применяют полимер последнего поколения, надёжный и долговечный. Теоретически. Только теоретически. Места для тюремных комплексов выбирают не самые дружелюбные: рядом с глубинными высокотемпературными гейзерами, поблизости от выходов газов, или в местах сильных магнитных аномалий — испытывать так испытывать. Время от времени просачивалась информация, что изобретение очередного гениального химика вело себя непредсказуемо.

Хотя, подумать, мгновенная смерть — это улыбка судьбы для парня в его положении. Море раздавит ноздреватую скорлупку капсулы, и хрупкая человеческая плоть или всплыёт вместе с полимерным пузырём, сплющенным, смятым, но обладающим положительной плавучестью, или пойдёт на корм глубоководным кальмарам.

Он рассеянно слушал электронный вещатель, украшавший его последний путь благодатью киберинструкций, касавшихся вопросов гигиены, питания и обновления воздуха в подводной тюрьме. В монотонном электронном голосе померещились восторженные нотки, когда было зачитано сообщение, что пожертвования подводников щедры и он, несомненно, обеспечен воздухом на долгую жизнь.

Долгая жизнь! Будь проклята такая жизнь!

Лихорадочно работал мозг, отчаянно ища и не находя выхода. В первые часы всё, что происходило с ним, казалось нереальным — вернее, обратимым. Всё слишком контрастировало с прежней кипучей и деятельной жизнью, и он принял случившееся как стоик: «Что ж, пожили хорошо, поживём и плохо. Кто мечтал высаться как следует? Вот оно, сбылось: местечко что надо, в ближайшие сорок лет никто не потревожит».

Теперь понимает: просто не знал, что значит оказаться здесь....

«...В какое дермо мы влипли, дружище!»

Пленник в который раз принял яростно бить кулаками по упругим, поддающимся под ударами стенам, о которые невозможно разбить голову, от которых невозможно оторвать хоть кусок. Материал как нельзя лучше соответствовал своему назначению.

«Бездна! Знать бы, что всё не зря! И что там, под солнцем, по-прежнему кто-то делает детей и кто-то в ответ их рожает: маленьких, страшненьких, с приплюснутым носом и широким жадным ртом.

Я было подумывал поработать над ребёнком с ней... пусть имя не звучит здесь, её ты и так знаешь. Да, всё надо делать не откладывая. Слышишь, приятель? Везунчик...

О чём это я?

Может, и ты сейчас болтаешься в тюремной шахте в таком же персональном пузыре. И даже очень может быть. Я сделал всё, чтобы этого не случилось, но до конца нельзя быть уверенным — в моём-то по-

ложении. Те, которые пришли за нами, были не дураки...

Если есть в человеческой сущности что-то вечное и неизменное, так это эгоизм. И здравый смысл. И они подсказывают: если ты живёшь, то и я должен, не так ли? Уйти-то всегда успею.

Но долго я не протяну... Волосы на голове отрастают на поддюйма в месяц. Через год будет из чего свить струну и пережать себе вену. Или бездна, работы снова замочат меня в какой-нибудь дряни, от которой я на месяц забуду, что такая нормальная мужская поросль?

А на что способен ты?»

Заключённый встал в центр камеры. Освещение изменилось, в воздухе соткалась сенсорная компьютерная панель. Лёгкие пассы — касания неощутимых клавиш, и программа открылась логотипом «Омега. Сделано в Подводных Колониях».

— «Альфа. Сделано в Надмирье», — сквозь зубы прощедил осуждённый, вслух отвечая своим мыслям. — Человечество прошло путь от альфы до омеги. Всё, что создано подводниками, есть совершенство. Совершенство достигнуто, кончился алфавит, исчерпал себя, последняя буква зависла на краю бездны, и даже не фигурально, реально — омега в окружении бездны, продолжение не следует, дальше двигаться некуда.

Он, скучая, открыл очередную виртуальную игру из бесконечного перечня развлечений, и только для того, чтобы через минуту закрыть её со словами: «Парень, всё. Тебе некуда двигаться».

РИФ СОЮЗ

— **И**аким течением вас занесло сюда? — сотрудник Главного Управления изучал бейдж новичка, стараясь не ошибиться с произношением фамилии:

— Артемий Валевский? Новая Европа?

Поднял опущённые густыми короткими ресницами веки, из-под которых, неуместно в деловитом напряжении рабочего дня, вызовом могущественному, статусному учреждению сумасшедшему сверкнули весёлымиискрами линзы, украшавшие радужку. Взгляд приветлив, и собеседник это почувствовал:

— Новая Россия, — уточнил собеседник, предупредительно покинув рабочее кресло и приветствуя инженера Службы омега-транспортов.

Невольно прикинул, во что обошлось это радужное безумие очей?

— Понятно, — радушно ответил инженер, не сводя взор с лица новичка. — Артемий Валевский — звучит. Фамилия на слуху... Мм... Был такой поэт? Кажется, поляк?

— Название польского аромата, — ответил Валевский, — старая торговая марка, пережила

взлёты и падения популярности, но одно время держалась в двадцатке лучших запахов на европейской Суше. А раскрутил этот бренд поэт, тут вы правы: предложил в качестве рекламы катрены, их после собрали, получился сборник отличных стихов.

— Вот оно что! — протянул этот, с искрами в глазах. — Стихи — это не по моей части, но я неплохо разбираюсь в парфюме. Архаичный аромат, да ещё с поверхности, — большая редкость, но теперь понимаю, почему ваша фамилия показалась знакомой. Мне случалось бывать на фестивалях арома. Меня зовут Марк Эйджи, Новая Канада. В столице с семи лет. Прародители предки, кстати, русские: последняя волна эмигрантов начала ХХI века.

Эйджи быстро отстучал на клавиатуре «Агеев». Валевский перевёл взор с экрана оптикона на сотрудника Главного Управления:

— Русское «Агеев» в английском произносится как «Эйджи».

— Отцу было важно, чтобы я запомнил прародителя по фамилии Агеев, вот и помню. Мы гордимся предками! — спохватился он.

Валевский кивнул в ответ. Заученным жестом припечатал руку к груди, процитировал классическое для всех подводников:

— «Предок — пуповина твоя!»

— «Предок — пуповина твоя!» — отозвался Эйджи и небрежно отнял свою кисть, тоже возложенную на левый лацкан кителя, — дал понять, что формальности соблюдены: — Я обеспечиваю работу омега-каналов для наших сотрудников. В Главном

Управлении почти три года, попал переводом из СУББОТ, — пижон так и сыпал словами.

«Ого! — украдкой выдохнул Арт, — надо срочно менять шаблоны!»

Служба управления и безопасности беспроводных омега-транспортов — самое закрытое и ответственное инженерное подразделение. «Субботняя» подготовка дорогого стоит. Лучший и самый вышколенный инженерный персонал Подводных Колоний выходит именно оттуда. Вычурный галстук инсуба — инженера элитной СУББОТ — отодвинулся на второй план: галстук возлежал на груди неординарного парня.

Инсуб Эйджи проверил узкую, по моде, бородку, обрамлявшую щёки снизу, и совершенно по-домашнему с хрустом поскрёб шею, используя глянцевый бок оптикона как зеркало. Он не спешил уходить. Впрочем, Валевский был последним, кому инсуб лично вручил коды, обеспечивавшие доступ на посадочные площадки о-тэ.

Валевский подумал, что теперь его очередь заявить о себе.

— Мои обязанности скромнее, — сказал он, — я эксперт-аналитик. Пятьсот девяносто семь баллов из шестисот возможных по окончании Университета Союза, и вот я в вашей команде.

Инсуб удовлетворённо хмыкнул.

Они скрепили знакомство рукопожатием.

— Как к вам обращаться? — поинтересовался Марк.

Арт смешался. «По идее, новичок здесь я, и, значит, я должен был спросить об этом. Бездна, корпоративная этика — штука тонкая и обоюдо-острая», — думал Арт, слегка растерявшись от того, что его опередили. «Лучшая визитка мужчины — его ладонь», — говоривал отец. Ладонь Марка крепкая, тёплая и сухая...

— Можно Арт и на «ты», если это допускает служебный устав.

Валевский прибавил улыбку. Получилось немногого скованно.

Рядом со щеголеватым Эйджи он чувствовал себя провинциалом, но решил меньше думать о таких пустяках.

В ближайшие выходные Арт вместе с Марком отправились обмыть серьёзную покупку: инсуб приобрёл котёнка.

Кабачок в старом секторе столичного рифа выбирал Эйджи. Валевский никогда ещё не посещал этот район. Движущаяся лента тротуара везла их по плавно изгибающейся спирали с яруса на ярус, всё выше, к вершине небоскрёба, занимавшего у основания квартал. Облицовка первых этажей представляла собой рельефы, выполненные в великолепном розовом мраморе, и изображала стихийные силы молодой планеты, творившей первые свои горы и океаны. Розово-opalовые разводы искусственного камня постепенно сменились великолепием коричневых с золотыми прожилками стен на уровне пятого яруса. Теперь рельефы изображали эволюцию жизни на Земле: от примитивных форм к венцу творения — человеку. Затем скользили мимо, уходя вниз, плитки

цвета зелёного муара, окаймлённые сложной резьбой, скрывая под великолепным декором глухие, без окон и галерей, этажи.

Люди, несомые лентой тротуара выше и выше, проплывали вдоль сменявших друг друга портретов представителей всех рас и эпох, заключённых в этих резных рамках, выплавленных в имитации камня, отполированного до ледяной гладкости.

Четверо незнакомцев, непримиримые эстеты, напыщенно обсуждали рельефы, объявив метод гладкой полировки недостатком современной скульптуры. Это не мешало им неутомимо фотографироваться на фоне монументальных «Ступеней эволюции», как делали многие в толпе, предпочтя неторопливую прогулочную ленту тротуара скоростному лифту.

Ещё через десяток уровней фасад здания сделался белоснежным. Теперь его украшали надписи на языках Надмирья в окружении фрагментов чертежей и формул; и примитивные схемы древних учёных начинали эту манифестацию Разума. Освещённая ярким галогеновым солнцем Союза, антарктически-снежная белизна фасада слепила глаза, одновременно заполняя всё существо светом до краёв, до кончиков пальцев. Белоснежность сияющих стен доставляла эйфорию, какую у подводников вызывает встреча с открытым пространством на поверхности моря в солнечный день.

К приятелям приединулись двое мальчишек и присели, заглядывая в корзинку с кити.

— Ух ты, котёнок! Хорошенький! — сказал младший.

— Смотри: инсуб! — поторопил его старший, легко вскакивая с корточек и показывая за плечо Марка

на верхнюю пешеходную ленту. — Давай его догоним! Если он назовёт мне своё имя, я всем скажу, что знаком с инженером СУББОТ. Посмотришь, я тоже буду в белом костюме стоять у шлюзов! — донёсся до Валевского и Эйджи звонкий голос мальчишки.

Марк буркнул в спину убегающим детям:

— Поздравь, я — человек-невидимка. Видят моего кота, видят коллегу на соседнем ярусе, меня — не видят!

— Не снимай белый китель, — посоветовал Артемий. — Под такой гривой волос, как у тебя, и я бы не догадался высматривать инсуба.

Эйджи шутя подтолкнул Валевского, и они шагнули с зелёной ленты на пешеходную, серую, и галерея с колоннадой и арками приняла их в мягкую полутень.

В приподнятом настроении от яркого света, созерцая раскинувшийся под ними мегаполис, они смешались с гуляющими на высотной галерее. Они прошли место, где меж сдвоенных колонн молодые люди, оттолкнувшись подошвами от края площадки, картинно раскинув руки, бросались с галереи вниз, в слегка размытую расстоянием акварельную панораму огромного города. Их летящие фигуры уменьшались в размерах, но Валевскому показалось, слишком быстро исчезали из виду.

Он удивлённо наблюдал эти прыжки.

От одного вида падающих людей начинала кружиться голова и подкатывало к горлу. Отогнав неприятные ощущения, он предположил:

— Новый о-батт?

— Новейший! — гордо подтвердил Эйджи, с удовольствием щурясь на солнце.

Облокотившись о балюстраду, он спокойно провожал глазами экстремальных прыгунов:

— Свойства у этого о-батта — супер! Кто пробовал, довольны: входишь как в облака, скорость гасится постепенно, чувствуешь себя ангелом парящим, и никакого приземления. Зависаешь, ничего не касаясь, и просто болтаешься, пока за тобой не пришлют дронов. Один приятель подсел на эту забаву, и теперь большая часть его жалованья уходит на прыжки в облаках.

— Понятно! — хмыкнул Арт.

Сегодня аналитику пришлось пожертвовать вечерней тренировкой ради нового знакомого, и он слегка подвигал плечами, обтянутыми спортивной майкой, от которой стал отвыкать с той поры, как удостоился чести носить форму Главного Управления.

Развлечения, обходившиеся неоправданно дорого, его никогда не интересовали.

Риф Союз мог предложить и не такие штуки.

Хотя, если быть честным, Валевскому не доводилось видеть ничего подобного. Прыжки винсьютеров на о-баттах первого поколения стали доступны многим, но настоящей имитации парения они не доставляли. За этим удовольствием пожалте на Сушу. Вот где между землёй и небом места достаточно.

Он был слегка озадачен: до сих пор не знал о существовании грандиозного сооружения, которое показал ему Марк. Помнил, что в западном секторе рифа ввысь возносились фрагменты белых стен с изящным рисунком арок на фасаде, но странным

было то, что он никогда не видел всего здания целиком и даже не подозревал о его истинных размерах.

Эйджи ответил на недоумение аналитика широкой белозубой улыбкой, мальчишеской, лёгкой, даже беспечной, если не забывать о том, что перед тобой — ИНСУБ.

— Сколько лет ты в столице? — поинтересовался он.

— Шесть с половиной. С тех пор как поступил в Академию.

— Ну, значит, ты ничего ещё не видел. Небось, заучка, обошёл лишь седьмой уровень, на котором находится твоя альма-матер, да пару-тройку вниз-вверх?

— Этого недостаточно?

— В любом другом рифе — достаточно. Но не в Союзе. Здесь свои секреты. Даже мы, местные, не знаем всех особенностей здешнего пространства. Дело в том, что солнце Союза должно светить всем — это девиз столичного рифа. А создавать мегаполис с одним-единственным жилым уровнем слишком расточительно.

— И нереально, — кивнул Валевский, соединив фаланги сжатых кулаков: привычный жест, напоминание о том, что снаружи многокилометровая толща воды давит на внешние стены этого мира с колоссальной силой.

— И-иха, нереально, — отзеркалил Марк. — Вот и ухитрились вместить двадцать миллионов населения и никого не стеснить.

— И я должен поверить, что ты не разобрался в архитектонике Союза? — дружески поддел инсуба Валевский. — Учебные фильмы показывают голограм-

фическое изображение любого рифа. Информация не для всех, но уж никак не закрытая для выпускника Службы управления и безопасности беспроводных омега-транспортов.

— Если фильмов достаточно, что тебя так удивляет? — парировал Марк. — Куда девается этот домище, когда ты спускаешься вниз?

— Задача, — примирительно буркнул Арт. — Ты и правда этого не знаешь?

— Не знаю. Знаю только, что верх небоскрёба, начиная с этажа, по которому мы гуляем, имеет своё название: «Тридцатое царство». Очень, кстати, ваше название — русское.

— Есть такое.

Арт вспомнил неизменную спутницу детства, радионяню, нашёптывающую малышам на ночь волшебные истории, из патриотических соображений в каждом рифе — свои.

— «Тридцатое царство» — сказочное место. Не-понятно, где находится, но очень далеко. А ты откуда знаешь? — спросил он Эйджи. — В Новой Канаде должны быть в ходу другие байки для мелких.

— Они и есть другие. Но я говорил, у меня тоже капелька русской крови. Отец в особых случаях, — Марк Эйджи хмыкнул, — вспоминал кузькину мать: «Кусскинаматт!», и сказку о тридцатом царстве я знал с его слов. Это было давно...

Инсуб внезапно умолк. На неуловимое мгновение померкли дифракционные искры в подвижных глазах, сделавшихся печальными. Валевскому словно перелилась толика чужой печали. Арт непрятворно вздохнул. Эйджи изучающим взглядом зыркнул в лицо аналитика и поспешил вернуться к началу раз-

говора. Но глаза в уголках сделались острее. Выразительные цепкие глаза, живущие отдельной жизнью на лице весёлого и свойского парня.

Эйджи продолжал:

— Я давно убедился, что, когда зона имеет имя собственное кроме кода, координат и официального адреса, значит, кому-то это нужно. Ещё мальчишкой натыкался на такие места. По виду — обычный открытый во все концы квартал, а на самом деле — вход-выход один. Или два, но на одну и ту же сторону. Девяносто девять процентов здешних перспектив — миракль. Голограмма.

— Известное дело, но, знаешь, я до сих пор не задумывался, что миракль — практически все здешние виды.

— Ну-ну, ты думал, миракль лишь тот, что в центре, — «Необъятный купол»? Или на вашем факультете не вдавались в вопросы архитектуры? Никто не представляет, насколько многое здесь «видимостей». Привыкли. Со времён Первого Погружения застройка сильно уплотнилась. Благо что строят у нас как следует, есть на что посмотреть. Оглянись.

«Да!» — мысленно согласился Арт.

Запрокинув головы, они любовались просторным холлом, в который вошли.

Вверху летали электронные ласточки; вода — настоящая, от неё тянуло влагой — низвергалась маленькими водопадами в нишах стен; подсвеченные замысловатые витражи золотились и сияли, придавая невесомость и изящество купольному своду, раздвигая стены и делая интерьер просторным.

Марк выбрал столик рядом с небольшим вольером для животных.

Сделав заказ, запустил драгоценное приобретение — полосатого нанокити в рощицу деревьев бонсай, растущих из жёлтого песка.

В вольере уже резвились другие котята.

Взгляды посетителей, сидящих за столиками, были обращены на зелёную кучерявшую рощу, вернее, на то, как её использовали для своих забав маленькие баловни. Таких вольеров в зале под купольным сводом Валевский насчитал шесть. Место облюбовали хозяева дорогих кити и страстные любители животных, наблюдавшие за игривыми зверушками.

— Я не успел дать ему имя! — запоздало вспомнился Марк, увидев, как кити, принюхавшись, смело бросился навстречу белоснежному созданию, весело выпрыгнувшему из-за ближайшего дерева. И вдвоём — боком, боком, не спуская друг с друга озорных круглых глаз, — котята умчались в заросли.

— Я не приучил моего малыша, а его сманила местная красотка! Как я позову его? — Тревога инсуба была такая неподдельная, что Арт от души расхохотался:

— Почему ты решил, что белый ушан — девочка? Может, парень рванул завоёвывать новую территорию?

— Мой кот должен быть весь в меня! — картино ответил этот пижон, не преминув использовать благоприятный момент: девушки за соседними столиками расположил смех аналитика, им надоело шутливо комментировать игры в вольере,

и теперь их взоры были обращены на приятелей. Инсубовы линзы с дифракционным обводом рассыпали стрелы, метя в чувствительное женское сердце.

Между столиками ходили музыканты.

Принесли вино.

Приятели наполнили поющие бокалы. Кивнули друг другу, свели цветные полоски на хрустальных боках бокалов — бокалы отзвались, наиграв мелодию. В компании слева мелодии уже не звучали: там собеседники натренькались так, что были не в состоянии соединить метки.

Арт про себя решил, что будет возвращаться в этот зал ещё не раз.

Марк нахваливал вино, самоуверенно заявив, что напитку сто лет. Валевский не собирался снимать водоросли со своих ушей и возразил:

— Сто лет назад вино доставляли с поверхности, мистер инженер. Если и сохранились с тех пор бутылочка-другая, их не будут подавать здесь. Хотя во всём остальном местечко супер! — и с удовольствием откинулся в кресле.

— Нравится? — ослабился Эйджи и подмигнул кому-то за спиной Арта.

Инсуб напрасно переживал за своего питомца.

Вскоре белого котёнка и двоих других забрали хозяева, и безымянный полосатик, сразу заскучав, зевнул, лапой потёр мордочку. Марк протянул к

нему руки, рыжий охотно выскочил из вольера и пропутешествовал на ладони хозяина в свою корзинку.

Дорогое приобретение Эйджи утомилось и теперь спало, свернувшись классическим клубочком и притягивая умильные взгляды посетителей кафе. Некоторые женщины просто не в силах были отвести взор от полосатого котёнка, во сне прикрывшего лапкой розовый нос. Марк, ревниво реагируя на эту вакханалию взглядов, не выдержал, прикрыл корзинку салфеткой со стола. Арт снисходительно улыбался, наблюдая за новым приятелем и его котёнком.

Нанокити — миниатюрные коты, весёлые, дружелюбные и доверчивые, — появились совсем недавно. Прозвище было дано в шутку, но прикрепилось намертво, несмотря на то что поначалу раздражало апологетов нанотехнологий, с одной стороны, и генетиков — с другой. Их попытки растолковать общественности, что нанотехнологии ни при чём, имеет место просто удачная селекция, ни к чему не привели, людям нравилось говорить «нанокити». Арт мечтал о своём котёнке и был уверен, что престижный кити станет его первой большой покупкой. Против предсказуемого и безобидного зверька не возражали ни владельцы арендуемого жилья, ни даже работодатели, разрешавшие приносить кити в офисы в специальных клетках на весь рабочий день. Ажиотаж вокруг дорогих зверюшек подогревался страстью любовью населения рифов ко всему живому. Подводники только десять лет назад смогли позволить себе заводить мелких животных и птиц. Это диктова-

лось необходимостью контролировать состав воздуха внутри Подводных Колоний, и большинство технических проблем было преодолено сравнительно недавно. Раньше родители вынуждены были возить своих отпрысков в риф Союз, где животных со всех уголков Суши содержали в искусственных условиях, но кое-кто любил помусолить тему, что звери там не-настоящие. И не все граждане Моря могли позволить себе семейный вояж в зоопарки на поверхности.

Валевский охотно согласился время от времени заботиться о кити — Марку иногда приходилось отлучаться из дома. Сообщая это, Эйджи многозначительно закрыл глаза и тряхнул головой влево. Действительно, что тут объяснять?

Котёнок получил своё имя раньше, чем была прикончена вторая бутылка в его честь:

— За Полосата Счастливого!

Бокалы сдвинулись, дымчатые метки на их боках встретились, бравурный звон марша хрустально зазвучал над столом.

«Время от времени» наступило быстро: этой же ночью Арт забрал кити к себе.

Белолицая девушка с яркими губами, восхищавшаяся крошкой Полосатом, забрасывала взгляды на Марка до тех пор, пока не стало очевидно: любовь к животному у девчонки идёт рука об руку с нешуточным интересом к его хозяину.

Эйджи всучил приятелю корзинку, повинно приложился лбом к плечу Валевского и, шут балаганный,

не сказав ни слова, развернулся, повёл новую знакомую к выходу из зала.

Арт проводил инсуба взглядом, расслабленно созерцая его зачёсанные назад кудри и нетвёрдую походку. Приятель тем временем интимно нашёптывал тайное новой подружке с длинной белой шеей. Арт одобрил выбор Марка: девушка примерная. Затем аналитик попытался вспомнить весь путь в «Тридцатое царство» с учётом того, что назад разумнее бы отправиться в центральном лифте, это быстрее, но до лифта ещё нужно добраться... Помдумав, решил, что лучше упростить себе задачу, вызвать такси, и пусть его и котёнка доставят к двери дома.

* * *

Солнце Союза восходило и заходило, почти как настоящее; кроме того, в столичном рифе существовала смена сезонов. Второго сентября Артемий, возвращаясь домой из Главного Управления, пожалел, что на нём длинная хакама, полагавшаяся чиновнику его ранга, а не лёгкие светлые бриджи. Форменный пиджак пришлось расстегнуть; пижонский, высоко накрученный шейный платок, купленный по наущению неугомонного инсуба, сейчас был лишним. «Три-эс» (Служба солнечного света) злоупотребляла своими полномочиями, придумывая для рифа погоду, непредсказуемую, как в Надмирье в легендарные времена прародителей.

Девушки несли пальто на сгибе локтя. Дети прошли фруктовый лёд. Вьющиеся по стенам цветочные лианы оживали на глазах и, обильно подпитанные

заработавшей в полную силу гидропоникой, начали источать сильный запах готовых раскрыться почек. В вышине электронные птицы чирикали и свистели над террасами верхнего яруса.

Валевский представил, что, должно быть, точно так на Сушу властно приходит весна. Чувство сопричастности к чему-то большему, гораздо большему, чем родной мир подводных мегаполисов, заставило вздохнуть полной грудью.

Он полюбил этот риф: сразу, безотчёtnо и всем сердцем.

Игра теней от света солнца не раздражала; он прощал Союзу ночную темноту, так нелюбимую подводниками, привыкшими к постоянному освещению, приглушенному по ночам, но не меркнущему. Здесь же темнота, как и на поверхности, наступала после потускнения местного солнца, закатывавшегося в щели между силуэтами фасадов, образующих пусть ложную, но бесконечную панораму мегаполиса, и город включал витрины и зажигал фонари вдоль транспортных лент, несущих людей и грузы. Искусственные звёзды, горящие, пожалуй, ярче, чем настоящие в небе над Сушей, двигались по орбитам, но раз в году сходили с мест и показывали для детей величественную праздничную мистерию.

Весна приходила только в столицу Подводных Колоний. Другие рифы лишены счастья наблюдать смену сезонов.

Впрочем, сестра Арта всегда была противоположного мнения.

— И как вы там живёте? — ворчала она, встречая Валевского-младшего на пороге родительского дома и покровительственно чмокая взрослого учёного дылду в подставленный лоб. — У вас опять наступила зима? И вы согласны два месяца носить свитера, а два месяца — ещё и пальто? И терпеть холод и сквозняки от вентиляторов? Нет, правительство обслуживает невероятные прихоти! Лучше бы тщательнее проверяли внешние стены, ведь это всеобщая безопасность.

Но Арт думал иначе.

Улыбаясь, он бурчал Лене примирительно, пожимал её мягкие предплечья и, по привычке детства, шёл прямо на кухню: в святая святых родного гнезда. Там ждали пышки с начинкой, или слоёный обеденный пирог, или новый кулинарный эксперимент Лены — сестра отлично готовила. Там будущему аналитику, студенту Академии Союза, выпадал случай отпускать на свободу смирно сидящего до поры до времени у него внутри и довольствующегося студенческими обедами Парня-Большое-Пузо, обожавшего домашнюю стряпню.

«Как поживает семья?» — подумал Валевский тепло и спохватился, что уже две недели не связывался с Леной. Он работал по десять часов с понедельника по пятницу и по шесть часов в выходные, работа доставляла удовольствие, а кроме того, общественные обязанности, тянувшиеся со студенческих лет, не успевшие отмереть и отвалиться подобно рудиментарным хвостам, отнимали всё редкое свободное время. При таком ритме жизни быстро проносились недели и даже месяцы.

Из открывшихся настежь дверей кафе на улицу вырвалась песня.

Песня вторила мыслям: «Стайкой быстрых рыбок балу проносятся дни...»

Арт набрал риф Новая Россия, где жила сестра. После нужно связаться с племянником, собравшимся провести студенческие каникулы на «Касатке» — плавучей базе.

Этой ночью, напоённой нежными запахами пробуждающихся цветочных лоз и романтическим светом лиловых фонарей, закончился долгий двухсотлетний мир Подводных Колоний.

ГИБЕЛЬ «КАСАТКИ»

Головная боль понемногу успокаивалась. Разжался железный обруч, сковавший виски, медленно возвращалось зрение. Теперь он мог видеть слепяще-яркую от солнечных бликов поверхность моря за бортом о-катера, в котором оказался не иначе как чудом. Он помнил адский грохот взрыва на причале, кипение воды, помнил внезапную слепоту, вызвавшую у него панический ужас, и содрогнулся и застонал.

Его вытошило в волну.

Справившись со спазмами в желудке, Йон почувствовал, что не один. С трудом повернул тяжёлую, словно свинцом налитую голову и увидел на дне лодки женщину с двумя детьми. Они спали, привалившись друг к другу. Или были без сознания. Нет, кажется, просто спали. Хотя их позы не похожи на объятия уснувших рядом близких людей.

Мужчина в форме наставника, сидящий на носу катера возле приборной доски, кивнул ему ободряюще, но не сказал ни слова. Йон окончательно пришёл в себя и тихо заскулил.

— Разбудишь пассажиров, — незнакомец показал глазами на спящих. — У них контузия покруче

твоей, пусть спят, так легче справиться с болью. И ты сейчас уснёшь, а когда проснёшься, перестанет болеть голова.

Наставник держал перед собой приподнятую правую руку, ладонью вперёд, и медленно разгибал пальцы. Он закончил говорить, мизинец разогнулся последним. Йон увидел раскрытую пятерню. Писклявыми голосами пальцы по очереди пропели: «Пя-ять, четы-ыре, три-и-и...» И сгибались, склоняя головы-фаланги: укладывались спать. Йон зевнул, пошарил рукой; скамейка на корме показалась достаточно широкой и удобной — в самый раз, чтобы опуститься на неё и вздремнуть...

«Ну вот, парень отключился, — подумал мужчина в строгой форме со знаками наставника. — У меня есть время оценить обстановку. Некогда вытираять сопли и слёзы. Надо срочно решать, что делать дальше, и поскорее решать. Это не остров взорвался, это я подорвался. Всё в бездну, всё, всё летит в бездну...»

Он зафиксировал штурвал, двинулся к лежащему на корме мальчишке, по пути осторожно перешагивая через спящих пассажиров, приблизился к Йону и аккуратно обшарил его карманы. Удовлетворённо хмыкнул, когда нашёл то, что могло оказаться ценным: омега-флеш — информационный носитель подводников. Больше у спящего не оказалось ничего стоящего. На шее родовой талисман на шнурке, стандартная модель, — наставник видел такие безделицы и покруче, сделанные на заказ и из драгоценных материалов.

Какие-то мелко исписанные листочки. Цветные билетики с водяными знаками — детские кредитки

в кино, кафе и на дискотеки. Всё вымоченное, спрессованное в несколько мокрых пластов.

Теперь от дискотеки, где отрывались недоросли, остались одни воспоминания. Бывший остров «Касатка» распался на гигантские чёрные скорлупки со светлым ячеистым нутром: многочисленными жилами отсеками, — и эти корки в окружении крошева и трупов плавают сейчас в сорока милях отсюда, истекая слезами стаивающегося с боков льда.

На горизонте обозначилась чёрная точка.

Мужчина, торопливо полапав под приборной доской, извлёк небольшое оптическое устройство, на вёл его на горизонт. Так и есть: военный бот. Отсюда судно кажется величественным. Но человек, управляющий катером, знает, что вблизи вид у корабля совсем не блестящий. Тихоокеанский военно-морской флот пополняется медленно; старые суда, слегка модернизированные и подлатанные, бороздят просторы океана, в пучинах которого, на недосягаемой глубине, процветает новая земная цивилизация — Подводные Колонии.

Подводные Колонии!

Новый мир, отпочковавшийся от матушки-Суши и презревший остальное человечество.

И эти люди — его выкормыши.

Что толкнуло его подбирать этих несчастных? Хитроумная тактика привыкшего просчитывать все возможные, и даже невозможные, ходы вперёд? Или всё-таки ничто человеческое не чуждо и ему?

Они смотрели на него с надеждой и верой...

Или это были взгляды избалованных, изнеженных пасынков моря, привыкших всюду встречать немедленную помощь?

Женщина и младшие дети, судя по цвету кожи, немало времени провели между водой и солнцем, на рукотворном острове, взорванном час назад. А парень, очухавшийся последним, — настоящий подводник. Причём свеженький: только со дна. Бледный особой бледностью кожи, не знавшей ультрафиолета, с крашеными кудрями, налипшими на мокрый лоб, и глазами, болезненно чувствительными к настоящему солнцу. Этот — ценный экземпляр. Видимо, на поверхности — так люди Моря называют всё, что под небом, — тинейджер оказался впервые и совсем недавно. Вчера сюда причалил о-транспорт из их столицы — Союза. Паренёк — столичный житель? Это может быть интересно.

Не мешает узнать, что у него на омега-флеше. Детская дурь типа игр, шпаргалок и электронных поздравлений или... Однажды вот так случайно попался курс по инжинирингу: кто-то передавал учебную информацию, и её посчастливилось слить на поверхность. Именно тогда удалось прояснить кое-что о коммуникациях внутри рифов...

Мужчина вставил крохотный прямоугольник в отверстие контрабандного о-планшета. Скромная добыча: флеш загружен текстами, текстульками, и только. Быстро глянул название: «1000 эксклюзивных сочинений для учащихся первого курса. Тема: «Мир Моря в цитатах лучших писателей и публицистов».

«Мир Моря, значит? Жвачка для школьников...» — человек в форме наставника остался недоволен. И тем не менее пробежал глазами всё содержание.

«Касатку» можно сравнить с атоллом только об разно. Этот плавучий город инженеры рифов спро-

ектировали через тридцать лет после Третьей мировой. Тридцать лет — срок условно достаточный для того, чтобы распалось большинство радиоактивных элементов после обмена ядерными ударами, испепелившими территории к западу и югу от Памира, Гиндукуша и Гималаев. Третья мировая стала вехой, обозначившей медленный закат цивилизации Суши. И на фоне упадка старого мира стал особенно заметным прогресс Колоний — подводного человечества.

«Касатка» создавалась как место особого назначения.

В буквальном смысле «залёгшие на дно» мегаполисы подводников, переждав ядерный штурм, со временем стали открываться и восстанавливать старые связи с Сушей. Вот тогда Колонии столкнулись с проблемой нового поколения. Молодёжь, выросшая в рифах, нуждалась в адаптации с поверхностью и открытыми пространствами.

Политика Колоний не предусматривала отрыв от остального мира. Наметившееся отчуждение между Сушей и Морем предстояло сглаживать ближайшим поколениям. Теперь Морю было что предложить истерзанной земле, но, как оказалось, юношество не готово включиться в этот процесс. Молодые подводники не интересовались исторической родиной...»

И дальше:

«Касатка» — плавающая платформа, задумана как место адаптации молодёжи к суровым условиям Надмирья. Это искусственный, почти круглый по форме остров. Полимерную омега-пену не угнетают в процессе расширения — абсолютно напрасные и энергозатратные усилия. Затвердевая произвольно,

полимер, из которого созданы коконы всех рифов, образует довольно причудливые формы: ноздреватые, неровные, но способные надёжно противостоять колоссальному давлению океанских глубин. И потому «Касатка» больше похожа на естественное образование, чем на инженерное сооружение. Средина острова занята бассейном размером с приличную гавань. Глубина воды в рукотворной чаше меняется в зависимости от степени погружения Тётушки Касатки — уже не первое поколение так ласково и снисходительно называет это гнездо для выгула и адаптации молодняка. В лагуну заплывают морские животные, птицы во время дальних перелётов используют остров для ночёвок, и к этому времени Тётушка Касатка всплывает, обнажая пористые шершавые бока, напоминающие пляж, покрытый чёрной пемзой, и птицы стаями обсаживают новоявленный берег. После всплытия сверху с полимерных боков истаивает ледяная оболочка — внешняя защита конструкции всех рифов и их балласт. Охлаждённые воды вокруг острова, в своей подводной части напоминающего гигантский айсберг, благоприятны для планктона, для кормящихся им рыб... В общем, Тётушка Касатка нравится всем.

Сюда на два-три месяца в году собираются подростки, начиная с десятилетнего возраста. Здесь живут семьи военных офицеров, преподавателей, спортивных тренеров; здесь работают экологи и океанографы — остров попутно ведёт научные исследования, невозможные в остальных рифах, находящихся на больших глубинах. К причалам «Касатки» прибывают омега-транспорты Колоний Моря и

океанические корабли внешних. Сюда едут работать и вдохнуть вольного ветра студенты. И становятся старшими скаутских отрядов, помощниками медиков, горничными и другой обслугой шумного молодёжного лагеря.

Отсюда разъезжаются по домам загоревшие, просолёные в водах лагуны и обветренные на морских ветрах, возмужавшие школьники. Вдоволь налюбовавшись на настоящее небо над головой, на птиц, на морских животных, они увозят в памяти запах солёных брызг и дух собачьей шерсти: породистые псы — неотъемлемая примета островной жизни. Школьники сохранят воспоминания о первых поцелуях с длинноногими нескладными девчонками, обладательницами облупленных носов и архаичных веснушек; о свежем дыхании бриза и запахе собственного пота, обильно пролитого во время изматывающих тренировок...»

Мужчина быстро листал страницы, не забывая следить за увеличивающейся чёрной точкой на горизонте. Последний фрагмент вызвал у него брезгливую гримасу:

«...Главными стали постулаты: «Предок — пуповина твоя», «Солнце светит всем, Солнце греет и Сушу, и Море», «Море и Суша — в вечности вместе». Идею равенства всех жителей планеты, гуманизм и взаимоуважение — вот что несут посланцы мира, дети Великой Глуби...»

«Хрестоматийные истины для школьников, пропаганда морских дьяволов для собственных дьяволёнков», — подумал незнакомец. Уверенно и сно-

ровисто развернул катер навстречу кораблю Суши. Свободной рукой вынул о-флеш, подбросил на ладони, раздумывая, не закинуть ли в море, но, глянув в сторону надвигающейся плавучей машины, отправил электронный носитель в нагрудный карман.

* * *

— Разрешите доложить, капитан! На горизонте замечено малое судно, идёт из квадрата КС-19-3. Тип — омега-катер, «восьмёрка».

Квадрат КС-19-3 совсем недавно был координатами острова «Касатка». Омега-база. Их база, подводников. В отличие от альфа. Что бы то ни было — паром, корабль, личный транспорт или планшет — всё, что создано на Суше, идёт с пометкой «альфа» и никуда не годится. Разве что на металлом. Оказалось проще создать завесу для этого корабля, чем бороздить океан на плавучем утюге, сделанном на судоверфи в Сан-Франциско пятьдесят лет назад...

— Сколько пассажиров?

— Пятеро. Мужчина в форме наставника, женщина и трое детей, один из них дошкольник.

«Какому-то прыткому или очень удачливому учителю повезло спасти семью. Только зачем гонит катер в открытое море? Разумнее было бы оставаться на месте. Впрочем, на месте гибели базы сейчас творится бездна знает что. Не для слабонервных. Катер мог не выдержать всех желающих вскарабкаться в него. Возможно, это единственно правильное решение: уберечь родных от шока и вернуться, когда к разорванному в клочья острову прибудут спасатели

и сделают своё дело. Но правильное — ещё не значит верное. Тот, кто ведёт катер, — порядочная сволочь».

— Приготовиться поднять людей на борт.

— Капитан, наша миссия не предполагает...

— Мне нужны эти люди именно для обеспечения полного успеха нашей миссии.

— Есть, капитан! Сбавить скорость, приготовиться к приёму пострадавших!

Снова вернулась головная боль, на этот раз не такая сильная, но ощутимая. Йон не хотел просыпаться. Чьи-то руки подхватили его под мышки, приподняли и грубо встряхнули.

— Эй, парень, соберись! Хватит спать! — сказал ему голос. Йон послушался и открыл глаза. На катер надвигался военный корабль. На таких кораблях плавают внешние: Йон прекрасно знает все типы надводных альфа-судов. Ха, у внешних и не бывает других: они плавают только по поверхности океана. Правда, Йон никогда не думал, что корабли внешних такие большие. Но если от борта тебя отделяет двести футов и видна чуть ли не каждая заклёпка, то волей-неволей чувствуешь своё ничтожество. И ещё: их корабль словно плывёт над водой... над водой! Это стоит обдумать как следует. Или спросить у наставника. Впрочем, наставник не обязательно всё знает. Может быть, он преподаёт девочкам гидропонику или замораживание; он может быть кинологом, этот наставник, или тренером штифтистов... Лучше оставить вопрос на потом. А сейчас Йону велят хвататься за поручни лёгкой складной лесенки, спущенной в катер, для устойчивости расставить ноги, держаться

крепче и не смотреть вниз, если он не хочет кувыркнуться в волну.

Только что подняли женщину и младших детей. Мальчик обхватил свою мать за шею и ни за что не хотел слезать. Женщине было тяжело подниматься с пятилетним упитанным ребёнком на шее, но она терпеливо взбиралась по ступеням, а эти внешние даже не подумали ей помочь, ведь можно было помочь... наверняка можно было что-то придумать для неё и ребёнка.

Смутная тоска сжала сердце Йона.

Нехорошо как-то всё складывается.

Каждый школьник знает: по международному протоколу их, как потерпевших бедствие, должны принять, оказать помощь и вернуть в Подводные Колонии. Но что-то не так с этими людьми и их кораблём... Йон родился и рос в Союзе, но ему пока не довелось видеть внешних. Внешним ограничен доступ в риф Союз, а в другие так и вовсе запрещён, но родители возили его в Австралию, и Йон помнит: реальные внешние обязательно хоть чем-нибудь, да отличаются от подводников. Чуть-чуть. Но в этом-то всё дело! Взрослые объясняют это «чуть-чуть» последствиями радиации. Чаще всего внешние просто заметно ниже ростом. Бывают совсем коротышки, бывают просто ниже жителей Моря, но и кроме этого с ними что-то не так. Запах, что ли? И мужчины Суши не красят волосы, по крайней мере в яркие цвета тропических рыб.

Йон, уже закинув ногу на борт, помедлил снимать другую с верхней ступени лестницы и пытливо, насколько позволяла резь в чувствительных глазах, всмотрелся в моряков, окружающих трап. Головы

мужчин покрыты кепками с незнакомыми опознавательными знаками, коротко стриженные волосы не крашены, у многих пробивается ранняя седина. В остальном они совсем-совсем похожи на обычных жителей Колоний. Это озадачило. Моряк, стоящий слева у трапа, грубо схватил его за ворот и поторопил:

— Живее, пацан, собери свой студень!

Следом поднялся на борт наставник.

Никто не стал расспрашивать их; похоже, здесь никто не радовался их чудесному спасению. Команда разошлась по своим местам, рядом остались три матроса, человек с нашивками помощника капитана и сам капитан. Прибывшим приказали назвать имена и ещё узнали некоторые сведения. Наставник сначала был спокоен и уверен в себе, словно выполнил большое и сложное дело, но после бесцеремонного обыска насторожился и теперь пристально заглядывал в лица моряков Суши. Старпом ухмыльнулся, негромко процедил капитану: «Вырубить?» Капитан кивнул в ответ. Йон стоял ближе всех к этим людям и услышал, вернее, угадал слово по движению губ, только не понял: что выключить? В следующий момент наставника принялись безжалостно избивать. Дети заплакали и прижались к женщине. Женщина, Йон уже знал, что её зовут Эмилия, тоже испугалась. И Йон испугался. Он чувствовал, что всем несдобровать, и ему захотелось оказаться рядом с Эмилией. Он будет меньше бояться, если она догадается положить свою руку ему на голову или на плечо. Йон рванулся и перебежал поближе к женщине и её детям, чем вызвал недовольство моряков. Ему приказали не двигаться. Руки Эмилии заняты, она гладит

по голове маленького мальчика и девочку, которой на вид лет одиннадцать. Йон глянул на девочку: она не похожа на дочь Эмилии и не называет женщину мамой. Он взял девочку за тонкое запястье и крепко сжал её ладонь в своей. Стало не так страшно. Им нужно держаться вместе. Просто держаться вместе.

На людей, поднятых с катера, всё время нацелена видеокамера — большая штуковина, внешние такой снимают. Но сначала капитан поднёс к объективу свои дурацкие наручные альфа-часы: так, чтобы видны были цифры, — и громко произнёс время на борту корабля. Капитан говорил в объектив. Что он говорил, Йон слышал как в тумане, кажется, капитан называл их заложниками, вонючими отбросами моря, грозился поквитаться с подводниками, которые в последнее время совсем зазнались и считают людей Суши недочеловеками. «Мы это исправим!» — говорил капитан, а камера передвигалась, держа заложников в кадре. Распростёртого на палубе наставника с разбитым лицом снимали крупным планом. Наставник лежал ничком, левый его глаз упёрся в зрачки Йона. В голове мальчика пульсировала навязчивая и сложная, на грани неуловимого, мысль: «Выстрел — страт: прыгай в воду!»

— Хватит лжи, подводники, полипы цивилизации! Пришла пора платить по счетам! — воскликнул капитан. Схватив Эмилию за волосы, приставил к её голове а-пласт.

Дети пронзительно закричали.

Кажется, Йон тоже вопил: прохладный воздух ворвался в его глотку, язык трепетал меж зубами. На-

ставник, вдруг рывком вскочивший с палубы, выпрямился в полный рост, шагнул на камеру и выплюнул слова, с усилием шевеля окровавленным ртом:

— Этонелюдисуши, мынагт...

Старпом ногой выбил камеру из рук растерявшегося матроса, ведущего съёмку, капитан оттолкнул свою жертву и разрядил а-пласт в наставника.

«Выстрел — страт!»

Словно подчиняясь команде, пленники устроились в разные стороны. Эмилия метнулась назад, подхватила маленького мальчика. Йон и девочка, не разжимая рук, бежали влево. Йону казалось, он делает нечеловеческие прыжки, приближаясь к спасительному (почему спасительному?) борту. Девчонка успевала шаг в шаг. Йон слышал разряды а-пласта за спиной: стреляли в другую сторону, в женщину, которая искала спасения за правым бортом. Разряды сухо свистели над самым ухом, но он и девчонка уже вспрыгнули на перила. Девчонка содрогнулась и сильно дёрнула Йона. Падал он, развернувшись в момент толчка лицом к корабельному корпусу, из утюнно-чёрного вдруг сделавшегося белым. Падал в холодно синеющую далеко внизу воду, и время словно остановилось. Последнее, что видел Йон: надпись на борту судна «Тритон-215 О» и на воде вдоль ватерлинии вскипающие фонтанчики от одиночных выстрелов.

* * *

— Они снимали и транслировали в режиме онлайн, и это не подделка, ребята! У них случилась не-предвиденная ситуация, такое не отрежиссируешь: парню в униформе не дали договорить, по камере

ударили, намереваясь отключить звук. Оборвали на полуслове, кровь бедняги забрызгала объектив, но ещё три секунды упавшая камера снимала палубу. Кажется, женщину тоже подстрелили. Но дети... С детьми не так однозначно. Ну и ребяташки: кто их учил?! Да такой реакции позавидует любой спецназовец: бросились врассыпную одновременно. Бежали к бортам. Спасались или рванули с перепуту — непонятно. Алекс, Фил, попробуйте прочесать весь квадрат. Знаю, знаю: незаконно и всё такое. Но если есть шанс найти детей, нужно это сделать. А уж я по-забочусь обо всём остальном. Вы ближе всех к месту, где произошла вся эта жуткая история. Пока подоспевают спасатели, может быть поздно. Да и сенсации кой-чего стоят в наше время, да простится мне — в такую минуту скорби... Сами знаете, сколько отвялят за свежий репортаж по горячим следам. Нам ни в жизнь не заработать столько, даже снимая китов и касаток двадцать четыре часа в сутки. Так что за работу, ребята!

Голос не прекращал возбуждённо гудеть в трубку, что свидетельствовало о нешуточном волнении мистера Смолетта, руководителя проекта «Жизнь в океане».

Антенны «Гринпис-Гео» приняли нечто настолько жуткое, что старик теперь невменяемый. В этом состоянии поток слов, изливающийся изнутри шефа, иссякнет нескоро. Благо отвечать не обязательно. Алекс, оставив телефон включённым и не мешая шефу говорить до тех пор, пока у того не пересохнет в горле, принялся лихорадочно собираться. В направлении строго на север от их поплавка-

маяка несколько часов назад случилась чудовищная трагедия: разнесён на мелкие куски искусственный остров !Касатка!, погибли тысячи юных подводников. Ребятишек искренне жаль. И даже если пару жизней можно спасти, нужно сделать это, и шеф с его потоком пафосной велеречивости тут ни при чём. Пиратов, забросивших кадры дикой расправы в сеть, бояться не стоит: после всего, что они сотворили с беззащитными детьми и женщиной, им лучше смыться подальше на всех оборотах. Что они наверняка поспешили сделать, если не круглые идиоты. Тем более эфир лопается от переговоров военных и гражданских о-транспортов: люди Моря спешат к месту трагедии. Алекс давно бы рванул туда, но Фил пригнал лодку только полчаса назад, а в спасательном пузыре далеко не уплыvёшь. И тут сразу: шеф...

— Фил! Ты готов? — окликнул Алекс.

— Готов, но без портов, — пробурчал флегматичный напарник, освобождая от своих нешуточных объёмов крохотную кабинку клозета и предпочтая справляться с шириною вне кабинки, «узкой в плечах» — по его собственному мнению.

— Сеть взял? — обратился он к Алексу.

Субтильный Алекс, никогда не сетовавший на размер гальюна, стал метаться в поисках сети.

— Нашёл! — доложил он. — А для чего нам сеть?

— А для чего ты её искал?

— Доверяю твоему опыту, брат.

— Угу. Это ты правильно. Подводники — ушлые ребята. Ты в курсе, что они неплохо оживляют мертвцов? В смысле, покойников, по нашим меркам.

— Ты не заливаешь? Я думал, это анекдоты.

— Как сказать. Ничего не бывает на пустом месте. Старослужащие на «Гринпис-Гео» рассказывали, были свидетелями, как они обошлись с трупом своего — гражданина Моря, так сказать. Парень был законченный мертвец, но они его подхватили бережно, живо освободили от полиэтиленового мешка, такого, знаешь, строгого стильного мешка с фирменной застёжкой а-ля Костлявая Дама, уложили в футляр, футляр ещё в футляр....

— И в футляр футляра того футляра, который внутри футляра...

— Да. Заводи мотор! — Фил легонько подтолкнул Алекса в лодку. — Ребята врать не станут. Профессор, наблюдавший всё это, только вздохнул завистливо: мол, технологии у них не чета нашим!

— Значит, выходит, спасать будем всех, кто подвернётся: живых, неживых, условно мёртвых и теоретически отдавших концы.

— Типа того. А теперь кончай трепаться и смотри в оба.

— Рано ещё, у нас минут десять ходу. Я успею загадать желание: хочу спасти прекрасную девушку...

— У подводников других не бывает, морские гёры все — как на подбор. Но их девчонки крупноваты для тебя, брат. Они там на диете из водорослей растут как на дрожжах. Через тысчонку-другую лет будут ходить по морю аки посуху, ну и иногда переплыть самые глубокие места, например, если ножка сорвётся в Марианский жёлоб.

— Я хочу спасти самую прекрасную из самых низкорослых девушек народа Моря! Хотя бы одна симпатичная карлица у них найдётся?

— Пусть будет карлица, мне что, жалко? Только она вряд ли клюнет на парня Суши.

— Среди подводников она не может найти себе пару, она едва достаёт им до пупа, и грустит, и льёт слёзы, и проклинает своё одиночество. И тут являюсь я — пропорциональный и чертовски соразмерный! Моя принцесса льнёт к мужественному плечу и притягивает к горячей груди... Ты что молчишь?

Беспокойно посопев, Фил признался:

— Непорядок у меня с кишечником... попробую я по-нашему, по-морскому. На вольном ветре...

Ухватившись за поручни, могучий кинооператор, покряхтывая, свесился через борт.

Увесистый шлепок огромного хвоста по ягодицам был так силён, что кинооператор чуть не свалился в волны. Испуганный и злой, забрызганный с ног до головы водой, запутавшись в спущившихся штанинах, он чертыхался и проклинал морскую красотку, так оперативно клюнувшую, но не на ту задницу.

Алекс, с трудом сдерживая смех (вообще-то, напарник избежал серьёзной угрозы нырнуть в холодную воду от удара игривой афалины), притворился обиженным:

— Да, я всегда подозревал, что твой зад больше нравится девушкам!

— Пошёл ты! — отмахнулся Фил, возвращая на лицо привычную мрачную невозмутимость.

Нужно было спешить; до наступления темноты оставалось недолго.

Судя по радиопереговорам, уже через два часа на месте трагедии появился первый о-транспорт и теперь работы вокруг обломков острова шли полным ходом.

— Чётко всё у них наложено! — вздохнул Алекс. — Учитывая здешние глубины, расстояния и полную неожиданность — двести лет никто не трогал Колонии, — подать технику так быстро — это, скажу я, киборги, а не люди!

Фил, за внешней флегмой которого скрывался цепкий ум, не упускающий ничего, ответил:

— Не знаю, чем ты был занят, но я ясно слышал: подводники могли оказаться на месте через сорок минут, но ещё около часа выясняли обстановку; всплывающий о-транспорт вёз подростков из рифа Новые Эмираты, всего где-то шестьсот человек. Они не могли рисковать, потому подошли не сразу и с соблюдением всех предосторожностей.

— Получается, случись взрыв на сорок минут позже, эти ребята тоже были бы мертвы?

— А если бы случился ещё на час позже, то накрылся бы и следующий транспорт, а в нём ещё полтысячи детей. На «Касатке» начиналась новая учебная смена. Детей свозят со всех рифов в течение нескольких дней.

— Братец Фил, так подводникам как бы чуток повезло?

— Вроде того... Но вся эта история мне жутко не нравится. Думаю, кто-то начал большую игру. И если пешками поставили детей, значит, игра будет не на жизнь, а на смерть.

Фил, по своему обыкновению, не замечая, что нагнетает обстановку, осмотрелся.

Лёгкая рябь морщила роскошный шёлк моря, по небу плыли высокие облака, чётко очерченные на синем небе, со стороны Антарктики дул свежий ветер, — день был хороший.

— Так, мы прибыли. Стариk сказал, направление видеосигнала было отсюда. Если бы пираты прошли ближе к нашему поплавку, приборы на маяке засекли бы судно. Но нет. Ни китов, ни кораблей с утра не было.

— Не было, — подтвердил Алекс.

— Значит, из этой точки начинаем двигаться по направлению радиолуча, слегка рыская, обследуем поверхность, и так до квадрата бывшей «Касатки». Не спешим. Там мы не нужны, там и без нас народу хватает. Хотя, если повезёт и нас подпустят ближе, можно будет наскрести материала на репортаж. Включи поисковые системы. И держи палец на кнопке связи с нашим стариком, в любую минуту может понадобиться. А второй палец — на связи с внешней линией. На всякий случай.

— Сколько моих пальцев задействуем? Ты, надеюсь, помнишь, что у меня их определённое количе...

Алекс, оборвав себя на полуслове, принялся тянуть за комбинезон оператора:

— Это что такое, Фил?! Разогни спину и взгляни, да не на воду, выше! И камеру, камеру в дело! О боже!!!

Далеко впереди, на границе моря и неба, по плавной дуге падал подбитый самолёт, оставляя за собой густой дымный след. В той стороне, помеченный координатами КС-19-3, погиб остров. В той стороне работают спасатели. И там сейчас происходило страшное: Подводные Колонии нанесли ответный удар, сбив самолёт.

— Фил, это война? — шепнул Алекс.

Не прекращая съёмку, оператор процидил:

— У Подводных Колоний нет воздушного флота, только космические спутники. Это падает самолёт Суши. Наш самолёт.

— Может, всё-таки террористы?

— Хотел бы я, чтобы так и было. И схватить за выи этих засранцев, и душить своими руками: душить долго и беспощадно. Алекс, боюсь, мы сняли первые кадры начала четвёртой мировой.

В лодке некоторое время царило молчание.

Напарники смотрели друг на друга.

— Что будем делать? «Врагу не пожелаешь родиться в эпоху великих перемен!» — говорили древние китайцы. Если война объявлена, мы можем быть идентифицированы как экипаж воюющей стороны, непонятно с какой целью собирающий трупы противника.

На волнах качалось несколько тел.

— Что в эфире, Алекс?

— Помехи, обрывки. Деловые разговоры, ничего конкретного.

— Давай всё же соберём трупы несчастных ребятишек, если ты не против.

Когда из зоны бедствия к ним подошло судно Подводных Колоний, в прицепленной надувной лодке лежали тела детей — подростка и девочки, женщины и мужчины в форме наставника учебной базы «Касатка».

Алекс и Фил в смешанных чувствах наблюдали, как перед ними разворачивается, подставляя белый

бок, великолепный новёхонький бот, созданный гением подводных инженеров.

«Потомки американцев и под водой производят на свет откровенно воинственных мужиков», — подумал Алекс, глядя в суровое, твёрдое лицо капитана и определив его национальность по нагрудному значку. Подводники по непонятным причинам носятся со своей родословной.

Он чувствовал себя щедушным перед шеренгой рослых, как на подбор, и могучих парней Моря. Что говорить, даже здоровяк Фил, неразлучный со своей камерой, смотрелся середнячком на фоне двухметровых верзил.

«Или они специально подбирают таких, чтобы внушать трепет уже одним внешним видом, или всему земному человечеству давно пора на дно...»

Дальше события развивались как в страшном сне.

Старпом вытянулся перед капитаном с докладом:

— Среди трупов, собранных этими людьми, называвшими себя теледокументалистами...

— Что значит называвшими себя?.. — в один голос воскликнули напарники. Их возглас проигнорировали.

— ...Среди подобранных в море тел обнаружен труп диверсанта, предположительно взорвавшего базу «Касатка»: это резидент-международник по кличке Гипнос. Запрос на него был послан после трансляции кадров террористов. По непонятным причинам, они торопились показательно устраниТЬ агента. Разведки Европейского содружества, Союза евреев Суши и Латинского Мира отказываются давать пояснения. Ссылаются на то, что резидент у них

в розыске уже пять лет и до сих пор себя не обнаруживал.

— Так. С политикой разберёмся на досуге. Состояние найденных тел?

— Судовой врач осмотрел всех. Женщину и старшего мальчика пытаются спасти. Девочку уже не вернуть, резидент тоже мёртв.

— Капитан, с судна «Гринпис-Гео» пришло подтверждение личности кинооператора Фила Маре и его ассистента Александра Папулоса, — офицер связи протянул трубку и, прикрыв ладонью динамик, прошептал: — Руководитель проекта мистер Смолетт, их шеф, уже минут пятнадцать изрыгает клятвы, заверения, просьбы и проклятия с невиданной скоростью и без остановки для дыхания.

Капитан с непроницаемым видом поднёс переговорное устройство ко рту:

— Маре и Папулос арестованы как подозреваемые участники террористической акции. Они будут доставлены в риф Союз, где их заключат под стражу до выяснения их роли в уничтожении плавучей базы. Мистер Смолетт, готовьтесь ответить на вопросы военного атташе: почему ваши люди искали труп резидента в территориальных водах Подводных Колоний? И мой вам совет: молитесь, чтобы «Гринпис-Гео» благополучно дошёл в любой ближайший порт до начала развёртывания боевых действий Армии Моря. Суша ответит нам за каждого убитого ребёнка! Конец связи.

ПОДВОДНЫЕ КОЛОНИИ

озже всех в Главное Управление примчался Марк Эйджи: запыхавшийся, взбудораженный, с волосами, перехваченными банданой, сооружённой из чего-то, сильно напоминающего одноразовое полотенце цвета индиго. Модный хлыщ не позволил себе появиться на людях с нечёсаной шевелюрой, а расчесаться Эйджи не хватило времени. Валевский представил, как инсуб, вырванный из чьих-то объятий, не успев принять душ и непрятворно страдая от не завершённости своего образа, на ходу набрасывает на плечи китель, по-спринтерски разгоняется на серых, медленно тянувшихся тротуарах, обегает редких прохожих, испуганно шарахающихся, чтобы уступить дорогу торопливому пешеходу, перепрыгивает с одной скоростной ленты на другую на перекрёстках, и глаза его мечут злые цветные молнии, пока он нетерпеливо переминается в ожидании служебного лифта...

Через минуту инсуба было не узнать: собранный, сосредоточенный, он выслушивал своего руководителя и отвечал, не позволив себе ни одного жеста — и это непосредственный Эйджи, тело, особенно руки

которого всегда готовы дополнить слова выразительным переплясом. Судя по кивкам начальника отдела, отвечал инсуб тоже дельно. И уже никто не обращал внимания на повязку на его голове. Похоже, сам Марк напрочь забыл о внешности.

Арт порадовался за друга: словно два разных человека уживались в этом чудаковатом парне.

Ожидали доклад правительенного чиновника.

Видимо, не только сотрудники Главного Управления прервали свой уик-энд; доклад назначили на послеобеденное время. Подводные Колонии готовились перейти на военное положение. Люди смотрели в будущее с тревогой и непониманием. Как такое могло произойти? Двухсотлетний мир, казавшийся незыблемым, разбрался в одночасье.

Дрожали руки докладчика. Человек был на грани срыва и не сумел скрыть своё состояние. Это ещё больше напрягло всех. Разрушительный удар ракетной установки с корабля Моря по гражданскому самолёту, летевшему из Сантьяго в Сидней и, по роковому стечению обстоятельств, слегка изменившему траекторию движения так, что оказался в подозрительной близости от злополучного квадрата КС-19-3, был воспринят с холодным отчуждением. Информация анализировалась, но ещё не затронула чувства. Долгий период благополучия и процветания сыграл злую шутку: сострадание к тому, кто дальше собственной вытянутой руки, — не главная добродетель в рифах.

История повторилась: в конце ядерной зимы, во время Первого Вдоха, новое поколение подводников,

родившееся и повзрослевшее в рифах, решало для себя: зачем им принимать деятельное участие в проблемах Надмирья?

Называя количество жертв на «Касатке», докладчик перешёл на фальцет. Он сделал над собой усилие, чтобы выговорить то, что должно прозвучать, а его брови взлетели высоко вверх, да так и остались там, помогая мужчине не моргать и сдерживать слёзы. За этим скрывалось что-то глубоко личное. В конференц-зале повисла тишина. Тихо заплакали женщины секретариата. На них никто не смотрел. Люди впали в прострацию. Гибель тысяч ни в чём не повинных детей — цвета общества, его будущего, его надежды — долгой болью отзывалась в сердцах, не привыкших к страданию.

* * *

С первых дней войны эксперт-аналитик Валевский столкнулся с непредвиденными трудностями. Его работа требовала абсолютной прозрачности всех сведений. Сейчас же приходилось проверять, сравнивать, снова и снова перепроверять поступающие данные. Дошло до того, что он, подключив инсуба с его обширными знакомствами, стал искать дополнительные источники информации в обход правительственный каналов. Неутомимость и целеустремлённость Валевского принесли результат. Правда, настолько неожиданный, что эксперт пришёл в замешательство. Какая-то внешняя сила контролировала информацию, всё больше ту её часть, которая касалась начала военных действий.

Он долго не решался сказать другу о своих вы-водах.

Эйджи, как всегда, удивил. От беззаботного тре-пача никогда не знаешь, чего ожидать. Усталый и хмурый Валевский так и заявил ему.

— Чего ты злишься? — фыркнул Марк. — Я свёл тебя с нужными людьми, они свели тебя с ещё бо-лее нужными персонами. Да так ты скоро выйдешь на внешнюю агентуру рифов: «Добрый вечер, я из Главного Управления. А скажите-ка, любезные, чем это вы занимаетесь?» Дружище, тогда я отрекусь от нашего знакомства — те ребята не любят, когда суют нос в их дела. И ещё: когда ты сделаешь хоть одну татуировку? Или пробьёшь дырку хоть где-нибудь? Мне важно, чтобы на этом аналитическом постном лице было за что ухватиться взглядом. Кстати, о взгляде. Я не настаиваю украшать линзами радужку, хотя тебе, прижимистый жлоб, можно без вреда для собственного кошелька вставлять не линзы — допол-нительную пару глаз: на затылок. Чтобы хоть задним числом замечать девушек. Когда уже я введу тебя, дремучий русский пейзанин, в приличное общество с высоко поднятой головой?

И дальше инсуб понёс околесицу насчёт очеред-ной грандиозной вербовки в Армию Моря, но анали-тик не слушал и только ругнулся в ответ:

— Тыфу, бездна!

Больше всего Валевского волновали несоот-ветствия в документах, с которыми приходилось иметь дело по службе. И противоречия разраста-лись снежным комом: война Моря и Суши длилась второй год.

А ещё Арт хотел по-настоящему выспаться.

Переступив порог своей квартиры, он пробурчал:

— Общество, понимаешь ли, с высоко поднятой головой! В бездну татуировки, дырки, бородки, стриженые виски, девушек... Нет, девушки пусть останутся. Ещё понадобятся... потом... С девушками всегда приходит мир.

Он сразу провалился в сон.

* * *

«...Колонии задумывались как интернациональные команды добровольцев-интеллектуалов. По мере того как грандиозный по своему размаху и дерзости проект продвигался, стало понятно, что какой-то период рифы будут существовать автономно друг от друга и остального мира. Ничего общего, кроме электрических кабелей, обеспечивающих связь. Под проект были созданы новые международные законы, регулирующие отношения Суши и Моря. Человечество предчувствовало, что техноцивилизация имеет и другой лик: смертоносный и разрушительный, и спешило надёжно изолировать хотя бы малую свою часть. И обратило взор не к звёздам, которые по-прежнему были далеки и недоступны, но в океан, колыбель жизни на Земле.

Пробное погружение не планировалось. Жилые модули должны создаваться под водой, их ввод в строй и энергообеспечение от гидротурбин, вращающихся морскими течениями, становились возможными только на больших глубинах.

Самой трудноразрешимой задачей стала проблема связи подводных мегаполисов с поверхностью. Её так и не успели решить на том уровне, которого

требовала безусловная безопасность. Разразившаяся ядерная война привела к тому, что наши прародители спешно покинули Сушу. Им никто не завидовал. Большинство жителей Земли отнеслись к попытке погружения как к добровольной жертве на алтарь науки.

Несколько недель в океане на плавучих платформах, последние лихорадочные приготовления — и девять миллионов человек ушли под воду в шести точках Южного полушария, чтобы не возвращаться на поверхность тридцать лет. И решать нерешённые технологические задачи, и расширять жизненное пространство. Через месяц после Первого Погружения огненный напалм, вырвавшийся из-под контроля разума, испепелил Азию и вызвал необратимые изменения в биосфере всей планеты».

Электронный экскурсовод закончил первую часть лекции.

Экскурсанты из рифа Новая Россия с благоговением вычитывали имена и фамилии первых смельчаков, выискивая в списках своих предков. Перед каждым, набравшим запрос, миракль воссоздавал предшествовавшие поколения, начиная с изображения далёкой страны, родины прародителя. Рассматривая изображение плоской поверхности с рваными очертаниями границ, с пятнами городов и ничем не заполненной пустотой между ними, молодые ребята не могли отыскать внутри себя ничего, что связывало бы их с родиной прародителя. Названия «Китай», «Америка», «Россия» звучали архаично. Находясь внутри миракля, они видели, как становились рядом с прародителями их избранники и избранницы из разных

рифов; в свой черёд дети первопоселенцев и их внуки образовывали супружеские пары, и с каждым поколением в огромном кotle народов и рас всех рифов происходило всё большее смешение человеческих геномов. Но за каждой фамилией обязательно следовала национальность прародителя: как девиз на древнем щите, как символ, как дань уважения Первому.

Зал торжества разума позволял любоваться панорамой столичного Союза. Вид открытой местности с уходившей вдаль перспективой бесконечных ярусов вызывал немое восхищение. Колossalный ресурс мегаполиса, с невероятной, безумной, расточительной щедростью создававшего иллюзию свободного внутреннего пространства, не на всех действовал одинаково. Были ребята, которые отходили от перил с чувством сильного головокружения и прятались в затенённые ниши в глубине зала, обеими руками и лбом упираясь в спасительную твердь стен. Их мучила боязнь открытых пространств, и яркое светило Союза вызывало резь в глазах. Родители умудрились ни разу не отпустить их на учебные базы, настолько сильны были предубеждения насчёт жизни в Надмирье. Некоторые парни поднимались на поверхность лишь пару сезонов. Видеокамеры следили за этими ребятами, чтобы потом специалисты могли уделить их подготовке больше времени: война с Сушей требовала новых солдат, смело глядящих вдаль.

Лена Валевская прибыла в столицу вместе с сыном-новобранцем. Она запланировала повидаться с младшим братом, работавшим на правительство, и

заодно наконец-то хорошенъко разглядеть этот хвалёный мир под солнцем.

Путешествие будущего солдата и с ним одного сопровождающего лица оплачивало правительство, свои сбережения Валевская вряд ли решилась бы растратить таким образом. Ей было неловко признаться себе, что любопытство провинциалки сыграло решающую роль в том, что она уступила сыну и дала согласие на вербовку своего младшего, Серого, в действующие войска. Утешала себя тем, что через год парню исполнится двадцать и её согласия уже никто не спросит.

Прямо с ленты тротуара шагнули под козырёк балкона второго яруса, Арт толкнул прозрачную входную дверь и ввёл своих гостей в общий холл, в дальнем конце которого сияла витриной продуктovая лавочка, заодно освещая замкнутое пространство общего коридора. В другом конце располагались душевые. По словам Арта, там же находилась маленькая сауна, на посещение которой нужно записываться заранее.

Местные старики коротали время не на газонах перед домом, как в Новой России, устроенной по террасному принципу, и не под лучами хвалёного здешнего солнца, а здесь же, в холле, на скамейках, отгороженных вьющейся вокруг вертикальной лампы густолистенной лианой. Из-за ширмы цветущих стеблей доносились их бодрые голоса.

Бокс брата не имел окон. Это было непривычно. Но «ракушка», он так называл своё жильё, оказалась очень даже комфортной.

В первой, полукруглой комнате, служившей гостиной, никакой мебели, кроме стола-трансформера в середине. Вокруг стола хозяин предусмотрительно расставил мягкие сиденья с высокими спинками. Лена не сомневалась, что стулья появились только по случаю приёма гостей.

На пустых стенах сверху донизу выступали штифты: толстые прозрачные стержни.

Серый не смог отказать себе в удовольствии и с радостным «Вот это да!!!» полез по стене, ловко перескакивая с одного стержня на другой и цепляясь руками за верхние штифты. Стремительно, за несколько секунд, прошёл весь периметр комнаты и вернулся на порог, откуда стартовал.

— Свернишо! — Лена беззлобно обозвала младшего сына кличкой всех спортсменов-штифтистов.

— Ма, ведь здорово! Дядь Арт, классно придумано!

Арт кивнул племяннику и слегка порозовел под весёлым взглядом сестры, представившей, как её очень взрослый брат пауком лазает по стенам своей комнаты.

Он нажатием на кнопки пульта заставил все штифты убраться в стены, открыл встроенный шкаф и принялся доставать с полок всё необходимое для приготовления ужина.

Лена между тем любовалась странным фризом, обегавшим гостиную под высоким потолком: там змеились причудливо переплетённые ветви лианы и среди молодых побегов и листьев с лёгким шелестом мелькала яркая шкура зверя, двигавшегося по ходу солнца. Это была территория пятнистого кота Суши — леопарда. Пока она рассматривала необыч-

ное украшение, леопард остановился за её спиной и негромко, но грозно рыкнул, а под его лапами расцвёл гибкий стебель орхидеи.

«Часы? — подумала Лена. — Зверь показывает время?»

И сказала, кивая в сторону леопарда:

— Это значит — сейчас восемь часов?

— Угу! — отозвался Арт, мельком глянув на восемь распустившихся цветков. — Каково вам в компании с хищным лео?

Зверь вполне натурально следил за гостями настороженными жёлтыми глазами.

Арт потянулся вверх, поднёс к нему руку, леопард до половины высунулся из ветвей, свесив лапу, и позволил почесать себя.

— Вам его лучше не трогать, — предупредил Арт, — кусает мой лео почти как настоящий зверь.

Леопард, задержавшийся с хозяином, в один прыжок догнал упущенное время и продолжил обход комнаты, выполняя работу секундной стрелки.

С левой стороны проём в стене гостиной вёл во вторую комнату, — что для одинокого парня роскошь. Эта комната служила спальней и, неширокая, огибала гостиную, следуя плавному закруглению стены. Пол здесь был застлан мягким белым ковром, таким пышным, что ноги погружались в него по щиколотку. По ковру разбросаны чёрные с сединой меховые подушки. Одна стена увешана странными украшениями: авангардными, яркими, ручной работы. В дальней части спальной комнаты три ступени вели на подиум. Лена подумала, что возвышение было задумано как уютный альков, но брат поместил

сюда электронный рояль. Лена помнила, как маленький Арти, сидя за инструментом, с прямой спиной и напряжённым от старания лицом, добросовестно выбивал гаммы, ставя на клавиши крепенькие, растопыренные крабом пальцы. Он всегда отдавался делу со всей серьёзностью. И не по-детски серьёзно переживал смерть обоих родителей...

Панель, делившая потолок спальной комнаты на две части, выдала расположение встроенной секции для одежды и белья. «Если братец-холостяк вообще пользуется постельным бельём, — подумала Лена. — Что ж, скоро проверим. По местному времени уже вечер».

Серый принёс пульт. Изучая назначение кнопок, вынудил опуститься с потолка гардероб Арта. Удивившись количеству фирменных рубашек, отправил гардероб назад. Затем новыми манипуляциями надул глубокое кресло, в котором поспешил развалиться.

Лена выгнала сына из уютной полусферы и усёлась сама, с удовольствием вытянув ноги.

Серый надул второе кресло, поменьше, так же ласково принявшее в свои объятия долговязое тело новобранца.

Привычного потолка в комнатах не было; вверху голубела имитация неба.

«Это у них в крови: любовь к небу планеты», — подумала Лена. И ещё подумала, что дядя и племянник становятся всё более похожи: одинаковые глаза, у одного — отцовские, у другого, получается, дедовские, и привычка оттягивать мочку левого уха в минуты задумчивости. Они одинаковы в пристрастии

к далёкому, и ненужному, и чуждому ей небосводу. Они оба выбрали спортивную игру штифт и их выбрал штифт: за ловкость, за трезвый расчёт и готовность рисковать собой, выручая игрока команды. Словно за покойным отцом, за Валевским-старшим идут, ступая след в след...

На потолке золотистые оттенки вечерней зари чуть тронули прозрачную лазурь и плеснули жёлто-оранжевого на подвижные облака, упливавшие за пределы комнаты.

— Круто же здесь! Солнце светит всем! — восторженно вздохнул Серый. Он утонул в мягкостях седого с серебром, в цвет подушек на полу, кресла, задрал голову и следил, как поверх украшающего стену пёстрого не пойми чего, увешанного бубенцами и кольцами, на смену сбежавшим весёленьким облакам в комнату вплывают мрачные вечерние тучи.

Из гостиной отозвался Арт:

— Ты не всё сказал, парень. «Солнце светит всем — и Суше, и Морю». Это значит, все люди планеты под Солнцем имеют право на счастье.

Аналитик подумал, что сейчас говорит не то, что должен услышать солдат, идущий на войну.

Он хозяйничал, распаковывая продукты для семейного ужина. Включил взятый взаймы котёл, в котором намеревался готовить экзотический сырный соус.

Лена стала рядом:

— Вижу, кухни для вас — роскошь? — улыбнулась она.

— Это столица Подводных Колоний, здесь не принято отбирать хлеб у любителей стряпать, — улыбнулся он в ответ.

Междуним и сестрой до сих пор сохранялась тёплая привязанность.

Преждевременную смерть родителей Арт пережил не так остро потому, что оставалась Лена, понимающая и строгая. И он принял её как замену рано ушедших родителей — она хранила запах матери. Он утверждал, что ей идут мамины арома, и Лена поверила или сделала вид, что поверила, и изящные крохотные пузырьки, оставшиеся после ухода мамы, так никогда и не менялись на другие... А запах отца вскоре улетучился, и Артемий долго не мог смириться с этой потерей.

Скоропалительное замужество сестры застало его врасплох: мальчишка ревновал. Дружок Лены не нравился Арту. Потом Лена рассталась со своим возлюбленным, родив первенца Ясения. Отцом Серого стал второй муж Лены, и с ним Валевский хорошо ладил. Тот относился к студенческим визитам шурина как к приезду ещё одного ребёнка, и вскоре всё как будто склеилось в жизни Арта.

— Артемий, ты кого-то ждёшь? — спросила сестра, видя четыре столовых прибора и четыре шпажки для макания в соус. — Надеюсь, будет девушка?

— Нет, придёт мой коллега.

— Почему не девушка? — не смолчала сестра, сковористо нарезая в невиданных количествах зелень для салата. Прикинула, что за стол сядут трое мужчин, и добавила сочных листьев кунья.

— Твой брат карьерист, — отговорился Валевский. — А всё остальное потом. Когда-нибудь.

«Ну-ну, погляжу я на твоего друга», — только и успела подумать Лена.

Входная дверь уехала в сторону и, театрально задержавшись на пороге, в проёме нарисовался увешанный глянцевыми упаковками Марк Эйджи: в накрученном петлями умопомрачительном шарфе, лоснящемся атласной чернотой; с пирсингом над широкой левой бровью, тоже чёрно-атласной, красивого рисунка; окружённый запахом дорогого лосьона для бритья и сатанинским блеском в больших, с прищуром, глазах.

Лена замерла, не в силах отвести взор от эффектного гостя. Даже невозмутимый увалень Серый вскочил с кресла и забыл, для чего щёлкал кнопками пульта. Потолок с тихим звоном стал гаснуть, по стенам один за другим включались светильники.

Эйджи и тут извлёк из ситуации всё, что можно: каждый светильник зажёгся, сопровождаемый звонким щелчком пальцев инсуба.

Лена рассмеялась.

Серый бросился к коробу в руках гостя — оттуда доносилось отчётливое мяуканье. Полосат Счастливый, не без причины считавший дом Валевского своей второй резиденцией, требовал немедленно выпустить его.

Арт философски вздохнул: необязательно стараться с угощением в доме, где гостям показывают кити, вряд ли теперь его родные заметят, что будут есть.

Лена потеряла интерес к приготовлению ужина и подставляла ладони стосковавшемуся по вниманию Полосату. Кити осчастливили всех, охотно заигрывая

с гостями. Арту пришлось в одиночестве накрывать на стол и посматривать на весёлую компанию, развалившуюся у него на ковре. Вскоре он даже немного заволновался за сестру, очарованную Марком.

— Так у вас семьи предпочитают иметь свою кухню? — спрашивал Марк.

Валевский подумал, что Лене нелегко противостоять обаянию инсуба. «Игривый сатир никогда не замечает возраста женщины, с которой общается!»

— Да, — отвечала порозовевшая от удовольствия сестра, — мы ценим домашнюю еду.

— Арт, ты никогда не говорил, что в доме твоих родителей есть настоящая кухня! Из этого аналитика слова нужно вытаскивать клещами, — поплакался Марк.

— Он всегда был таким... скрытным.

— Молчунам на роду написано взбивать соус, — понизив голос, съехидничал Марк, глянув в сторону хозяина дома, колдовавшего над котелком. — Что же умеет готовить наша прекрасная дама?

— О, легче назвать, что я не умею готовить! — ответила Валевская, польщённая деликатным обхождением.

— Её бренд руллы и пироги, — присоединился к беседе Арт, — моя сестра печёт изумительные пироги.

— У мамы пятьдесят восемь рецептов выпечки с разной начинкой, я считал! — Серый вставил слово, украдкой принюхиваясь к запахам из столовой.

Инсуб изобразил неподдельный интерес:

— Я знаю место, где подают неплохие расстегаи с рыбой: с о-рыбой и иногда с настоящей, морской. Мне жутко хочется твоих пирогов, Лена, давайте вместе заглянем туда и сравним: хоть чуточку похожи?

— Вряд ли ресторанная стряпня лучше моей. И уж точно никто у вас в Союзе не делает шарлотку со сладкой начинкой из клюквы в твороге, залитую мармеладом. И обеденный пирог с мясными бобами и ромовой корочкой.

— Я хочу в Новую Россию! — распластался на ковре инсуб. — Я всегда боготворил женщин, умеющих готовить! А тем более если женщина — высокий специалист?.. — он сделал паузу, желая услышать специальность Валевской.

— Я инженер-гидропоник, класс-10.

— Высший инженерный? Богиня! Флора!

— Что он говорит? — спросила сестра, смеясь и вытягивая кисть из ладони Эйджи.

— Гаер назвал тебя древней покровительницей растительного царства. Гордись.

— Кое-кто забыл про сына и племянника, — пробурчал вконец изголодавшийся младший Валевский, уставший ждать ужин. — А мой транспорт завтра вечером отправляется на поверхность.

— Как завтра?! — всполошилась Лена. — Ещё один молчун на мою голову! Что же ты мне сразу не сказал? — огорчённая женщина выпустила кити.

Полосат облизнулся и немедленно посеменил ис-
кать нового обожателя.

— Семья, рассаживаемся, поговорим за столом, — распорядился Валевский, закончив с приго-
товлениями.

Тонкие ломти синтезированной телятины на-
кручивали на шпажки, макая в кипящий котёл, где
через минуту мясо покрывалось запёкшейся сырной
корочкой. На гарнир ушёл весь салат, без остатка, —
Лена не ошиблась с количеством. Соус у Валевского

удался на славу. После мяса Серый стал опускать в котёл овощи, затем хлеб: получилось вкусно, и все присоединили свои шпажки к шпажке новобранца, в последний раз ужинающего с родными.

— Почему так спешно отправляют ребят? — озабоченно буркнул Арт в сторону инсуба. — Серый должен не меньше месяца заниматься в учебке здесь, в Союзе.

— Сколько сезонов ты был на Каса..., гм, на базе КС? — спросил Марк новобранца. После трагедии с островом, приведшей к началу войны между Морем и Сушей, название «Касатка» старались не произносить.

За сына ответила Лена:

— Девять сезонов. Мой младшенький целый год бредил учебкой, приходилось каждое лето раскочеливаться. А потом встречать его с облупившейся спиной, костлявого, прожорливого, перестирывать вонючие шмотки, пахнущие собаками, рыбами и ещё бездна знает чем.

— Ма, на поверхности всё пахнет по-другому.

— Вот. Пахнет! В твоём случае — смердит.

Младший Валевский хмыкнул:

— Ма не верит, что на поверхности запахи просто шибают в нос, поначалу просто теряешься, они текут отовсюду, а потом привыкаешь.

— Да уж! — отмахнулась Лена. — Ещё приходилось слушать его бесконечные сплетни о порядках на базе, рассказы о волнах, птицах, животных и ураганном ветре, который унёс было нашего Серого, но передумал и вернулся обратно, к мамочке родной.

Лена закончила свою тираду и потрепала сына по спине. Серый не тратил время на разговоры, дожёвывая салат.

Марк ответил:

— Первыми отправляют тех, кто прошёл полный курс обучения и адаптации. Их подготовку закончат прямо на кораблях. Чему ещё можно их научить в рифе?

За столом повисла тишина. Впервые почувствовали по-настоящему: этот юнец отправляется на войну.

— Ещё не поздно отказаться, Сергунчик? — в тайной надежде произнесла Лена с потухшими глазами.

Арт не стал обнадёживать:

— Отказ будет рассматривать Высшая военная комиссия. Дело сделано, сестра. Надеюсь, парень, это было твоё решение?

Серый кивнул:

— Всё в порядке!

Грустная Лена молча ушла в спальню.

— Помоги матери устроиться с ночлегом, — вел Арт, подбросив племяннику пульт.

Серый скрылся в полутьме спальни. Тихо зажужжал спускающийся с потолка матрац, заполняясь лёгкой ортопедической пеной.

Арт глянул на Марка пытливо и тревожно. Выражение лица инсуба не сулило ничего хорошего.

Валевский сдержал глубокий вздох.

— Эй, солдат, служба началась! — позвал он Серого.

— Чего? — племянник вернулся к столу, опустив экран, закрывший вход в спальню. Артемий протя-

нул ему пакет для мусора. Серый принял сортировать посуду со стола, между делом макал оставшиеся ломти хлеба в холодный соус и один за другим отправлял куски в рот.

Валевский подумал, что на войну идёт совсем ещё мальчишка.

— Печенье здесь очень даже ничего, — сказал Серый, заправившись напоследок сдобными колобками с ореховой посыпкой, — не мамина выпечка, конечно, но тоже вкусное. Спасибо за ужин, дядь Арт!

— Служи достойно, младший Валевский! И ещё, пацан, сделай так, чтобы твоя мать не волновалась.

— Кое-кто в курсе, что мне до совершеннолетия остался год? Может, я обнаружу в своём багаже подложенные памперсы?

Марк, наблюдая со стороны семейную сцену, сухово произнёс:

— Мы в курсе, птенец. Завтра ты закажешь себе галет. Чтобы клюв не зарос. Галеты будут не детские, требуй антарктические. Четыре фунта закажешь в четырёх разных местах, оплати доставку курьерами. Понял?

Серый едва не подпрыгнул:

— Четыре фунта галет? Это почти сорок фунтов жратвы!

— Антарктические потянут больше. Упакуй их, как пакуют личные ценности, по одному фунту, и сдай на хранение старшему офицеру. Сделай, как я сказал, если не хочешь, чтобы в твоём белье ещё перед отправкой транспорта порылись патрули.

Серый притих.

Арт сунул племяннику кредитки.

Через месяц электронка от обезумевшей от горя Лены сообщила: взвод Серого, едва сойдя на аргентинский берег, пропал в полном составе при таинственных обстоятельствах.

* * *

— Ты знал?! Что, что ты знал? — шипел в лицо Марку Валевский, долго искавший возможности поговорить с тем с глазу на глаз, но вынужденный дождаться конца рабочего дня. Инсуб, по его признанию, мотался безвылазно в сети подконтрольных транспортных омега-каналов.

— Я знал, что твой племяш любит точить всё подряд. Потому и посоветовал запастись галетами. А теперь клан Валевских объявляет мне вендетту?

— Поручи соседям досмотреть Полосата, сегодня мы идём по всем злачным местам! — пригрозил Арт.

Эйджи недоверчиво хрюкнул.

За предложением Валевского, не способного без Марка найти даже обычную пивную вечеринку, скрывалась решимость устроить ему допрос с пристрастием.

В последнее время не только под глазами Валевского легли синие тени от недосыпания, Арт заметил: у инсуба тоже черты лица стали суще и твёрже.

— У тебя уши отросли, что ли? — опередил его Марк, критически рассматривая осунувшуюся физиономию аналитика.

Арт не в первый раз подумал, что между ним и инсубом, как в сообщающихся сосудах, перетекают одни и те же мысли. Но глазастый чёрт всегда успевает высказать их первым.

Для разговора по душам решили утнездиться в кафе-мороженом. В поздний час детей, главных потребителей сладкого льда, не было, но кафе не закрывалось, и непонятно, кого ждала хозяйка за стойкой. Скоро всё объяснилось: здесь торговали ещё и молочными продуктами. Редкие покупатели заходили сюда принять вечернюю дозу соевого йогурта и за-пастились творожной пастой.

Тишина, безлюдье, низкие столики и уютные полукруглые диваны, на которых удобно развалились оба приятеля, располагали к разговору.

После порции льда с сиропом к Валевскому вернулось его обычное благоразумие, и он отказался от попытки вывести инсуба на чистую воду. Судя по всему, Марк знал о положении в зоне боевых действий не больше его самого и про галеты сказал безо всякой задней мысли.

Завтра с утра предстояло заняться пропавшим взводом племянника.

Артемий раздумывал: кто в ГУ может навести на след несчастных, оставшихся на Суше?

Лена с ума сходит от горя.

Бездна!

Как позволили потеряться целому взводу новобранцев?

У него складывалось впечатление, что неизвестная третья сила столкнула Надмирье и Подводные Колонии. «Не надо множить сущности без необходимости», — ответил он себе изречением Оккама. Следом его посетила мысль, что до сих пор он собирал сведения, делая срез информации в настоящем времени. Что, если имеет смысл вернуться в нулевую

точку, ко времени Великого Погружения? Что, если культурные отличия, накопившиеся за двести лет, привели к войне?

В выборе тем Эйджи оказался парадоксален, как всегда. Валевский ничуть не удивился, когда инсуб завёл разговор о том же:

— По-твоему, сколько жителей Моря помнят настоящую причину Великого Погружения?

— «Для любого события существует пять причин», — пословицей отозвался Арт. — Причин и было пять. А может, шесть или тридцать шесть... Думаю, историей Погружения вплотную интересуются три процента населения, не больше.

— Не маловато ли, аналитик?

— Добавим сюда процентов двенадцать тех, кто представляет в общих чертах, какая идея двигала первыми колонистами, но не вникает в тонкости. А вот три процента, о которых я сказал, — действительно знают, почему предки решились уйти в море.

— Я думал над этим. У меня тоже выходит примерно так. А остальные?

— Принимают всё как есть, не задумываясь. Общество Подводных Колоний — самая эффективная форма человеческой самоорганизации.

— Самоорганизации, ты сказал! — Эйджи оскалился и затряс пальцем в направлении Валевского. — Марк, кончай дурачиться. Той самоорганизации, которая немыслима без направленного контроля. И мы с тобой — винтики системы контроля.

— Нам нужно больше доверять друг другу, приятель, времена сейчас непростые, — теперь инсуб говорил загадками. — Мне интересен этот разговор, и я хочу начистоту и до конца.

— «Крепка ли вера твоя?» — как говорили древние?

Эйджи улыбался.

— Ну, типа того. Или мы смотрим в одну сторону и видим одно и то же, или есть отдельные расхождения, или у нас разные мнения о путях Суши и Моря. Всё просто. Итак, мы оба в теме. Задай мне вопрос, аналитик, — серьёзно закончил он.

— В чём причина войны Моря и Суши?

— Хорошо, что ты не спросил, кто в ней победит.

— Есть сомнения?

— У меня — нет.

— И у меня тоже. На кой она нам нужна, — вот что меня мучает... И куда отправили Серого — тоже. Очень.

Марк промолчал. Вопрос Валевского был скорее риторический.

Вместо ответа инсуб задумчиво произнёс:

— Что было бы, если бы человечество не разделилось?

Валевский внутренне поёжился.

Сменилось несколько поколений со времени Великого Погружения, но путь, который выбрало Надмирье, как и предсказывал предтеча Погружения, русский церебролог Савельев, действительно вёл в тупик. Это ясно любому в Подводных Колониях. Но каким-то уму непостижимым образом внешних не волнует, что их цивилизация близится к закату. Или они не желают признать очевидное.

— Я думаю, сколько столетий осталось внешним? В смысле, когда они начнут снимать скальпы друг с друга и есть печень врага?

— Без инъекций наших технологий — лет триста, — ответил Арт.

— Ты не слишком щерд?

— Я верю в них, — вздохнул Валевский. — Но триста лет — это максимум. Запасы угля и нефти исчерпаны, а внешние не спешат совершенствовать работу с даровыми источниками. Технологии добычи ветровой и солнечной энергии у них не продвинулись со времён Третьей мировой. До поедания друг друга, надеюсь, они не докатятся, но эпоху перегретого пара эти ребята себе устроят.

— И при таком раскладе война с Морем не нужна Надмирью. Уж кому-кому, но внешним остаться без помощи Колоний — значит уверенно отступить назад.

— И это только самый поверхностный прогноз, — буркнул аналитик. — Если завтра мы уберём космодромы в Танзании, закроем научные базы в силиконовых долинах и перестанем поставлять высокие технологии, да ещё лекарства, то уже послезавтра последствия для Суши будут непредсказуемые. Университетскую профессуру и высококлассных медиков с первых дней войны отзвали, и внешние сразу ощутили эту потерю. Хотя, может, мы недооцениваем внешних? Учи, мы с тобой патриоты моря и не свободны от предубеждений насчёт Надмирья.

— Хе, и это говорит правительственный эксперт? Если уж ты не свободен от предубеждений, то что говорить обо всём нашем обществе?

— Ничего хорошего, сэр. В аналитике принято делать поправку до десяти процентов на человеческий фактор: культурные, межэтнические, индивидуальные и прочие заморочки...

— Но это же напрочь сметает точность прогнозов! — удивился инсуб. — Ребята, да вы же врёте. Ткнуть пальцем в небо — это очень плохая наводка!

Валевский двинул бровью. Формально Марк прав. Но в аналитике свои секреты, и их достаточно, чтобы добиваться правильного результата с максимальной вероятностью. Главное — чистота исходных данных. А вот с этим сейчас действительно проблема.

— Ладно, дружище, я больше не лезу в твои профессиональные тайны, — Эйджи вернул разговор в прежнее русло и пристально вгляделся в плавные обводы потолка над головой.

«Клянусь, знаю, почему ты любуешься потолком, — подумал Арт. — Небось за моей спиной сейчас нарисовалась смазливая молодая мамаша. Неутомимый сатир вертит зрачками, чтобы блеск глаз был ярче, но при этом ему обязательно нужно делать вид, будто бы невзначай...»

Арт, ища подтверждения своей догадке, оглянулся. В молочном баре по-прежнему не было никого, кроме скучающей мадам за стойкой в дальнем углу, плявившейся в настенный о-визор, транслирующий концерт.

Эйджи рассмеялся:

— Ты подумал, не завлекаю ли я кого? Да-да, ты так подумал! Заодно решил тоже взглянуть на ту, которая вошла... Нормально! Я тебя проверял. Знаешь, я на днях вернулся к постулатам профессора Савельева. Перечитал на досуге... Иногда интересно снова открывать для себя то, что вроде бы знал, но отложил на дальнюю полку. Тезис о доминировании сексуальных инстинктов на любом этапе эволюции и всё такое...

Валевский сконфуженно потряс головой.

— Интеллектуальный манипулятор!

— Я? Или Савельев, идеяный отец нашего мира?

— Ты, — буркнул Валевский. — И профессор тоже. Без манипуляции сознанием не обходится ни одна новая идея. А он в своё время сумел здорово встряхнуть учёных.

— И в результате мы — седьмое поколение общества с узаконенным церебральным сортировщиком населения. На Суше отбор по медицинским показаниям отвергнут как антигуманный метод, нарушающий права человека. Мы — потомки беглецов, пожелавших в обход всех законов воплотить его в жизнь.

— И ушедших от правосудия.

— И потому у внешних к нам особое отношение.

— Они уверены, что Подводные Колонии — общество беглых преступников. Знаешь, Марк, а ведь внешние должны нас бояться! Почему раньше я об этом не задумывался?

— Ну, возможно, тебе не повезло с преподавателем сравнительной истории. Или кафедра психологии у вас была укомплектована старыми мшистыми пердунами с трясущимися ручками и жидаеньким кисельком в черепушке...

А ведь я тоже не сразу пришёл к этой мысли. И она меня, хм, взволновала. Я как будто увидел Подводные Колонии глазами внешних. То, что для нас разумно и правильно, для них — диктатура учёных, насилие над человеческим естеством. Преступление против природы. И одновременно мы для них — существа иного порядка, и отнюдь не низшего, так как наши возможности превышают возможности человека Суши.

— Мы — нечто вроде злых демонов, — отозвался Арт.

— Ага, как это ни смешно. Сидят два морских чёрта на глубине трёх миль, мило беседуют, потом вылезают, мутят воду... — Эйджи заразительно расхохотался. Затем, став серьёзным, добавил: — Они считают нас преступниками, Арти! Преступниками, творящими беззаконие с мозгами собственных детей. Если прочувствовать это как следует, становится понятно, что они скоро будут есть не чью-нибудь, а нашу печень... извини. Я не должен был это говорить: Серый сейчас на Суше.

Аналитик грустно покачал головой. Сказал:

— Внешние и люди Моря: у них сотни вымыслов о морских, у нас — не меньше предубеждений о людях Суши... Мы отдаляемся друг от друга, как будто населяем разные планеты, как будто между нами увеличиваются космические расстояния. Возможно, настала пора Морю и Суше воссоединиться, иначе проблем с каждым годом будет больше. Вот только как?

— Знаешь как, — промолвил Марк, проницательно глядя в лицо аналитика, — но боишься признаться самому себе.

— Ну, боюсь, — согласился Арт, подавив неприятное чувство обнажения истины. — Это кощунство: считать войну наилучшим способом сблизить две цивилизации.

Валевский, занятый одной внезапной догадкой, спросил:

— Ты специально затеял этот разговор?

С недавних пор Арта стало удивлять то, что мысли его и инсуба не просто идут в одном направлении, они возникают в унисон.

— Ммм... Ну, типа того, — вильнул Эйджи и поёрзal, ища более удобное положение на диване. — Иногда мне для хорошего самочувствия нужно выскажаться, ты же меня знаешь. Полосат никудышный собеседник, а Лили уехала на гастроли. Впрочем, с девушками никогда не говори на подобные темы. Если, конечно, не хочешь, чтобы они от тебя сбежали, а потом, во время случайной встречи, гордыми ставридами проплывали мимо, не поворачивая головы.

— Ты поэт! — улыбнулся Арт.

— Из нас двоих поэт — ты, Валевский. Это ты изрёк о женщинах шедевральное: «Отнимите у мира его половину — и поймёте: другая не стоит прощенья!» А я просто инсуб. Но знаю жизнь. И девушек, — вздохнул Марк.

*

СПАСЕНИЕ

Серхио Родригес, в морине Буэнос-Айреса больше известный как Серхио Краб, хозяин крупнотоннажной яхты «Краб», в открытом море получил неожиданное предложение от капитана сухогруза «Меркурий». Вместо того чтобы сдувать пену с откупоренной только что бутылки пива, Серхио, чертыхаясь, сидел в радиорубке и вёл переговоры с «Меркурием», под завязку гружёным тропическими фруктами и идущим параллельным курсом, но без захода в Бу-Айс, прямо на Марсель.

— Не знаете, что делать с бабой? Асьедас, ребята, я тот, кто вам нужен! У папаши Серхио всегда с собой пара десятков учебных фильмов. Из них вы узнаете, на что может сгодиться ваша подружка. Познавательные, чёрт возьми, серии, очень нравятся моей любознательной команде. А потом я совершенно бескорыстно приму у вас экзамен.

Да, забыл спросить: кто она? Небось афро? Латинос? Беленькая? Молочно-белая женщина, которую вы не знаете, куда пристроить?

Капитан разразился смехом, свидетельствовавшим, что внутри этот человек гораздо моложе, чем снаружи.

— Так в чём проблема? Она без документов? Идентификационный номер? Тоже утерян? Откуда она свалилась? Что? Сняли с плавучего маяка? Провела на нём несколько суток? Ай да сеньора! Не хотите возиться с властями? Ещё бы! Хотите, чтобы я решил, что делать с девкой без документов? Я зачислю её в команду, приkleю поролоновый хрен, нарисую усы и заодно паспорт со всеми таможенными отметками! Как зовут? Юлия? Это, кажется, славянское имя? Нет, не может быть. Я вам говорю: выловить славянку в здешних широтах... А что вы вообще знаете, парни? Получается, вы хотите спокойно плыть дальше, а Краб должен разгребать за вами и рисковать перед патрулями, так? Конечно, у меня есть свои ходы в порту, но это не значит... Двадцать? Чего же мы ждём, вперёд: надевайте белые штаны... Вам говорю, сеньор, надевайте белые парадные брюки, на красотку тоже можете, но не обязательно, на ваше, кэп, усмотрение, может, ей лучше без брюк. Возьмите девочку под ручку — надеюсь, хоть одна рука у неё при себе? И спускайтесь по трапу. Я хочу посмотреть, в какое место таможенник засунет вам двадцать зелёных. Сорок? Ну, может, вы успеете прогуляться по Костанера Сур, прежде чем вас заметят полиция. Семьдесят? Сойдёт.

Из голоса капитана исчезла глумливая игривость. Обсудили, каким образом спасённую доставят на «Краб».

Капитан «Меркурия», поднявшись на борт яхты вслед за молодой женщиной, с видимым облегчением пожал руку Серхио и заверил, что хочет выкинуть эту историю из головы. Груз бананов должен быть доставлен точно в срок — это единственное, что занимает его сейчас. Он уверен, что капитан Серхио Родригес решит вопрос с сеньорой, потерявшей память и документы, включая браслет с кодом, и сделает он это самым наилучшим образом.

Серхио Краб не увидел в глазах фруктового барона ничего, что шло бы вразрез с его заверениями. Мужчины попрощались, довольные друг другом.

Краб про себя улыбался: женщина оказалась здоровая и хорошенъкая. А капитан «Меркурия» — редкостный болван, раз не решился воспользоваться ситуацией. Конечно, Краб позаботится о своём приобретении как следует и как можно скорее.

* * *

— Подойди и стань сюда, Фредерик, — шепнула спутнику молодящаяся леди с накладными волосами, высоко зачёсанными в причёску «конский хвост», — тебе хорошо слышно?

Благообразный и добродушный, как сытый провинциальный священник, коротышка кивнул. Лицо его всё больше вытягивалось по мере того, как смысл разговора, доносившегося из рубки радиостанции, становился понятным обоим подслушавшим. Их капитану передали женщину, подобранную в море при невыясненных обстоятельствах.

В полном недоумении мужчина оглянулся на жену. Затем послышались звуки: за переборкой

задвигались, открылась и закрылась дверь в рубку, и супруги, пассажиры яхты «Краб», поспешили скрыться в маленькой каюте, любезно предоставленной им на время плавания.

— Тсс! Ничего не говори! — предупредила Свенсена Лукреция, благоверная профессора, продвигавшая учёную карьеру мужа гораздо последовательнее и упорнее, чем он сам.

— Садись за планшет, — кивнула она.

Она принялась писать лаконичные фразы и, развернув планшет, показывала написанное: «Вдруг здесь везде отличная слышимость? Пиши мне самое важное. Я тебе говорила, что яхта подозрительная? А ты не верил!!!!!!» — восклицательные знаки заняли полстроки: Лукреция нарочно долго не отпускала клавишу.

— Куда ты подевал билеты? Выкинул? Ты всегда всё выбрасываешь! — заявила она вслух.

— Нет, дорогая, я всего лишь куда-то их переложил. Я подумал, зачем они нам, если мы перепутали судно? — профессор решил, что эту часть разгоравшейся перепалки вполне позволительно произнести, а не писать.

— Не мы, а ты перепутал корабль! — огрызнулась Лукреция и решительно рванула планшет к себе. Всё, что она приготовилась сказать, лучше пусть пройдёт мимо случайных ушей. Ей сразу не понравились порядки на корабле. Теперь команда устроит ещё и оргию с женщиной, за которую капитану всучили семьдесят зелёных. Она застучала по клавишам:

«Каким образом кафедра оплатит нам проезд на частной яхте вместо судна академии? Может, здесь

выдадут новые билеты и на них будет написано: «Не корысти ради, но из милости согласились мы, капитан, доставить двух придур... нет, одного учёного придурка и с ним приличную даму в Буэнос-Айрес»? Ладно. Я, так и быть, прощаю твою вечную рассеянность. Но пообещай, что в этот раз будешь меня слушаться!!!!!!!!!!!!!!»

Торжествующий взгляд Лукреции поверх планшета завершил поток её мыслей. Восклицательные знаки резво выстроились в длинную шеренгу.

Профессор Свенсен, известный в научных кругах авторитетный медик, с готовностью кивнул в ответ.

Привычная игра в «кто из нас главнее» длилась тридцать лет и хоть и не вылилась в официальный брак, но и не наскучила этой паре, судя по тому, что мисс Лукреция играла в неё до сих пор.

Впрочем, Фредерик Свенсен ценил свою подругу за другие качества: годы не смогли погасить деловую хватку, энергию и кураж, который обожала эта дама. Скука профессору не грозила. Если быть точным, то и корабль они перепутали потому, что Лу решила прогуляться в марине среди роскошных яхт в новом костюме и с причёской. Они ушли далеко от нужного причала и, безнадёжно опаздывая, вскочили на дизельную яхту «Краб», похожую на судёнышко местной академии «Омар». Там и там — морской рак, уважительная причина перепутать названия. Капитан «Краба» брезгливо глянул на странную парочку, решительно взбежавшую по трапу в последнюю минуту, когда яхта собиралась отчалить. Из-за одышки оба были невменяемыми. Серхио спросил их граж-

данство и, ухмыльнувшись, приказал команде отдать концы, быстро смекнув, что путешественники из названной страны — не из бедных. Яхта отчалила. Выйдя в открытое море, он предъявил им счёт за проезд, и ошарашенному такой беспардонностью Свенсену пришлось смириться с мыслью, что профессорское жалованье за месяц придётся записать в расходную статью.

Теперь супруги наблюдали, как на борт поднялась молодая женщина. Нежная кожа чуть тронута загаром, чистые глаза цвета светлого чая и густые волосы до плеч того же тёплого оттенка.

Выражение лица незнакомки выдавало её растерянность и непонимание. Страх и ещё что-то неуловимое сквозило в жестах.

Жесты...

Профессор внезапно вспомнил одну даму, встреченную на конференции несколько лет назад...

— Это женщина Моря! — выдохнул он, поражённый, но абсолютно уверенный в своей правоте.

Лукреция широко раскрыла густо подведённые глаза.

— Клянусь! — прошептал профессор. — Она в беде! Лу, придумай что-нибудь! Может случиться, что Море придёт за ней, ты не представляешь их могущество! Да они потопят это корыто...

— Море придёт! — передразнила жена. — Сначала девочку нужно спасти от похотливых скотов, и только мы можем сделать это!

Свенсен понял, что старая тигрица снова готова к бою.

— Юлия!!! — закричала Лукреция, перегнувшись через металлические лееры ограждения рубки.

Все повернулись на звук низкого голоса с хрипотцой. Лукреция Фольк могла командовать полками, голосовые данные позволяли. Она подбежала к неизвестной и заключила ту в свои объятия.

Капитан скривился, видя, что объятия сеньоры на излёте молодости явно интимнее, чем того требовала встреча двух женщин. Когда сеньора принялась целовать незнакомку, усы у капитана злобно зашевелились, а у команды вырвался вздох разочарования: лесбийскую любовь здесь не приветствовали.

Лукреция просипела: «Подыграй мне!»

— Что они с тобой сделали?! — спросила она растерявшуюся и близкую к обмороку женщину, откровенно лапая её за ягодицы. — Что эти негодяи с тобой сделали?

— Я не знаю, я ничего не знаю... — пролепетала незнакомка и забилась в истерике.

— Мерзавцы! Мужичьё, похотливое быдло! — гудела на весь корабль мисс Лу, бросая испепеляющие взгляды на капитана и остальных матросов, кому не повезло оказаться в поле её зрения.

— Нет, это я не вам, капитан, — буркнула она побагровевшему Серхио Крабу. — Я живо разберусь, что было на ТОМ корабле! — она погрозила кулаком уходящему к горизонту сухогрузу.

— Это моя половинка, — пояснила Лукреция, волоча девушку в сторону пассажирской каюты. — Мы должны были обвенчаться в Буэнос-Айресе. У вас найдётся ещё одно место для мистера Свенсена? Любовь моя, она нашлась, теперь нам нужна отдельная

каюта. И... я сама буду обслуживать её! — Лукреция зарычала на моряков так, что те брезгливо отшатнулись.

— Я чуть с ума не сошла, когда узнала, что тебя не забрали с базы!

— Я... с ума сходила... — прошептала незнакомка.

— У босса такие связи, он не дал бы тебе прощать, не волнуйся, милая.... Всё закончилось! — с этими словами Лу с шумом захлопнула расшатанную дверь каюты, оставив растерявшегося профессора терпеть насмешливые взгляды команды и гневные — капитана.

Серхио Краб подошёл к Свенсену и, дыша ему в лысое темя, пригрозил:

— Сеньора, как там её... Лукреция сейчас же выйдет для объяснений, иначе я спущу за борт вас троих. Или, может, вы тоже присмотрели себе кого-то из моих парней? А? Тогда за бортом будут четверо.

Капитан брезгливо цыкнул слюной в океанскую волну.

— Н-нет... — пролепетал Свенсен. Моя коллега... своеобразная... но очень, очень крупный специалист!

— В чём специалист? — снова скривился Краб, разглядывая профессора, как мокрицу, которую надо бы выкинуть, но отвратительно брать в пальцы.

Свенсен глянул в лицо капитана и сообразил, что узкая медицинская специальность Лукреции среди этих людей авторитета ей не прибавит, и произнёс то, что растолковать будет легче:

— В антропологии, конечно!

— Не знаю, что за хрень.

— Это... это черепа и кости...

— Да? А я подумал как раз наоборот: её специальность сиськи и мягкие задницы! — рычал капитан, у которого из ума не выходили аппетитные формы Юлии, сильно потерявшие в цене из-за того, что их лапают не мужики, а хриплоголосая баба, яростная, напудренная и с жёстким конским хвостом.

На судне Краба, приписанном к порту Аргентины, страны, в которой больше двухсот лет узаконены однополые браки, отношение к подобным утехам было крайне нетерпимое, если не сказать больше.

— Так я жду объяснений!

Открылась дверца каюты, и из неё не вышла — выпрыгнула и сразу накинулась на капитана Лукрецию Фольк:

— Значит, вы приторговываете людьми, сеньор Родригес?! Как это понимать? — она ткнула пальцем на каюту, в которой осталась Юлия. — Да, да, я вас спрашиваю! Она пропала в секторе М-8, вы знаете, что на днях там была стычка наших с морскими жабами, и я лишилась невесты, а профессор Свенсен — аспирантки. Как только нам дали знать, что команда «Меркурия» спасла с маяка девушку, я почувствовала — это Юлия! Я ещё узнаю, что с ней делали морские жабы, будьте уверены, я доберусь и до них, эти подводники мне ответят!..

— Стойте, стойте, сеньора, — скрестил ладони капитан, — теперь я знаю, что для победы над Морем нужно немного: украсть у вас невесту, а потом любовницу, ведь у такой темпераментной дамы должна быть и любовница?

Лукреция набрала полные лёгкие воздуха, но Краб предусмотрительно не дал ей продолжать:

— Итак, я понял, вам стало известно, что сеньора на «Меркурий»?

— Конечно! — нагло выкатив глаза и не мигая, наступала Фольк.

В молодости, ревнуя профессора Свенсена ко всем женщинам, смевшим приблизиться на расстояние рукопожатия, она выдерживала и не такие битвы. Кроме того, карьера мужа требовала крепко держать бразды в своих руках, а это закаляет.

— Профессор перепутал корабль, на котором нас должны были доставить в Бу-Айс, где мы должны были встретить Юлию. Мы очень волновались. Вы перекупили мою девочку, и вам это с рук не сойдёт!

— Ещё раз и помедленнее: вы ехали опознать личность этой сеньоры?

— Ну да. И провести медовый месяц в самой радушной стране.

— Капитан «Меркурия» сообщил вам, что женщина спаслась. Так? И потом передал сеньору мне, сопроводив суммой, необходимой... гм, для решения формальностей с портовыми властями. И что вы вменяете мне в вину? А теперь прошу объяснить, да так, чтобы я, недогадливый, понял: какого чёрта меня ввязали в это дело? И что делают на моём корабле двое, навязавшиеся в пассажиры без приглашения? Вы решили меня подставить? Вы — доносчики? На меня шьётся дело, мне вменяют криминал? А?

Лукреция увидела: клиент дозрел. Её игра произвела впечатление. Теперь капитан сам играет роль обиженного и оскорблённого, и финал спектакля зависит от одной-единственной убедительной ре-

плики, после которой актёры и зрители разойдутся, удовлетворённые.

— Мы перепутали яхты, говорю вам! Нас не было на судне, принявшем сообщение. И капитан «Меркурия» не стал выяснять, где мы, кто встретит девушку и решит все формальности с её опознанием. А если мы не прибудем вовремя в Бу-Айс, то хозяину жестянки с бананами придётся оставаться до выяснения всех обстоятельств, а этого ему, конечно, делать не хотелось. Вы же знаете: волокита с чиновниками могла затянуться надолго. И этот ублюдок с «Меркурием» решил избавиться от бедняжки, не заходя в порт. Счастье, что мы оказались именно на вашем корабле, сеньор Родригес! Я так рада, Ю-ю со мной, всё позади! — Лукреция развязно распахнула длинные руки, приглашая капитана в свои объятия.

Серхио отшатнулся. «Хитрая лесба», — подумал он.

— Учтите, я свяжусь с капитаном «Меркурия»! — пригрозил он, догадываясь, что это пустая трата времени. Сеньора «конский хвост» врёт, но непонятно, для чего и как глубоко зашла её ложь.

На «Меркурий» не отвечали.

Естественно, ведь банановый барон не собирался увязать в деле со спасённой женщиной и сделал всё, чтобы вереница разговоров не тянулась за ним в эфире. Семьдесят зелёных, уплаченных Серхио Крабу, — сумма, дающая ему право выйти из воды, не замочив ног.

Пораскинув умом, Краб решил, что дельце неприятное, но лично к нему не может быть претензий, разве что сумму на улаживание формальностей сочтут завышенной. Он предъявил троице счёт за про-

езд ещё одной пассажирки, заставив сильно побледнеть профессора Свенсена. Лукреция выдвинула встречное требование: отдать деньги, полученные от капитана «Меркурия». Краб, любуясь хваткой учёной сеньоры, провёл немало весёлых минут, яростно торгуясь и аргументируя всё возрастающую таксу за удовольствие плыть именно на его судне. Перед прибытием в порт, изрядно охрипшие, Краб с Лукрецией так и не решили вопрос о сумме взаимных притязаний. Перед тем как шагнуть в сторону трапа, непримиримая тётка больно ткнула острым сухим пальцем капитану в грудь и прошипела:

— Так и быть, я сама уложу формальности в порту. Но и гроша не дам за наш проезд. Мы в расчёте. Если, конечно, ты не хочешь плавать в сопровождении местной полиции. А ещё я выясню, что случилось в квадрате М-8, и у меня хватит влияния и связей намекнуть службам подводников, с какого подозрительного судна им не стоит спускать глаз.

Капитан пожалел, что не выкинул всех троих пассажиров к чертам за борт. Но воспоминания об этой сеньоре ещё долго забавляли его, обрастаю разными подробностями, и со временем грозили превратиться в морские байки.

* * *

В Буэнос-Айресе все попытки профессора Свенсена выяснить происхождение незнакомки ни к чему не привели. Всё сводилось к тому, что та, которая согласилась называться Юлией, никогда не жила на Суше, по крайней мере, в Южном полушарии. Северная Америка отпадала — там система иденти-

ификации была налажена, но запрос ничего не дал. Что касается Азии — дела в третьем мире велись небезупречно, континент слишком долго страдал от постыдной агонии. Славянская федерация в силу своего географического и политического положения не принимала участия ни в одном виде работ или исследований в этой части планеты, и, значит, вероятность того, что их гражданка окажется посреди океана на сорок пятой параллели, приближалась к нулю. Профессор всё больше укреплялся в догадках об истинном происхождении незнакомки. Он следил за движениями Юлии, стараясь не упустить ничего. И раньше чем «Краб» пришвартовался в марине Бу-Айса, предположения Свенсена подтвердились.

Лукреции довольно быстро удалось привести в чувство Юлию, дальше последовал разговор по душам, если можно назвать разговором переписку на планшете.

Незнакомка смутно помнила одно: её в почти невменяемом состоянии оставили на одном из плавучих маяков, которые принадлежат подводникам и отмечают водные границы акватории Морских Колоний. Размерами не больше крупной лодки, эти маяки являются универсальными объектами: внутри них можно спрятаться от холода и бури. Собирающийся наверху корпуса конденсат отводится в водяную ёмкость объёмом около сорока литров, фильтруется и вполне пригоден для питья. Предусмотрены универсальная аптечка и запас галет, достаточный для полноценного семидневного питания. Если растянуть, галеты позволят продержаться недели три. Аптечки

чаще разорены, чем не тронуты: моряки Надмирья знают цену лекарствам, созданным в лабораториях подводников, и при каждом удобном случае грабят запас на маяке, оставляя разве что антисептики по-проще. Но негласный морской кодекс запрещает забирать всю еду, оставленную для терпящих бедствие. Галеты хранятся до трёх лет, после чего патрули Моря меняют их на свежие. Дела на поверхности в последние годы стали настолько плачевны, что кодекс чести нередко оказывается забыт, и галеты вместе с лекарствами перекочёвывают в руки неизвестных.

Но Юлии повезло: у неё была еда.

Первый день она помнила отрывочно. Она отсыпалась.

На вторые сутки болезненная сонливость стала проходить, женщина заставила себя съесть немного из запасов. Потом ей пришлось справиться с внезапно подступившей тошнотой. Потом она принялась изучать устройство маяка. Простодушное признание в том, что разобраться в электронике было несложно, заставило переглянуться профессора и его подругу. Юлия помнит, что изменила режим работы маяка в УКВ-диапазоне настолько, насколько это допустила электроника, запрограммированная на саморегулирование. Маяк вскоре вернулся в прежний рабочий режим, и Юлия решила повторить свою попытку. Но снова почувствовала себя плохо; на море началось волнение, поплавок, давший ей приют, сильно болтало. Юлия уснула. На третий день она снова устроила сбой в работе маяка, и сигнал, видимо, был замечен на судне «Меркурий». Корабль проходил достаточно

близко, волнение улеглось, посланный к маяку катер вернулся, доставив спасённую на сухогруз...

Юлия закончила короткую исповедь и взглянула на Фредерика и Лукрецию. Когда она печатала, пальцы её рук летали над клавиатурой, набирая безупречно выстроенные предложения на добротном и даже излишне литературном английском. Устно вряд ли можно было говорить с большей скоростью.

Профессор многозначительно кивнул супруге, глазами указав на левую руку Юлии.

На Суше ничтожно мало людей, которые одинаково ловко владеют правой и левой рукой. Ещё меньшее количество человек способны совершать разные движения двумя руками одновременно.

Свенсену, учёному с международным именем, пару раз представлялся случай наблюдать на конференциях, в которых научные светила Колоний участвуют крайне редко и неохотно, эту особенность людей Моря. Помнится, в первый раз он был поражён, увидев, как интеллигентная дама правой рукой достала и пустила в ход помаду, в это самое время её левая рука спокойно и размеренно листала страницы регламента конференции, делая пометки. Дама, видимо, не сочла нужным скрыть обюдорукость или не заметила своей мелкой оплошности. Хотя в рассеянности людей Моря упрекнуть трудно. В дальнейшем Свенсену перестало везти на фокусы: у подводников явно имелись инструкции на этот счёт, и однажды авторитетный физиолог, попытавшийся завязать два декоративных шнурка на двух подарочных паках одновременно, вовремя остановился...

Колебания профессора, усиленно соображавшего, как указать незнакомке на её левую руку, словно бы живущую отдельной жизнью, быстро закончились. Он в очередной раз убедился в том, что Лукреция всегда находит самое правильное и, главное, гениально простое решение.

Лукреция хлопнула ладонью по ладони Юлии и ворчливо произнесла:

— Милочка, вам что, мама не говорила: приличная девушка не пускает в ход левую руку. Ладно ещё наедине, но на людях... Ни в коем случае! Здешние мужчины вас неправильно поймут. Мы не будем этого делать ни при каких обстоятельствах, ладно?

Юлия мучительно покраснела и с недоумением уставилась на свою левую руку. Потом до боли сжала виски ладонями:

— Простите, я ничего не помню! — пожаловалась она. — И ещё меня мучает ощущение страшной, непоправимой утраты!

Юлия зажмурила глаза, скрывая набежавшие слёзы.

«Плаксивая, как беременная, — подумала Лукреция. — Стоп. Беременная? Прибудем в Бу-Айс, надо будет обследовать бедняжку».

«Это женщина Моря, и нам может как повезти с ней, так и наоборот. Неизвестно, какие планы были у тех, кто позволил ей потеряться. Но если местные узнают, откуда она, с ней не станут церемониться. Например, обвинят в шпионаже и бросят в тюрьму. Устроят суд Линча, отдав на растерзание толпе. Аргентина воюет с Подводными Колониями особенно

ревностно. Что будем делать?» — Фредерик Свенсен отпечатал вопрос жене.

«Да уж. Кого здесь волнует её жизнь? Есть ещё третий сценарий: беззащитную девушку отправят в бордель. Раз мы взялись её спасать, надо спасать по-настоящему. Ты не забыл, что дело о химическом пожаре у Хорхе не закрыто? Позвони доктору Хорхе да осторожно намекни, что у нас есть девушка, которую не будут искать. В смысле, на Суше. С подводниками, если что, разберёмся. Сдаётся мне, это не самое страшное — иметь дело с подводниками. В конце концов, мы же ей помогаем, как можем».

«Краб» тем временем входил в марину, но звонить с яхты не стали: слишком деликатный и осторожный предстоял разговор. Профессор Свенсен занялся этим сразу, как только сошли на берег. Медлить было нельзя. Если частный практик доктор Хорхе не откликнется, придётся выкручиваться перед таможенной службой. Кое-что Лукреция сообразила и на этот случай, но...

Хорхе оказался на месте.

Подавленный случившимся в его лаборатории чрезвычайным происшествием, он досадливо топтался в гостиной, плотно прижимал трубку к уху, чтобы получше разобрать блеяние запинающегося от сознания важности момента профессора, морщился и некоторое время не понимал сути намёков, которые осторожный Свенсен подпускал ему.

От погибшей лаборантки Хорхе осталась только записка, в которой она сообщала о несчастной безответной любви к шефу и желании покинуть этот

мир, сгорев от страсти в буквальном смысле, что она и осуществила в лаборатории, нимало не заботясь о том, что будет после этого с доктором, его репутацией и многолетними кропотливыми исследованиями, осуществлямыми по большей части за свой счёт.

Следователи, похоже, выжидали немалый куш, чтобы списать всё на несчастный случай и закрыть дело. До Хорхе не сразу дошло, что вместо исчезнувшей лаборантки, если рискнуть, можно предъявить другую женщину, и этот кошмар наконец-то закончится. Идентификационный браслет погибшая маниакальная особа оставила в память о себе, о чём доктор сначала забыл сообщить, а потом не стал этого делать.

Лукреция снова сумела быть убедительной. Она сказала незнакомке:

— Ты вправе распоряжаться своей судьбой. Если тебе есть куда обратиться за помощью, мы поможем это устроить. Но мы не можем ждать. Аргентина на военном положении, и с законами насчёт неопознанных здесь не всё просто, уж поверь. Очень не хотелось бы в это впутываться, это может навредить карьере профессора Свенсена и нам всем.

— Я совершенно никого не знаю! — испугалась Юлия. — Мне не к кому идти! Не оставляйте меня, пожалуйста!

Она не могла побороть внутреннее напряжение и не могла разобраться в своём состоянии; она чувствовала себя словно рыба, выброшенная на берег, всё было чуждо, отталкивало и пугало. Юлию слегка лихорадило.

— Тогда, — вздохнула Лукреция, — пойми нас правильно, придётся аккуратно обойти закон. Пока

ты не вспомнишь хоть что-то из своего прошлого или не будешь в состоянии позаботиться о себе, мы можем предложить стать на время другой девушкой: вот её история, вот имя и фамилия. А вот твоя легенда. Будь очень осторожна, следи за местной манерой произносить слова и... — Лукреция подумала, нужно ли говорить об этом снова, — осторожнее с жестами. Здесь не работают левой рукой. По крайней мере, давляющее большинство. Не трут брезгливо фаланги пальцев после каждого касания предмета, руку на пурпурень кладут смело, это до известной меры безвредно и безопасно: трогать разные вещи. Остерегайся привлекать к себе внимание такими, гм, штучками. Если бы ты согласилась, я бы посоветовала перевязать левую ладонь эластичным бинтом, так ты лучше будешь контролировать себя.

Юлия кивнула и украдкой снова взглянула на левую руку, как будто не узнавая своё тело.

Лукреция продолжала:

— Запоминай быстрее и не ленись подыгрывать нам. Ты эксцентричная особа, ты инсценировала самосожжение в лаборатории доктора Хорхе, а сама пустилась в бега. Употребляла лёгкий наркотик. Часть путешествия помнишь смутно. Наши общие знакомые видели тебя в порту и сообщили об этом Хорхе. Мы разыскали тебя, заблудшую овечку, и возвращаем домой.

— Я заблудшая овечка? — переспросила Юлия. — Заблудившаяся?

Свенсен улыбнулся понимающее:

— Нет, именно заблудшая. Это значит, сбившаяся с верного пути.

* * *

Хорхе замер от восхищения, увидев на пороге статную красавицу.

Ненароком промелькнула мысль, как бы его лаборатория не стала местом следующего, теперь уже мужского, суицида на почве неразделённых чувств.

Он подумал, что это почти кощунство: по совету Свенсена испортить девственно чистые предплечья незнакомки шрамами пяти обязательных для жителей Надмирья прививок...

— Прививки могут быть опасны для неё, — сказал Хорхе.

— Друг мой, не исключено, что они могут даже убить её, — отозвался Свенсен, поддёргивая тяжёлые очки на переносице и мучаясь сомнениями насчёт правильности их решения.

Оба учёных, не сговариваясь, избегали произносить очевидное: их новая знакомая родилась и жила не на Суше. И теперь предстояло преодолеть некоторые сложности её адаптации в мире с неконтролируемой атмосферой и волнами эпидемий.

— Ты думаешь, стоит ограничиться для начала четырьмя вакцинами? — уточнил Хорхе.

— Что ты, — ответил Свенсен, — в течение недели введи две, с перерывом в несколько дней. Прививку от холеры лучше оставить на потом. Надеюсь, в ближайшее время в этих краях эпидемии не будет, а условия для девушки у тебя наилучшие: вряд ли где-то ещё её ждала бы такая чистота и стерильность.

Не зря мы с Лукрецией очень рассчитывали на твою помощь.

Хорхе слегка покраснел.

Свенсен размышлял:

— Если бы девушка вспомнила своё прошлое, можно было бы действовать смелее, в смысле её вакцинации. Кое-кто из подводников занят в наземных службах: те, которые обслуживают космодромы, станции слежения, телескопы или работают на островах и в Тасмании. Все они имеют иммунитет к нашим вирусам. Если она — из их числа, то о её вакцинации позабочились без нас.

— Я сейчас подумал, Фредерик, как же мало мы знаем о людях, ушедших в океан!

— Согласен. Всё больше вымыслы, изредка отрывочная информация из жёлтой прессы... Мерзостно то, что с началом войны подводников стали откровенно демонизировать. И в Аргентине эти настроения особенно сильны. Здесь для девушки самое небезопасное место. Но так уж случилось, что её занесло именно сюда. Придётся поучаствовать в её судьбе, дружище.

Хорхе кивнул и произнёс:

— Суша зря не интересуется Морем.

Свенсен с чувством отзвался:

— Будем честны: Суша хорошо постаралась забыть сам факт исхода интеллектуальной части человечества под воду. А потом все слишком долго делали вид, что две цивилизации на одной планете — это ничего особенного и думать в ту сторону нечего.

— И вот произошёл контакт двух цивилизаций, — влюблённый Хорхе опять смуглого заалелся, — а мы ничего не знаем о мире, в котором жила эта девушка.

— Да. Но вернёмся к нашим прививкам, вернее, к их необходимости. Я слышал, что к женщинам у подводников особое отношение: дамочки у них нечто вроде декоративного элемента и к некоторым видам работ не допускаются. Осмелюсь предположить, к «некоторым» — это к опасным работам на Суше. Потому что даже в репортажах военного времени видеть женщину Моря хоть мельком мне не доводилось.

— Ну, под экзоскелетом морпехов отличить женщину от мужчины — задача не из лёгких. Но почему ты говоришь, что их вообще невозможно увидеть? А шоу, которые регулярно проходят в Тасмании? До войны посмотреть восхитительные трюки циркачек Моря стекалась богема со всех континентов.

— Это циркачки, особая порода оторвавшихся от родного мира. Вряд ли они рождены в Подводных Колониях. И даже артисты никогда не покидают пределов Тасмании, потому что считают остров и безопасным, и контролируемым — в смысле инфекций. Культура подводников за двести лет изоляции стала утончённой и рафинированной, они могли себе это позволить. Нам трудно понять, в чём отличие, слишком мало информации, но отрицать сам факт инаковости ты, надеюсь, не будешь.

— Ты к тому, что они не отправляют на войну своих женщин?

— Однозначно. И вряд ли позволят им находиться на Суше в военный период. А значит, девушка не получала вакцины от наших вирусов. Непонятно, откуда она всплыла, но прививки ей жизненно необходимы. И чем скорее, тем лучше. Без них она не протянет и полгода.

Хорхе пришлось прервать разговор: внизу в гостиной ждали неожиданные визитёры.

Вернулся он, в волнении ероша густую чёрную шевелюру:

— Отправившись на тот свет, лаборантка, да упокоится её душа, решила утянуть за собой всё моё состояние. Дознаватели проглотили подмену девушки, но не спешат выпускать меня из когтей.

Вошедшая Лукреция быстро парировала:

— Шантажировать тебя им выгодно. Наша легенда слаба, и мы все это знаем. Хорхе, у тебя есть простой выход: стать полевым врачом. Подозреваю, он же и единственный.

Свенсен кивнул, соглашаясь, и горестно вздохнул, глядя на коллегу:

— Эти медики сейчас вне закона, слишком велик на них спрос. Послужи в военном госпитале, а там всё успокоится. С этой девушкой тебя ждут открытия, сбереги её. Я и Лукреция будем рядом, мы ещё в начале лета подписали контракт с госпиталем аргентинской армии «Лос Анхелес де ла Бенгаса»¹. Да, не удивляйся: у нас в Северном полушарии тоже сейчас несладко, вот и решили вдвоём — сюда. Эта война дорого, очень дорого обойдётся Надмирью.

¹ «Ангелы мести» (исп.). — Примеч. авт.

ТОЧКА СИЛЬЮ

 северный Бу-Айс — мили крошащихся бетонных стен и заросшего асфальта, полчища крыс, огромных тараканов, летучих мышей и птиц всех размеров, гнездящихся прямо в квартирах верхних этажей. Северный Бу-Айс огорожен колючей проволокой, что, впрочем, не мешает тому, кто выбрал эти развалины своим пристанищем, выходить за санитарную зону и возвращаться обратно.

Лысый старик с лицом как сморщенное печёное яблоко всей пятерней почесал грудь под растянутой драной майкой, погрыз свою щепоть и чёрными запавшими глазами принял следить за движением глянцевого листа. Лист летел сверху. Но вверху громоздились этажи щербатых стен с пустыми квадратами оконных проёмов. Там некому читать газету, да к тому же газету морских дьяволов. Старик узнал их бумагу. Хороший лист, настоящее сокровище. Если скрутить его кульком, можно черпать воду в квадратном бассейне на заднем дворе: там есть вода. Не в каждом квартале можно найти воду. Старик знает. Он исходил весь северный Бу-Айс, пока нашёл это местечко. У него теперь свой бассейн, и устроился он

не хуже, чем молокососы в Новом Бу-Айсе или даже в Ла-Плата. Такого, как он, непускают в Новый город. Лист тоже небось из хвалёного Нового города... Сюда прилетел. Все зубы. Два-два-два...

Старик словно очнулся.

Так что — лист?

А, да, когда-то старик умел складывать из газетного листа квадратную шапку. У него сейчас голова непокрыта, ему надо подняться и догнать этот лист. Хороший лист. Будет крепким, пока краска не выцветет. А потом сделается крохким и рассыплется в пыль. Морские всегда придумывают такое: есть бумага — нет бумаги, есть бутылка — нет бутылки, расстаяла, есть-нету, есть-нету. Есть-нету. Нечего есть. Два-два-два. Зубы есть — нет зубов...

Бумага, гонимая ветром, заскользила горизонтально вместе с сухими листьями и мелким сором, ещё раз взлетела и прилипла к ноге старика. Оборванец подхватил газетный разворот, разложил на ржавом капоте брошенной машины, взгляделся, пытаясь разобрать слова: «...Мо-ре-м-и-С-су-ш-шней...» — скорее не прочитал, но выхватил привычные слова. Он устал разбирать слова по буквам и собрался прятать лист, но заметил, что яркая зелёная гусеница начала своё путешествие как раз там, где он пытался читать.

Старик кашлянул:

— Ползи, мохнатая. Тебе эти закорючки лучше видать. Расскажешь, что тут про морских понаписано.

Гусеница послушно поползла по строчкам сверху вниз, не спеша, задерживаясь на отдельных словах, словно действительно вникала в текст.

«К концу первого года военного противостояния между Морем и Сушей обе стороны выяснили слабые места противника.

На поверхности понимали, что истинный паритет сил не в их пользу: технологии подводников превосходили всё мыслимое, Армия Моря демонстрировала сверхэффективные способы ведения дистанционной войны.

Электронная сеть Суши и электронная сеть Моря — два виртуальных пространства, не связанных между собой, сделали обмен информацией невозможным, и двести лет изоляции Подводных Колоний от остального мира не прошли бесследно. На Суше бытовало столько вымыслов о жителях Моря, что люмпены из вижей¹, охотно идущие на эту войну, не слишком нуждались в особой мотивации. Как и ребята из бразильских бараков-фавел, как и безработные из Южно-Африканской коалиции, как индонезийские головорезы. Военные столкновения происходили по всему Южному полушарию, война грозила стать вечной, ярость разрасталась снежным комом.

В первые дни войны преклонение перед мощью морской цивилизации чуть не привело к немедленной капитуляции Суши. Но Аргентина, в которой на тот момент пришла к власти очередная военная хунта и побережье которой имело самую длинную границу с акваторией Подводных Колоний, совершила очередное безрассудство: нанесла ответный удар. Страны, объединённые в блок «Меркатор», приготовились в один миг потерять армию и флот из-за волюнтаризма

¹ Аргентинских трущоб. — Примеч. авт.

союзников. Но Море ограничилось очаговыми настулениями. Такая стратегия послужила сигналом к действию. Теперь многие правительства Надмирья поспешили воспользоваться ситуацией, ведь участие в войне давало возможность скрыть проблемы агонизирующей экономики. Южная Америка первой объявила военное положение. И впервые за двести лет бунтующие низы получили вместо внутреннего врага — работодателя — врага внешнего. На которого и набросились, умело подстрекаемые вождями и вербовщиками.

Море демонстрировало гуманизм и не ставило своей целью испепелить порты воюющих стран. Эта тактика и была расценена как самое слабое место. Теперь штабы армий Надмирья могли позволить себе всё и не брезговали любыми средствами, стараясь выманить морпехов на землю, превратить любое столкновение в ближний бой, который становился праздником для сброва, жаждавшего надругаться над врагом. Экзоскелеты морпехов стали самыми желанными трофеями, впрочем, как и таинственные демоны Моря, прячущие в них свои тела.

Экзоскелеты продавали в университеты планеты, где их пытались изучать. И отдельные учёные быстро успели сделать себе имя, самоуверенно заявляя, что секрет брони противника наконец-то раскрыт.

Для новобранцев Армии Моря война стала источником не одной, а множества опасностей, потому что несла тысячу косвенных угроз для жизни. В солнечные дни глаза солдат страдали от слишком яркого света. Не все молодые люди, выросшие в искусственном климате, в состоянии были переносить перепады температуры и влажности.

Но самой страшной опасностью стали инфекции. Медицина Суши с каждым поколением сдавала свои позиции, вместе с «Ангелами Мести» и «Бразильерос» — армиями Аргентины и Бразилии — на побережье накатилась волна эпидемий. Сам воздух был ядовит для жителей Моря, любое ранение грозило сепсисом, и лечение требовало немедленного вмешательства медиков Моря. Родина предков не щадила подводников.

И наоборот, внешние воевали на своей территории, они были привычны к бурям родного, открытого всем ветрам мира. Они воевали против силы, восставшей из морских глубин и жаждущей, по словам вождей, изменить лик планеты, а их самих превратить в рабов, утянуть на дно океанов, лишив пусть загаженной, но свободно текущей воды, задымленного, но вольного простора, синего неба над головой, солнечного и лунного света, птичьего щебета и шелеста листвы...

И главное: эти пришельцы были зомби, лишённые воли, с искусственным мозгом. И потому не заслуживали жалости».

Гусеница доползла до края листа и зависла, выгнувшись, на самом краю, пытаясь удержаться и не сверзнуться вниз.

— Писала писака, не прочитает и собака, — подытожил оборванец, мелко кивая головой, и подставил гусенице длинный грязный ноготь. — Если бы не проклятые рудники, был бы я ещё крепкий и воевал бы против дьяволов, которые лезут и лезут из моря. Но проклятые рудники сточили меня, сгноили мои

косточки. Серебро досталось богатым, изумруды — их бабам...

Взгляд старика снова сделался бессмысленным:

— ...а мои зубы лежат в горе, мои зубы выпали — раз. Потом — два. Потом... — старик задумался, — потом два. Все зубы — два, два, два. Выпали. Адская была работёнка, и сеньор был жирный. Хороший сеньор. Пожалуй, я его съем.

Сумасшедший принялся комкать глянцевую бумагу и забивать себе в рот.

* * *

— Есть дюжина способов попробовать спастись, но все слишком рискованные. Нет, я соврал: они просто нереальные. И есть среди них самый нереальный, но я в него верю и пойду, даже в одиночку.

— Если ты насчёт того, чтобы до Тихого океана скатиться голым задом со здешней горки, то я лучше сдохну на руднике, а с места не сдвинусь, нет-нет!

— Нам путь на побережье закрыт. Искать будут первым делом на дорогах, ведущих к городам. В нашем положении имеет смысл добираться до точки Силью. Она почти рядом, но идти придётся ночью, днём в альтиплано не спрячешься.

Серый, блестя белками глаз в полутьме шахты, обвёл взглядом немногих выживших. Он прикидывал, кто из ребят в состоянии выдержать изнурительный марш-бросок по равнине на высоте четырёх тысяч метров над уровнем моря.

Заговорщики удивлённо молчали.

Точка Силью!

— Ты знаешь, где Силью? Откуда? — выдохнул Иштван.

— Откуда знаю? — криво усмехнулся Серый. — В прошлой жизни я мечтал стать авиареддом: кто из вас понимает, о чём я?

— Я слышал, по типу космические старты с самолёта или что-то в этом роде? Круто! Я думал, набор на этот факультет только в проекте...

Нужно было дать отвисеться тишине.

Серый не раз спасал их взвод. Серый, завербованный в рифе Новая Россия: отощавший, длинный, с выпирающим кадыком на худой шее, но выносливый и неутомимый. Этот парень не переставал удивлять авантюрной нестандартностью и ловкостью, с которой обходил острые углы в отношениях с надзирателями.

— Почему ты молчал до сих пор?

— О чём молчал? О том, что я готовился в авиаредды с двенадцати лет? О том, что мне каждую ночь снились самолёты, стартующие с танзанийского космодрома, и межпланетные корабли, которые я запускаю со своего пульта? Какое это имело значение, когда погибал Лео? Или когда мы пытались отбить у «Ангелов Мести» Патрика? Или когда они снесли голову Алексу и Маркусу заодно? За что? Ради паршивых экзоскелетов? Убивать человека, чтобы завладеть его полимерной бронёй?!

Бездна!.. Серый беззвучно, как рыба, вздохнул раз, ещё раз, выравнивая давление: в разреженном горном воздухе у него время от времени закладывало уши.

Он взвалил на себя ответственность за выживание всех. События последних месяцев состарили двадцатилетнего юнца, а прежняя жизнь казалась нереально прекрасной, как добрая история из книжки с картинками, читанная ребятёнку в подгузниках. Теперь его серые глаза смотрели твёрдо и жёстко. Адреналин сочился из пор — так про Валевского сказал кто-то из ребят. Не зря надсмотрщики рудника следили за ним пристальнее, чем за другими. Но этот парень не промах.

Изнурённые лица пленных новобранцев Армии Моря повернулись к нему, люди смотрели с надеждой и недоверием.

— Так всё-таки откуда ты знаешь, где мы находимся и где точка Силью? Ведь эта инфо категории икс — не для всех, и разглашать её запрещено.

— Я и не открываю секрет. Я только говорю, куда имеет смысл двигать. А почему знаю? Прошёл полный курс географии Надмирья и навигацию. По звёздам.

— Навигация по звёздам? Да это сказки!

— Сказки — звёзды столичного рифа. Декорации. Как и звёздные хороводы по праздникам. А для внешних космическая навигация — это реальность. Они тысячи лет ориентируются по звёздам; более стабильных объектов для людей с поверхности не найти.

— Замолчали и слушаем! — шикнул Хью. — Парень знает, что говорит. Серый, я с тобой! А кому хочется подыхать на руднике — оставайтесь! И всё-таки, чем хорош твой выбор?

— Я не скажу ничего, пока не прибудем на место. Простая безопасность: меньше знаешь, лучше

спиши. Аномалии открыли подводники, и аномалии должны служить людям Моря, а больше никому. Потому что другого способа сохранить Подводные Колонии от дикарей Суши не существует. Это ясно? Или вы верите мне, или сейчас мы прощаемся.

— Как? Сейчас?

Они обречены на каторгу в ядовитых серебряных штольнях — эта каторга может закончиться прямо сейчас? Так говорит Серый.

— Мы с Хью работали в боковой штольне. Открылась щель. Для лаза подходящая, выводит на склон на противоположной стороне горы. От рудника не близко. Лаз узкий, кто боится застрять — оставайтесь или полезете самыми последними: выбор за вами.

— Это как будто в наш адрес? — обречённо прогудел приземистый и широкий в кости парень, переглянувшись с дружком такой же комплекции.

— Пролез малыш Хью, пролезете и вы. Но без паники. Запаникуете — застрянете. Поэтому, Андреа и Михал, уж не обессудьте, вы будете замыкающими. Да, самое важное. Мы можем замёрзнуть. Или нас догонят. Или схватят последних, пробирающихся по лазу. Чтобы не допустить погоню, советую замести следы: обвалить штольню. Но тогда обратного пути не будет ни для кого...

— В какую бездну нам тот обратный путь, Серый? Завалим, подорвём хоть весь рудник, и дело с концом. Веди скорей, показывай дорогу! — зашелестели голоса вокруг, и Серый, а за ним суровый Хью потянулись ко входу в штольню.

— Надзирателей оглушить и закрыть в вагонетках. Сменщики придут через четыре часа, этого времени должно хватить, чтобы уйти подальше.

— Бездна, знал бы, прихватил с собой кой-чего... под нарами припрятал...

— Вот для того, чтобы каждый из вас не стал собираться как тасманийская циркачка на гастроли, не поволок ворох меганеобходимых вещей и не засыпался на сборах, мы с Хью держали всё в тайне до последней минуты. Не хотите выбираться налегке — возвращайтесь за вторым свитером и не забудьте лыжную шапочку с ушками.

— Я о лекарстве...

— В синей упаковке, обмотанной фольгой? — Хью хитро сощурился.

— Кальмар тебя побери! Ты совал свои грязные шупальца в мой тайник?..

Крепыш только хмыкнул в ответ.

* * *

Антарктические галеты, купленные по совету инсуба Марка Эйджи в день отправки на поверхность, самые последние крохи питательного концентрата, которые он сберёг и о которых приказал себе забыть во время тяжких испытаний голodom, усталостью, жаждой, — эти крохи помогли им продержаться на продуваемых всеми ветрами склонах. Мысль о том, что с пластинкой размером в дюйм организм получает полусуточную дозу калорий, витаминов и микроэлементов, поддерживала беглецов лучше всякого самовнушения.

В полном молчании парни, сжав зубы, медленно двигались к цели.

Небо над головой было настолько глубокое, что казалось — космос рядом. После полуночи штолен было смотреть в эту синь, по-живому взрезающую сетчатку. Облака стелились вдоль горизонта, иногда скрываясь за присыпанными снегом вершинами Анд. Высота около четырёх тысяч метров над уровнем моря давала о себе знать болью, разлитой в уголках глаз, во лбу и под сводом черепа. Люди чувствовали, как будто голова сплющена со всех сторон, а мозг постепенно начинает вытекать из носа тонкими струйками крови. Мучил песок в глазах — сосуды страдали от сильного напряжения и уже перестали различать светотени.

Вялотекущей шеренгой беглецы упрямо двигались к загадочной цели. Путь в родной мир, скрытый в глубине океана, лежал через крохотную точку на высокогорном плато в стране со странным названием Перу.

Слоны покрыты высохшей травой. По левую руку попадались сооружения в форме невысокой башни, расширяющейся кверху. Сколько лет этим камням? Каким уму непостижимым образом точно и тщательно отшлифованы, а затем подогнаны друг к другу каменные блоки? И какие блоки — не просто идеально ровные, но с закруглением; уложенные вместе, они образуют странно, сверхъестественно правильную круглую форму башни. Чьи хребты трещали, втаскивая и громоздя друг на друга тонны базальтового веса?

— Это кульпы, — скромно пояснил Серый, кивая на ближайшую башню. — Им полторы тысячи лет. Может, больше. Служили бездна знает для чего, уже не помню. Вроде связаны с родовым погребальным обрядом. Нам важно другое: этой козьей тропой ходили сотни лет. А идти-то здесь не к чему. Значит, Силью близко. Я так и думал. Внешние здорово деградировали, раз стали забывать особенные места. Нам объясняли учителя, что на Суше напрочь забыли расположение энергетических узлов планеты или относятся к этому знанию как к псевдонаучному. Невероятно.

Хью подхватил:

— За нами нет гоньбы: видно, никому не пришло в голову, что мы сбежали, чтобы лезть на пустую безлюдную гору.

— Раньше здесь жили люди, но в последние десятилетия край опустел. Отсюда час езды до Пуно, когда-то там был вполне приличный город, но теперь — захолустье.

Серый жестом приказал остановиться, пора сдаться привал. Их сильно подкосили месяцы рабства в серебряных штолнях, и марш-бросок просто вымотал ребят.

А сколько ещё идти?

Серый откинулся на камне, привалившись к вертикальному срезу глыбы. Прикрыл веки, поморщился, чтобы унять болезненную резь в глазах, и сказал:

— Теперь могу признаться, и, если хотите, побейте меня камнями: я не знаю, зачем нам Силью. Я не знаю, как это место работает с человеком. И не знаю, что будет, когда мы найдём точку силы. Но я

точно уверен: что-нибудь да будет. И это лучше, чем превратиться в бледное бескровное и костлявое животное и через год-два сдохнуть на руднике.

— Серый, не мутни воду, — тряхнул его за плечо верзила Хью, — мы пошли за тобой, потому что ты всегда оказываешься прав. Вокруг всякая ужасная хрень, а ты вдруг говоришь — и, оказывается, правда твоя. Проверено! Веди нас дальше, а там будет видно.

— Кажется, мозги стали жидкими... — признался один из парней.

— Точно! — ответил другой. — И у меня так же.

Звёзды, яркие и сияющие, не созданные гением инженеров, но настоящие, вечные, невообразимо далёкие и загадочные, не подчиняющиеся электронике звёзды над головой.

Ледяной холод.

Разреженный воздух колкий и доставляет боль при каждом вдохе.

Пока ему чудом удавалось вести свой маленький отряд без потерь. Но если он ошибся, эта ночь станет для кого-то последней.

Бездна!

Валевский запрокинул голову и посмотрел в небо, словно ища ответа. Южный Крест равнодушно-нارядно сиял, выделяясь среди созвездий.

«Серый, ты авантюрист. Зачем ты тянул сюда парней?»

Ему не понадобилось входить в центр Силью: ощущения пришли сразу же после первого шага внутрь...

По окружности невзрачной площадки, обозначая границы места силы, лежали небольшие камни. Он первым натолкнулся на аномалию, шестым чувством угадав, что именно здесь нужно сойти с тропы и забрать чуть левее. Камень, отмечавший границу места силы, вызывал одно-единственное желание: присесть на него и больше не вставать никогда. Истощение и смертельная усталость сделали своё дело, воля и упорство покинули Валевского. Ниже, под горой, кажущейся совсем невысокой, остался лежать Михал. Парень наотрез отказался делать последний рывок к кульпам, он просил оставить его в покое и убираться в бездну. Остальные пока кое-как держались на ногах.

Среди звёзд в самом зените сверкнула искра.
Спутник Моря! Он правильно вёл ребят!

Серый, заворожённо следя за искрой, мерцающей со строгой периодичностью и теперь спускавшейся в направлении восточных вершин, заставил себя сделать ещё пару шагов. И оказался точно внутри круга, обозначенного камнями.

Мощный вихрь энергии поднялся снизу, прошил насквозь, ощутимо, как штопор, ввинчиваясь по позвоночному столбу, оживил каждый участок мозга и, выйдя через темя, связал землю и небо в единое целое, и центральным стержнем мироздания в этот момент оказалось человеческое тело. Голова сразу стала лёгкой. Первозданная, в чём-то даже дикая и неконтролируемая сила переполнила всё его существо и отзывалась лёгким бодрящим покалыванием во всех членах. Ликующая радость и эйфория — всё было в этом, плюс восторженное

желание восхищаться миром. Он чувствовал себя океаном, встречающим рассвет, дельфином, резвящимся в волнах, любовником, сплетающимся в объятиях с женщиной...

«Полная перезагрузка!» — возликовал Серый.

— Сюда! — заорал он, совершая невероятные прыжки вверх и размахивая руками.

Кто-то присвистнул:

— Наш авиаrepid стартует в космос прямо сейчас!
Эгей!

Дойдя, дотянувшись, доковыляв последние десятки шагов до Силью, ребята оживали.

За Михалом пришлось вернуться вниз и нести его на руках. Бедняга плакал, не в силах поверить в чудо, и растирал грудь; похоже, он перенёс серьёзный сердечный кризис и без чудесного исцеления в круге Силью отдал бы концы на неприветливой равнине. А сейчас парень сидел и вытирали счастливые слёзы.

Серый спросил Хью:

— Что ты чувствуешь?

— Жрать больше не хочется! — радостно заявил верзила. — Я снова здоров, как лосось-энтузиаст, идущий на нерест!

— Да погоди ты! Мы с тобой вошли в круг дважды.

— И даже трижды: когда притащили сюда Михала.

— Ты чувствовал поток все три раза?

— Ну, да. Только слабее. А в первый раз — это было мощно! Я даже подумал, у меня башку снесёт, полный улёт.

Спросили остальных: Силью чувствовали все при каждом возвращении в центр круга.

Серый задумчиво произнёс:

— Орбиты спутников Моря пролегают через точки силы, и это неслучайно. Вам лучше сейчас же забыть, что я сказал, потому что, если кто-то выдаст это знание внешним, я задушу его своими же руками. Итак, над нашей головой каждые два часа пролетает один из спутников. А в них есть о-киб, — Серый начертил на земле закорючки күбөрнήтәс и разъяснил: — Омега-кибернит — от «кибернетик». По-гречески значит «рулевой». А ещё...

— А-а, так называют искусственный композит последнего поколения, который способен, я не помню точно, вроде как ловко обращаться с потоками энергии. И благодаря о-кибу энергетический голод нам не грозит в ближайшие лет сто, даже если Колонии будут расти так же, как со времени Первого Вдоха.

— Верно, — кивнул Серый, — кибернит применяют на спутниках. Он улавливает то загадочное, что прошло на нас в точке Силью. В каждом рифе есть серьёзные научные подразделения, которые изучают природу этой энергии, ну а кибернит тем временем делает своё дело: качает потоки излучения планеты и перенаправляет на наши корабли, где энергия генерируется. И так происходит во всех восьми точках Южного полушария, в которых наблюдается излучение. Есть предположение, что, если найти и объединить все точки планеты, человечество могло бы даже управлять её движением. Но нам с вами пока нужно немногое: каким-то образом нарушить стабильность

потока в Силью, и побыстрее. Если не управимся до рассвета, нас догонят и вернут на рудник. И позабоятся о том, чтобы мы немедленно сдохли там.

— Я уверен, что этой ночью за нами никто не пойдёт. На руднике пирушка: старая команда готовится к приезду нового крутого босса, и половина инженеров и большая часть охраны, кроме самых козырных, уже попрощались со своим рабочим местом. Ты же сам сказал: момент для побега — лучше не придумаешь и другого такого не будет! — возразил Хью.

В отличие от Хью, на Суше Валевский очень быстро избавился от юношеского оптимизма. Нахмурился в ответ:

— Мы сбежали не для того, чтобы сидеть на камнях вокруг Силью. На руднике завтра найдут бригадиров, закрытых в вагонетках. И это нам тоже не простят. Плюс побег мы устроили перед самым приездом большого босса, им придётся делать красивую мину при плохой игре, — это два. Ребята-эмигранты не дураки, выдавать нас не поторопятся, но поручиться за всех невозможно. Как ни крути, вскоре выяснится, что мы ушли не в сторону озера Ти, а в альтiplano. А здесь мы видны как на ладони. Единственное, что мы можем себе позволить, это залечь среди камней, не двигаться до наступления следующей ночи и надеяться на то, что вторая ночь тоже будет наша. Больше рассчитывать не на что. Уйти к океану без снаряжения и документов и проскользнуть незамеченными — это фантастика.

— Что же дальше?

— Силью, преврати нас в стадо мохнатых альпака! — сказал кто-то.

— Парни, как бы вам напомнить, что внешние вовсю жрут мясо? А местные даже предпочитают зверятину всему прочему. Жилистое же из нас будет жаркое! — ухмыльнулся Серый. И продолжал: — У кого сохранился талисман?

Восемь из тринадцати вчерашних морпехов успели им воспользоваться. Один потерял хранителя, у двоих отняли — дело обычное. Эти штуки настроены на биоритмы владельца и работают только на него, но при каждом удобном случае талисман забирают внешние. Через четыре месяца капсула, начинённая тонкой электроникой, оторванная от тела, заботиться о котором она предназначена, саморазрушается, остаётся лишь декоративная оболочка. Но и в таком виде талисманы пользуются спросом у «Ангелов Мести» — как почётный трофей.

Серый что-то обдумывал:

— Так, уже неплохо. Пусть внутри тела, но талисманы при вас. Тогда следующий вопрос: кто менял талисман в последние полтора года?

Отозвался один Анджей.

Он сохранил своего хранителя в целости и даже не проглотил. Сберёг, благодаря особому свойству: навороченная модель оказалась с функцией блуждающей присоски и удерживалась на теле в любой точке. Анджей спрятал талисман, по его же признанию, там, куда не догадались запустить руки при обыске. Ребята с трудом подавили хохот. Шуметь в их положении было опасно: звук далеко разносится по пустому и плоскому, как каменный стол, альтiplano.

— У меня совсем новый талисман, — продолжал Анджей, — подарок от родителей. Они не хотели,

чтобы я шёл воевать. Пришлось пойти на компромисс: я отдал все свои сбережения, они добавили деньжат и купили последнюю версию.

Выдавив из Анджея признание, сколько всё это стоило, ребята присвистнули:

— Ого! Круто! Целое состояние!

Анджей произнёс:

— Его нам прислали из Новой Японии, в стоимость вошла и срочная доставка...

— Есть надежда, что в твоём хранителе чистейший кристалл кибернита последнего поколения, — задумчиво протянул Серый.

— Я вспомнил, мой тоже куплен в это же время! — сказал Ван, родиной которого была Новая Япония. Он вербовался из университета Союза, потому не попал в подразделение с земляками.

Будущий авиаредд Валевский в волнении вскочил с места:

— Значит, если я прав, на спутник при вашем появлении в точке Силью уже могли уйти искажённые сигналы!

А теперь вникайте. Ван и Анджей, вы приметесь входить в круг сразу после того, как будет замечен спутник на подлёте. И не просто входить, но в нужном ритме. Боб, ты был барабанщиком: давай начнём прямо сейчас, только тихо: раз-раз-раз — это темп для Анджея, вошёл, пауза, вышел. Для Вана темп будет немного другой. На четверть такта они должны задержаться в Силью вместе, затем, Ван, тебе нужно не выйти — выпрыгнуть из фокуса. И так несколько раз, не меняя темпа.

— Чику-чику-паба, чику-чику-па. Чику-чику-паба, чику-чику-па... — забубнил Боб, раскачиваясь в такт и ловко отбивая ритм по бёдрам и груди.

Все услышали знакомый хит, звучавший в наушниках чуть ли не у каждого, когда о-транспорты поднимали их, героев, самоуверенных и решительных, на поверхность.

Как давно это было!

С воодушевлением решили воспользоваться этим ритмом.

Заняв позицию на камнях вокруг Силью, беглецы следили за ночным небом. С запада, со стороны океана, показалась пульсирующая искра. Искра бодро карабкалась в зенит. В хрустальной тишине холодной ночи людям казалось, они слышат звон, с которым пробирается в тропосфере искусственная звезда — посланница родного мира.

«Чику-чику-паба...»

Родина!

...Океан со вздохом смыкается над о-транспортом, принимая его в тёмные тяжкие объятия. В глубине, в недоступности чудовищных давлений, в вечном мраке и тишине, при постоянных низких температурах, висят над глубоководными течениями колоссальные ледяные глыбы: так выглядят для внешнего наблюдателя рукотворные крепости — их дом, подводные рифы. Ледяной панцирь толщиной до двадцати футов — внешняя защита рифа, его технокора, испещрённая трубками охлаждения и чуткими датчиками.

...Прапредки выплавляли в массе ноздреватой омега-пены жилые объёмы, соединяя их шахтами лифтов и тоннелями-коридорами — будущими улицами с лентами транспортёров. С тех пор искусственные рифы медленно, как и положено рифам, увеличиваются, наращивая наружные стены и расширяя жизненное пространство для седьмого поколения подводников, рождённого в комфортном и безопасном мире. Великая глубь стала домом народа Моря, его новой Родиной.

* * *

...До зенита сияющей искре осталось несколько градусов. В центр круга, отмеченного камнями древних солнцепоклонников, быстро шагнул Анджей. Согнулся, устойчиво расставив ноги, опёрся ладонями о колени.

«Чику-чику-паба...» — Ван вскочил на спину Анджея и, оттолкнувшись, выпрыгнул на край пощадки.

«Чику-чику-паба...» — прыжки Вана в круг-из-круга...

Спутник прошёл апогей и стал удаляться за вершиной горы Ильмани.

Анджей после стремительных кульбитов Вана подвигал лопатками, растёр колени. Ван подошёл, похлопал его по плечу. Обнялись.

Постепенно у всех сходила на нет эйфория, пережитая в месте силы.

Для чистоты эксперимента Серый запретил входить в круг до появления следующего спутника. Ожидалось, что до утра пролетит ещё один.

Давала знать о себе усталость, холод пробирался под жалкие синтетические тряпки, в которые приходилось рядиться на руднике. Ждали в напряжённом молчании, смотрели в небо; другого плана спасения у беглецов не было. Неумолимо приближался час рассвета.

Серый тихо совещался с Ваном и Анджеем. Если затея не удалась, отряд обречён. Думать об этом не хотелось.

Вернулись ребята, ходившие в сторону башен-кульп.

— Там это, — объяснил Хью, — я думал, есть какой-то лаз... ну, спрятаться нам. Но ничего такого нет. Придётся спускаться вниз, в заброшенное селение.

— Да, пожалуй, так будет вернее. Оставаться на виду опасно.

Следующая, предрассветная звезда торила путь к точке Силью...

* * *

С начала войны крупнотоннажный бот «Новая Европа» был переоснащён новейшим оружием и доукомплектован взводом солдат Армии Моря. Но половину команды по-прежнему составляли штатские научные сотрудники. И главная задача у корабля тоже осталась прежней: принимать и генерировать энергию, оттянутую спутниками в местах аномалий. Море контролировало все восемь особенных точек: Силью, Риф, Мод и другие, обнаруженные в Южном полушарии. Кибернит, которым напичканы

спутники, этот кибернит, подобно пряхе, дёргал нить планетарного излучения, сматывал в тугой клубок и прицельно швырял в энергоприёмники кораблей слежения, вызывая коронные разряды над судном и эффект гало вокруг корпуса. Внешние испытывали почти мистический трепет, если им случалось наблюдать корабль Моря в такую минуту.

Свойство кристаллов о-киба обнаружили случайно, когда на одном из спутников нового поколения стали замечать десятикратное увеличение заряда в аккумуляторах над точкой Силью: словно спутник подзаряжался на лету. С этого момента началась новая эра Колоний, подводная цивилизация получила ещё один, хорошо засекреченный источник энергии. Аномалии считали естественными дырами — каналами для космических потоков, соединяющих все масс-объекты в Галактике, а может, и во Вселенной. Кибернит пробивал червоточины в кривизне планетарного пространства и направлял таинственные потоки туда, где их готовы были принять и аккумулировать. И поставить на службу кораблям, плавучим базам и о-транспортам, соединяющим Подводные Колонии с Надмирьем. От этого открытия до эры покорения космоса оставался один шаг, но война поменяла приоритеты в Подводных Колониях. У кибернита оказалось множество уникальных свойств, и со всем этим предстояло ещё разобраться.

...Дежурная на «Новой Европе» отслеживала на экране оптикона поступление потока из Силью. Она ритмично покачивала головой и мурлыкала навязчивый мотивчик. Время, казалось, зависло. Вечер по-

степенно грозил перерости в глубокую ночь — и всё невероятно медленно, невероятно долго...

«Чики-чики-паба, чики-чики-па», — она тихо шлёпала губами, но вдруг замолчала и удивлённо уставилась на экран. Чуткие датчики зафиксировали микровспышки в аномалии, расположенной на высокогорном пустынном альтиплано. Вспышки в ритме шлягера. Сам по себе сбой ничего не значил: время от времени такое наблюдалось в разных точках силы. Но противоестественное совпадение с мелодией...

Она не поленилась сделать запрос повтора записи.

«Чики-чики-паба, чики-чики-па», — весело ответили пляшущие огоньки на экране.

«Я своим пением влияю на поток Силью!»

Девушка была мастерица находить удивительное рядом.

«Таинственная энергия отзывалась на мои мысли! А всё потому, что я нарушила инструкцию и сижу без шлема. Великая глубь, что же это было? Неужели опять случайное открытие: ещё одно свойство о-киба?»

И ещё она подумала, что теперь в её мозгах будут копаться учёные, исследуя странное явление. А её мысли с некоторых пор совсем не предназначены для общего пользования.

«Придётся сознаться в нарушении инструкции. Только бы не стали допытываться, почему я не напялила шлем. Мои волосы... так трудно выпрямлять тугие завитушки!»

Она потратила на эту работу целых два часа, а под шлемом волосы снова стали бы пушистым облаком, обрамляющим голову. Девушка вздохнула, спрятала прическу под глубокий шлем и решила подождать следующего сеанса из Силью: для чистоты данных.

«Чики-чики-паба» не повторились.

Из Силью пришёл новый сигнал: длинная вспышка — пауза — короткая. Затем сильный всплеск, словно кто-то поставил точку, и пустота, обозначавшая только одно: энергетический спутник уничтожен.

ЭХО ВОЙНЫ

была весна, и свои первые шаги я прошла вдоль рядов цветущей фасоли. Конечно, вы знаете прелестные цветы фасоли сортов «клио», «родео», «стелла»: алые, нежно-розовые, фиалковые, голубоватые, кремовые. Они почти не имеют запаха, но многокилометровый серпантин из этих растений наполняет изысканным и тонким ароматом Теплицу рифа.

Дорожка, на которой стояла я в возрасте десяти месяцев, звала и манила в дальние дали и, плавно закругляясь, обтекая форму Теплицы, терялась за поворотом. И я побежала, потому что поняла: прекрасный цветущий мир стоит того, чтобы увидеть его ближе! Такими были мои первые шаги. Как уверяла мама, их было шесть. Шесть стремительных шагов младенца, спешившего к своей взрослости. Недолг был этот ликующий бег. Взмахнув руками, я упала; обломанная часть стебля с алым цветком легла рядом на дорожку. Видимо, посчитав доставшееся мне сокровище самым лучшим вознаграждением за первую самостоятельно пройденную дистанцию, я

больше никуда не пошла и любовалась цветком, пока не стали смыкаться сонные глазки.

В зелёном царстве Теплиц начинает ходить и говорить большинство малышей подводников, потому что мамочкам с детьми до трёх лет закон разрешает проводить там сколько угодно времени. И женщины с радостью пользуются этой чудесной привилегией, разрешённой только материам и «одному сопровождающему лицу в дни выходных и праздников», как гласит документ. Да, на всякий случай поясню: Теплицы, гидропонные комплексы, в которых выращивается невероятное количество съедобных растений, пишутся с большой буквы — так велико их значение для народа Моря.

«Дети и цветы должны расти вместе», — улыбаются биологи-гидропоники, чародеи, посвящённые в тайну жизни растений. Они показывают гостям, в каком секторе начинается цветение. И, наоборот, закрывают проходы туда, где созревание сладкого батата, кунья, лакомых тыкв, земляники или арахиса требует тишины и покоя, чтобы потом, спустя какое-то время, снова открыть входы к грядам, окружённым спелыми плодами.

О мой родной мир! Будь я поэтом, я воспела бы твою красоту в стихах. Но, увы, я не поэт. И потому просто рассказываю тебе, читатель, о величественных рукотворных рифах на дне океанов. Вернее, о двух рифах, в которых мне повезло жить. Впрочем, немногие подводники могут сказать, что повидали за свою жизнь все мегаполисы Моря. В настоящее время наша цивилизация населяет десятки рифов,

а начинался исход с шести подводных модулей. Все они послужили надёжным домом для самых смелых и предприимчивых учёных. Катастрофа постигла лишь седьмой риф, построенный через тридцать лет, уже после Первого Вдоха — первого выхода на поверхность. Не потому ли к числу шесть у нас особое отношение? А вот число семь, напротив, считается недобрым.

Первые рифы давно стали малой частью гигантских глубинных модулей современности. Первые рифы — это всего лишь два-три района, отведённые под музеи, залы зреющих или школы. Вокруг старого ядра находятся современные жилые секторы, их окружает надёжная омега-скорлупа, рассчитанная на давление в тысячи атмосфер, но не знакомая с мощью океана. Потому что за ней расположена промышленная зона, и только потом ещё одна скорлупа — внешняя. Вот она-то и противостоит неукротимой силе приютившей нас бездны. Любовь бездны велика, она ежесекундно готова принять каждого из нас. Но пока время не пришло, мы сдерживаем её порывы: ведь подводники рождены для контроля и управления всего, что является стихийным началом и предшествует разуму. Когда же придёт час смерти рифа, о чём никто не может знать заранее, но к чему всегда нужно быть готовым, мы станем частью бездны, слившись с ней в объятиях. Это случится мгновенно — так велика её страсть. Бездна обладает колоссальной силой и разбивает все преграды на пути своей великой любви к людям, ревнуя человека к родительнице-Суше. Ведь бездне до сих

пор так и не удалось породить разумное существо, повелевающее стихиями, и лишь гигантские тела морских животных, молчаливые, выносливые и ненасытные, олицетворяют её суть. До сих пор бездна проигрывала Суше. Народ Моря — как примирение, как знак равенства между ними. Мой великий народ, бездна долго ждала тебя, и приютила, и сберегла, и сделала счастливым! О Подводные Колонии, царство разума, сияющая обитель, полная роскоши и блеска!

Мир подводников, я рассказываю о твоей красоте тем, кому недоступно любоваться простором террас Новой Европы, уступами-этажами поднимающихся всё выше и выше.

В этом рифе небом являются великие Теплицы. Свет Теплиц одинаково служит людям и растениям. С любой террасы можно видеть над головой изысканную, как рукодельное кружево предков, часть ажурной сферы. За её прозрачной оболочкой радует глаз буйство зелёных зарослей. Там ходят и передвигаются на полупрозрачных подъёмниках гидропоники: все в роскошных серебряных одеяниях, с датчиками — мерцающими нимбами на головах. На земле сотни лет воображали райский сад и ангелов в нём; мне не надо представлять это — я росла среди серебрянорясных повелителей растений.

Для тех, кому трудно представить мою родину, я постараюсь описать её ещё раз и другими словами.

Наивно было бы полагать, что герметичный внутренний объём рифов делится по привычной схеме:

по горизонтали и вертикали. Каждый риф — пример нестандартного решения этой задачи, и каждое решение гениально. Так, в Новой Европе нет линейной перспективы: жилое пространство закручивается по спирали вокруг ядра — сияющей сферы Теплицы. Дома расположены уступами, и крыши нижних этажей служат зелёными лужайками для тех, кто селится выше. В Новой Европе семьи не живут во внутренних квартирах-боксах, как в столице Союз: здесь каждый дом семьи имеет выход на газон. Открытая терраса, огороженная фигурным парапетом, служит и столовой, и площадкой для детских игр. Лёгкие пешеходные лесенки, соединяющие этажи, делят жилые районы на кварталы. Такси и рабочая техника скользят по направляющим, спрятанным во внешней ажурной арматуре Теплицы, и буквально спускаются с неба там, где они нужны.

А как же выглядит пространство над сферой Теплицы, спросите вы? Его внутренние объёмы заполняют офисы, больницы, университеты и научные лаборатории, детские заведения, спортивные площадки и площади-агоры, сцены и залы зрелищ — у подводников не принято смотреть фильмы в собственной квартире, это граничит с неприличием. Для этих целей вы вольны выбирать между многочисленными кафе, ресторанами и специальными залами — везде есть кубо-кубо разных размеров и степени погружения в иллюзию. Есть кубо-кубо и на площадях.

В верхней половине рифа жилое пространство тоже подчинено форме центральной сферы и обтекает её, а в зазоре вокруг прозрачного светоносного

шара — царство подвижной и юркой техники, доставляющей людей и грузы. Наш мир всегда освещён Теплицей и погружается в полумрак только вочные часы. Хвала глубоководным турбинам и антарктическим атомным комплексам: Колонии никогда не испытывали энергетический голод.

Таков мир Новой Европы, живущий по общим для всех подводников и по своим, местным, законам. Кроме привилегии гулять в Теплице с малышом, кроме давно популярной во всех Колониях игры штифт, придуманной именно здешними аборигенами, в Новой Европе вы всегда можете наслаждаться домашней едой, заранее договорившись с хозяевами дома о своём визите. Семьи этого рифа любят готовить сами, и еда становится изысканным ритуалом, собирая родных и гостей вокруг большого стола на лужайке, под сенью плодовой лианы.

Те, кто молод, не дорожа традицией, предпочитают какое-то время жить поближе к дискотекам и многолюдным агорам: перекрёсткам, объединяющим улицы-тоннели с движущимися транспортными лентами. Но потом и они возвращаются на террасы, и каждый раз задерживаются здесь всё дольше и дольше. По утрам, выходя на пробежку по каскадам широких лестниц, они кивают и машут рукой всем знакомым. А потом у них начинается лёгкая ностальгия, и, значит, пришло время искать собственную зелёную лужайку. Искать того, с кем будешь сидеть за столом по вечерам, любуясь медленным угасанием Теплицы и разноцветными огоньками ламп в двориках соседей — всё ярче, ярче и ярче становятся они в сумерках».

Планшет Зелмы коротко тренькнул, предупреждая о том, что не будет продолжать работу в ближайшие пятнадцать минут: хозяйке пора передохнуть, сменив сидение за клавиатурой на любое другое занятие.

Зелме оставалось только принять условия.

Исполнив ряд изящных и требующих силы и гибкости танцевальных па, дав работу всем мышцам, она с удовольствием растянулась на ложе и позволила себе повалиться немного: в её ежедневном графике были окна, она их спланировала, следуя собственным пристрастиям. Зелма размышляла, кто бы мог быть таинственный заказчик журнальных статей? Естественно, речь шла только о художественном тексте, воспевающем красоту мира подводников, их быт и представления. Зелма была рада этому заказу. Нет, зачем обманывать себя: она пришла в восторг. Рассказать о своей жизни — что может быть приятнее и легче? Теперь она понимала, что задание оказалось сложным. У неё не было опыта простого и, главное, на чём настаивал заказчик, — лёгкого и изящного литературного писания. Дело двигалось медленно. Привычная действительность была такой обыденной, что найти достойный внимания объект оказалось непросто. Хранительнице книг хотелось знать: кто он, заказчик? Человек из внешних? Где живёт на Суше и как живёт? На что похож его дом? Какие эмоции испытывает, вычитывая её статьи? И кто они, читатели журнала?

Первый текст понравился заказчику.

Сейчас Зелма сидела над вторым, продолжая описывать подводные мегаполисы и взяв за правило не углубляться в детали и не усложнять.

Подборка хороших фотографий рассказала бы больше, но передавать подобную информацию на Сушу запрещено. Ей пообещали, что статьи пойдут в сопровождении специально отобранных и разрешённых для внешнего пользования фотографий. Не совсем то, что надо, но лучше, чем ничего. Впрочем, при отсутствующей линейной перспективе, которой не было и быть не могло в большинстве рифов, фотографии пейзажей подводных мегаполисов походили на вычурные, совершенно искусственные декорации; размеры терялись, пространство выглядело плоским или чересчур загромождённым странными конструкциями...

Она надеется, что люди в Надмирье всё-таки проникнутся изысканной красотой Морских Колоний. По крайней мере, ей очень этого хотелось.

Суша пугала Зелму.

Суша была последним местом, где, теоретически, можно существовать, но не жить полноценно. Каждое мгновение там — это борьба за выживание, и будущее слишком многовариантно, а потому не просматривается и не прогнозируется.

Отогнав эти мысли, Зелма опять повернулась перед зеркалом, изобразила ставший классикой танцевальный этюд «Ураган» и осталась довольна тем, как послушно и пластично её тело. Она чувствовала, что оживает, что снова радуется каждому дню и все несчастья остались позади. Или почти позади...

Ник неожиданно предложил ей прогулку в Эдем — просто подарок судьбы!

Она знала, что Ник мечтал пойти туда с Катрин, но вдруг изменил своё решение. Он вообще стал другим: резким, суровым. После возвращения с войны, израненный, после хирургии и двух пластических операций, брат замкнулся в себе. Неудивительно, что его девушка была холодна при встрече и их отношения дали серёзную трещину.

О, Эдем!

Она напишет об оранжерее, побывать в которой немного шансов: этот сад слишком дорогостоящее место для прогулок. Ник всё-таки молодец. Придётся окружить его вниманием, чтобы беднягу после всех передряг не подстерегло ещё одно разочарование и чтобы ему не было одиноко на весёлой вечеринке.

Зелма слегка помедлила перед гардеробом и сделала выбор: уложила в сумку пышную юбочку разумной длины, перчатки с обрезанными пальцами в тон, бижутерию, которая окружит её сиянием мерцающей пыли, чёрные гладкие волосы обнимет обруч с витиеватой, как на вензелях, ажурной вязью «Даугава» — её второе имя. Выходить за стены бокса она будет в лосинах, мягких сапожках и невесомой, уютной меховой дохе лилового цвета: снаружи свежо, холодные потоки воздуха высвистывают лихие песни. Служба «Три-эс» напрягла воздуходувы, устроив шквал с завыванием ветра. По сообщениям, на центральном стадионе состоялась сильная метель со снегом. Младшие дети, особенно те, кто видел бурю впервые, поражённые, с визгом и в не-

вероятном возбуждении метались по льду в снежных вихрях. Они то смело бросались навстречу ветру, то отворачивались и растирали озябшие руки. Они теряли шапочки, хватались друг за друга, некоторые в непрятворном волнении ползли по льду к трибунам, преодолевая потоки ветра, — кутерьма стояла невообразимая.

О этот Союз, здесь ещё и не такое бывает!

Зелма подумала, что вот он — ещё один новый сюжет. Только будет ли это интересно тем, для кого бури и ураганы — грозная реальность?

Ник заехал на такси с водителем.

Зелма сначала приняла это за расточительство, но, когда выходили в портале, ведущем в оранжерею, убедилась, что без помощи водителя брату пришлось бы нелегко: такси не предназначены для... Нельзя упоминать об этом при Нике, она не хочет омрачать его настроение.

Эдем встретил теплом и ярким, как в Надмирье, светом слегка желтоватого спектра. После продуваемых холодных площадей столицы, развлекающейся по-зимнему, в пространстве, заполненном растениями, чувствовалась повышенная температура и влажность. Впрочем, вскоре ощущение влажности прошло, и гости радостно встрепенулись, видя изобилие цветов, невероятно густые заросли и настоящие деревья с толстыми стволами и шершавой корой.

Легконогой бабочкой, окружённая светящимся роем мерцающей пыли, Зелма выпорхнула из дам-

ской комнаты и теперь ловила на себе взгляды мужчин и женщин.

Высокая дама, приветствовавшая гостей, горделиво держала крупную породистую голову с прической «флёр». Она тоже одобрительно взглянула на Зелму, затем, со смыслом, — на стоявшего рядом молодого мужчину с блестящим взором. Дама оторвалась от его локтя и пригласила всех совершить увлекательное путешествие по Эдемскому саду. Нарядные гости, предвкушая весёлую вечеринку, вереницей потянулись следом за устроительницей прогулки. Их оживлённые разговоры и смех глушили растительность, тесно обступившая пешеходную тропинку.

Ник держался молодцом.

По молчаливомуговору они старательно играли каждый свою роль в печальной пьесе с условным названием «Всё будет хорошо». Но Зелма видела, как лоб брата покрылся бисеринками пота, когда извилистая тропка стала резко подниматься вверх, серпантином огибая красоты Эдема.

* * *

...В тот воскресный вечер Марку удалось вытащить Валевского в «общество» — так иронично инсуб отзывался о бизнесе своей матери.

Мадам Анна Эйджи, с замашками светской львицы, манерная и амбициозная, арендовала оранжерею и устраивала пикники для всех, кто способен был оплатить роскошное предложение провести несколько часов под сенью деревьев в окружении цветущих азалий и гортензий.

— Вот он какой, Эдем! — только и сказал Арт, впервые попав в райский уголок.

И оглядывался вокруг, любуясь альпийскими горками, хлопотливыми ручейками, струящимися из вычурных ваз, мощёными дорожками, плавно обтекающими причудливые садовые скамьи.

Прогулочные оранжереи не бывают огромными, но неведомый ландшафтный дизайнер, явно человек незаурядный, мастерски создал иллюзию глубины пространства, выжав из предоставленной ему территории всё, что можно. Оставалось только наслаждаться видами и ароматами великолепного сада.

Валевский не спеша брёл позади всей компании, оставив Марка Эйджи, распустившего плавники перед двумя подружками. Сияющее радугой око инсуба прицельно выхватило блондинку и шатенку из числа красивых женщин, и девушки немедленно были втянуты в орбиту обаяния Эйджи.

Перед Артом, отстав от остальных, двигалась пара: какой-то хмырь вёл изящную девушку в юбке болero, подчёркивавшей тонкую гибкую талию. Не все женщины решались носить такой фасон, хотя на этой вечеринке девушка в болero отнюдь не единственная...

Валевский отвлёкся на разглядывание филиграных жуков и насекомых, искусственных жителей естественных зелёных зарослей, и вскоре забыл об этой паре.

«Светское общество», которое собрала Анна, — больше двадцати мужчин и девушек, — завершив прогулку, расположилось в просторной беседке-па-

тио, ограниченной полукругом колонн с решётками, сплошь увитыми буйно цветущим клематисом.

Мебель заменяли четыре широкие, сияющие безупречной белизной ступени, амфитеатром спускавшиеся к пятаку газона с танцполом посредине. На ступенях было удобно сидеть и возлежать, придвигнув к себе поднос с напитками, и заодно любоваться стройными ножками молодых женщин.

Пара прелестных ножек прodefилировала близко от разомлевшего в праздности Арта; затем их хозяйка развернулась так, что сухим шелестом отозвалась юбка, и в поле зрения Валевского снова оказалось миловидное лицо девушки, шедшей по Эдемскому саду в последней паре.

— На вашем подносе только вода? — удивилась она. — Я хотела взять у вас «Шторм». Не для себя, конечно, я не клеюсь к мужчинам, да ещё так примитивно... — она говорила быстро, и казавшееся естественным смущение очень шло ей. — Мой брат попросил. Наверное, один вы трезвый на этой вечеринке?

— Ну, это потому, что я знаю главный секрет: все воскресные дни быстро кончаются.

Валевский с удовольствием снизу вверх разглядывал темноглазую незнакомку.

То, что спутник — брат незнакомки, а не её другожок, подняло градус настроения аналитика. Вечер действительно обещал быть удачным.

Насчёт «Шторма» — пойла, употреблять которое можно с одним «но»: весёлый «Шторм» не пьют в одиночку. Возвращение в нормальное состояние возможно только группой, одного просто не обслужит камера-биосин, и последствия будут самые ужасные,

лучше не пробовать. Все увеселения быстро обрастают разными ритуалами, так случилось и со «Штором»: одолживать друг у друга спиртное с недавних пор стало модным. Но даже мода не возникает из ничего. Просто группа из двенадцати событъников быстрее подвергалась биохимической очистке. Главную роль играл факт, что пили вместе, а не поодиноке, — опять юмор производителей. Вторая причина лежала в области трансцендентальной: считалось, что нализаться из двенадцати пузырей — особый кайф, и даже больше — такого полюбит удача.

Получается, Арт невольно подвёл кого-то, кто очень хотел пlesenуть в свой стакан из его бутылки.

Он виновато развёл руками.

— Я тоже пью только воду, — ответила девушка и улыбнулась. — Бедный, бедный Ник, как ему не повезло с нами! — она засмеялась и убежала к брату, сидевшему неподалёку.

«Заботливая сестричка!» — хмыкнул Арт.

Парень повернулся, скосил глаза в его сторону, и Валевский заметил свежий след от ожога, прикрытый высоким стоячим воротником рубашки.

«Вот оно что: братец-то с поверхности, из горячей зоны!»

Стало объяснимым неподвижное выражение лица у этого типа, так выглядит совсем свежая пластическая хирургия. А кроме того, несчастный ещё не привык управляться с протезом ампутированной до середины бедра ноги.

Из-за деревьев вырулил Марк. Он поддерживал двух уже весёлых девушек и говорил о войне, вернее, о её причинах.

— На заре образования Колоний, девочки, Декларация прав колонистов узаконила личное право каждого вернуться на Сушу в любое время, — рокотал сочным баритоном Марк, словно рассказывал поучительную сказку, и при этом умудрялся лапать своих спутниц. Он претендовал на роль знатока Всемирной истории в глазах длинноволосой красотки, локоть которой прижимал к своему боку особенно ревностно.

— В случае провала дерзкой идеи было важно, чтобы потомки могли вернуться на историческую родину, туда, где жил первый прародитель. Закон приняли навечно.

— Я всегда думала, это само собой разумеется... — протянула длинноволосая.

— И не только ты так считаешь, дорогая. Не помню случаев возврата на Сушу, но каждому важно знать, что он всегда может сделать этот шаг, — мурлыкал инсуб.

— И теперь внешние хотят отменить закон?! — девушка прищурилась. — Мерзавцы! За-то-пить их города!

— Они уже фактически отменили его двадцать лет назад. А их города нам не нужны, дорогая. На Суше свирепствуют ветры, бури, холод и зной, остаточная радиация, микробы и вирусы...

— Да, да, вирусы! Пошли они все в бездну со своим вонючим загаженным воздухом и грязью на подошвах! Так зачем нам сдалось их Надмирье? — длинноволосая уже почти висела на руке Эйджи, но ответ ей нужен был позарез.

— Что ты, внешние пытаются ограничить нас в правах. Если не дать отпор, они начнут наступать на

Колонии! А мы сильны, но уязвимы, — возразила блондинка, которая была немного трезвее. Но Марк всё равно благоволил не ей.

— Я хочу во-е-вать! — заявила длинноволосая, рыча и впиваясь коготками в инсуба.

Блондинка отлепилась от сладкой парочки, упав на скамейку, а двое скрылись за ближайшим поворотом дорожки, причём Марк успел подмигнуть Арту.

Музыка стихла.

Анна Эйджи, умело заправляющая тусовкой холёных кавалеров и девиц из когорты хорошо оплачиваемых служащих, выступила в центр лужайки. В одной руке она держала бокал, в другой — полную бутылку. Громко, чтобы быть услышанной дюжиной гостей, не спешивших уединиться за альпийскими горками, она произнесла:

— Вечерние новости сообщили: войска Подводных Колоний одержали ещё одну победу. Скоро внешние поймут, с кем имеют дело! Девушки, наполним бокалы и выпьем этот прозрачный, как чистые воды, «Шторм» за наших мужественных ребят!

Глядя на кучку оживлённых женщин, сгрудившихся с бокалами вокруг Анны, парень с протезом вдруг отчеканил:

— Если чьи-то родственники участвовали в сегодняшней операции в Индонезии, самое время поднять чарку за упокой!

— Ник, умоляю! — взмолилась темноглазая девушка.

Парень принял неуклюже вставать со ступеней. Протез не слушался, искусственная ступня скользила по гладкому покрытию. Арт оказался ря-

дом и подхватил беднягу, не дав тому упасть. Девушка благодарно кивнула и сказала шёпотом:

— Ник был на поверхности. Он знает, что говорит.

— Да уж! — голос Ника дрогнул, он смотрел Арту в лицо, и тот за неподвижной маской молодящей искусственной кожи разглядел боль, страдание и горечь искалеченного парня, втянутого в мясорубку Четвёртой мировой.

Зелма скрылась в дамской комнате.

Мужчины стояли друг напротив друга и молчали.

Небрежное слово из уст устроительницы вечера всколыхнуло парня изнутри, и Ник признался Валевскому, как порой, неожиданно для себя, признаются человеку, которого видят в первый и последний раз:

— Мне осталось недолго. Похоже, я подхватил одну из болячек внешних, пока валялся без сознания, сорвав защитную маску. Вот с сестрой решил прогуляться в Эдем: денег за три месяца службы как раз хватило на одну приятнейшую вечеринку. А она ничего — пусть порадуется, — он кивнул в ту сторону, где скрылась Зелма.

Арт пожал запястье ветерана.

Затем прошёлся с братом и сестрой до выхода из оранжереи.

Возвращаться в патио не хотелось: слишком контрастным было то, что полыхало недобрым светом в глазах солдата, и всё, о чём приветливо и сладко щебетала благородная Анна Эйджи с пафосным букетом в высоко уложенных волосах.

Он побродил по дорожкам сада, разглядывая живые цветы и искусственных бабочек так, как будто видит их в первый и в последний раз. Решил, что ни к чему дожидаться Марка Эйджи, и отправился домой.

* * *

— Спасибо, Ник! Ты у меня молодец! — Зелма прощалась, счастливая вечеринкой и тем, что всё прошло хорошо. Почти хорошо, не считая резкого выпада брата в сторону устроительницы вечера, немного смущившего публику. Теперь она может быть свободна. О том, каким будет новый день для Ника, думать не хотелось. Брат стоял перед ней бодрый и подтянутый. Какой-то даже слишком выпрямленный.

Она решила не выбиривать понапрасну тревогой.

Была бы мама, Зелме необязательно было бы думать о таких вещах. Но мама далеко. Так далеко, что порой Зелме не верится в её существование. Родители в Антарктиде, обслуживают атомный энергетический модуль Колоний. Электронная система внешних никак не связана с интернет-сетью подводников. Так надо, так решили прародители: слишком разные и не пересекающиеся миры, и всё бы хорошо, но переговоры — они так редки.

Уезжая по контракту, мама взяла слово со своей драгоценной маленькой Зелминь, что она будет душой семьи и по-матерински проследит за тремя взрослыми братьями. В первом же нападении внешних на порт Посейдон погибли старшие ребята Вил-

кат, а младший, Ник, которого она помнит резвым и жизнерадостным мальчиком, вернулся покалеченный и совершенно сломленный. Он был неподалёку от Илмара и Руди, просто ему повезло чуть больше, его сняли с горящего причала...

Зелма Даугава подумала: может, им поселиться рядом на время?

Может, Нику нужно её присутствие?

От большой семьи Вилкат остались они вдвоём...
Эта война...

Пожалуй, она всё усложняет.

Брат сейчас обращается к ней, и у него весёлый голос:

— Зелминь, заведи себе мужика, ты сегодня слишком старательно льнула ко мне. И тот парень, штифтист, вряд ли решился просить у тебя код связи.

— Почему он — штифтист? — лениво переспросила Зелма, невольно вспоминая широкий в плечах торс незнакомца с могучими предплечьями. Действительно, он может быть и спортсменом...

— Штифтист, точно: он ловко подхватил мой мешок с костями на скользких, бездна их побери, ступеньках. В общем, я всё тебе сказал.

Новое лицо Ника ещё слабо передаёт эмоции, но голос выдаёт приподнятое настроение. Она рада этому.

Зелма кивнула на короткую культью, только что освобождённую от протеза:

— Раsterеть?

— Я сам. Поезжай домой, — решительно отказался брат, бережно отставляя искусственную конечность, с которой теперь ему предстоит жить.

Сегодня он великодушен и совсем не раздражён. Наверное, Эдемский сад и на него подействовал уми-ротворяюще. Великая глубь! Пусть бы к нему вернулась Катрин, и всё было бы хорошо.

Зелма предложила:

— Через неделю мы танцуем на сцене «Наяда», могу взять билет. И даже два.

— Один. Для меня, — бесстрастным голосом ответил Ник. — Спасибо, Зелмина! Спокойной ночи!

Она поняла, что Катрин не вернётся.

* * *

В следующий выходной Валевский, по определению инсуба, законченный карьерист, как обычно, работал до обеда. Когда вышел из здания Главного Управления, улицы оказались запруженны митингующими. Огромная толпа стекалась в центр рифа Союз. Такое доводилось видеть разве что в дни больших спортивных соревнований в местах, где транслировали огромные кубо-кубо. Но сейчас всё было иначе, и атмосфера насыщена тревогой.

«Время перемен!» — смысл рекламного слогана в кадре огромного видео на перекрёстке показался зловещим не только Арту; отдельные из толпы поднимали глаза, читали надпись и начинали скандировать: «Время перемен!»

Униформа парней, обрывки общих разговоров свидетельствовали: со всех сторон гигантского мегаполиса сюда собирались демобилизованные солдаты, новобранцы, которым ещё только предстояло подняться на поверхность, с ними — подружки, родители и сочувствующие. Море суровых, решитель-

ных лиц. Все громко выражали своё недоверие правительству. На плакатах и голограммах, сделанных наспех, пылали надписи: «У меня на поверхности нет врагов!», «Это гнилая война!», «Хватит придумывать повод для бойни!», «Я не хочу убивать!».

Большой лозунг «Море и Суша в вечности вместе!» выразительно перечёркнут новой надписью: «В кровавых объятиях?!»

Валевский впервые наблюдал в одном месте все партии Морских Колоний: от политических и до чудаковатых сторонников переселения животных в рифы.

Дело закручивалось серьёзное.

До этой минуты Арт гордился политикой Подводных Колоний. Последние четверть века Надмирье упорно игнорировало интересы восьмидесяти миллионов, заселивших океан. По всем каналам рифов диаспор то транслировали портовиков, отказавшихся подвести шлюз к всплывающему туристическому омега-тэ, то смаковали предвоенные мелкие стычки парней в военной форме Суши и Моря. Прокручивали таинственным путём попавшие к журналистам фрагменты записи закрытого заседания Совета Надмирья. Были и другие факты. Дело действительно складывалось не в пользу Колоний. Дипломатия исчерпала себя, настал черёд действовать.

Но, как бы там ни было, он, работавший на правительство, оказался не готов к такому повороту событий и не знал, как к этому относиться.

Толпу никто не контролировал, лишь низко, на бреющем полёте, над головами людей плыли, буквально касаясь друг друга бортами, стаи электрон-

ных такси, обеспечивая возможность быстро и безопасно покинуть толпу. В обществе тотального контроля над ситуацией давка должна быть исключена... Ага.

От скопления такси было сумрачно. Неподалёку от аналитика группа молодых людей хором крикнула в днище ближайшим гондолам: «Трогай!», и послушная техника немедленно пришла в действие: сразу несколько такси испуганными рыбами взмыли вверх. Их место тотчас заняли другие гондолы, программа управления перестроилась и больше не реагировала на выкрики шутников. Впрочем, всеобщее тревожное настроение отбивало охоту шутить. Арт видел, как некоторые поднимали над головой кубо с голограммами съёмок, сделанных на поверхности: на космодроме в Танзании, на антарктических базах и искусственных островах, — и в портах подводники высказывались о войне, навязанной Морским Колониям. Но поводом, накалившим страсти, как понял Валевский, стало другое. В зоне боевых действий происходило что-то, отличное от официальных данных. Количество раненых и убитых, озвученное демонстрантами, поразило Арта. Эти цифры никак не вписывались в сводки, с которыми он имел дело по службе.

Взгляд его остановился на лице девушки с профессиональной камерой в руках, и Арт узнал сестру молодого ветерана Ника.

Она кивнула ему.

Арт шагнул в толпу и пошёл рядом с девушкой.

— Вчера умер мой брат...

— Как?! — ужаснулся Валевский.

Опустил голову.

Тот парень гулял в Эдемском саду всего несколько дней назад. Всего несколько дней назад он был жив, думал, дышал, слушал музыку...

Арт вдруг по-настоящему и сразу всей кожей почувствовал дыхание войны, почувствовал так, что похолодела кисть, недавно пожимавшая руку солдата.

— Меня зовут Зелма Даугава Вилккат. Я наследная Хранительница книг и я — будущий инженер химического контроля воздуха. Я осталась одна. Война отняла у меня троих братьев.

Больше она ничего не произнесла.

Ноглаза, выразительные, тёмные, тёплого оттенка сливы, сказали больше: эта девушка знала то, что проглядел аналитик.

Статус Валевского выдали форменный китель и длинная, почти до щиколоток, хакама, Зелма окинула его взглядом с головы до ног, и в голосе просквозила ирония:

— Вы, тот-кто-делает-большую-политику, идёте с нами? — она кивнула в сторону самой активной группы противников войны. — Как это понимать?

Арт подумал, что она права в одном: нам кажется, что мы что-то значим, до тех пор, пока это не начинает происходить. Тогда вдруг обнаруживается, что на самом деле ты — винтик и не влияешь ни на что. Вот и аналитик Главного Управления оказался всего лишь шестерёнкой в сложном и многомерном управлении механизме Колоний.

— Я с вами! — ответил Валевский, взяв тонкие холодные пальцы девушки в свою ладонь.

Девушка увлекла его за собой в людской поток, кипевший страстями.

Теперь он видел совсем близко лица парней, вернувшихся с фронта. Почти все покалечены: следы ранений, ожоги, у многих протезы пальцев и кистей рук. Пластические шрамы выдавали повреждения ушей и кожи головы. Арт содрогался, зная, какое варварское оружие было пущено в ход против вчерашних мальчишек.

*—————

ОРАКУЛ

алевский думал о том, что ещё совсем недавно действительность не представляла собой загадку. И в личном плане всё было предсказуемо.

...Да, теперь он каётся: считал или же просто допускал, что и любовь придёт по расписанию... Или не было времени задумываться о таких вещах: девушек, роем выującychся вокруг Эйджи, было вполне достаточно для краткосрочных знакомств. Впрочем, он так и не стал коллекционером женских сердец.

Валевский украдкой вздохнул, попытавшись представить Зелму из Эдема отстранённо и без эмоций.

Не получилось.

Тогда он отогнал волнующее воспоминание, чтобы разобраться в том, что тревожило и что следовало обдумать не спеша.

Работа в Главном Управлении давала возможность судить об обществе Подводных Колоний в целом и делать глобальные прогнозы, но держала аналитика в состоянии некой отстранённости, надмирности — и это заметила Зелма. Валевский пропустил её фразу мимо ушей, решил, это больше по-

этическая метафора, чем правда. В тот момент он был уверен, что держит руку на пульсе и в курсе всех событий, связанных с войной и миром в Подводных Колониях. Но многое шло вразрез с его... нет, не только с прогнозами, — шло вразрез с жизненным опытом и здравым смыслом. Арт чувствовал, что не способен объяснить ускользавший от понимания новый фактор, изменивший реальность.

Это настораживало.

Всего за два года войны — срок ничтожный, если рассуждать об изменениях в обществе, — новое поколение принялось активно творить новую историю. В стабильном и благополучном мире подводников вдруг появились эти люди. Или нашлись... Или их сделали?

Война. Страшная, безумная, жестокая и несправедливая сторона человеческого бытия. Болезненная гримаса цивилизации.

Арт содрогнулся.

Что движет людьми, прошедшими семь поколений интеллектуального отбора? И кто стоит за всем этим?

И ещё: аргентинский берег.

Мальчишка Серый.

Бездна!

Проклятое место, где стали пропадать целые взводы.

Надмирье отказывается давать пояснения. Высказываются предположения, что ситуация вышла из-под контроля и там действительно не знают, куда деваются морпехи Подводных Колоний.

Взвод Валевского-младшего исчез первым. И вот вчера — третий случай: восемнадцать молодых солдат словно провалились под землю.

Воюющая Аргентина находится на пике противостояния Суши и Моря — главная болевая точка. Не следовало бы вообще отправлять ребят в страну со странным оскалом демократии, на протяжении двухсот с лишним лет удивляющую мир лютпенским разгулом. У Моря вполне хватает ресурсов на ведение эффективной дистанционной войны. Одна блокада портов чего стоит. Правителям стран, объединённых в блок «Меркатор», не надо объяснять: несколько лет блокады, и весь континент окончательно захиреет. Суда, накрытые мираклями, не видны даже с воздуха, другие приборы слежения внешних легко выводятся из строя. Внешние паникуют от одного вида корабля, внезапно возникающего из ниоткуда; для них миракль по-прежнему невероятное и загадочное явление — знак сатаны. Латинос религиозны и обострённо-чувствительны к таким вещам. Но Армия Моря позволяет провоцировать себя на ведение контактной войны, и в результате необъяснимые и неоправданные потери среди солдат стали чуть ли не обыденностью.

В других частях Южного полушария боевые действия ведутся более вяло, как бывает, когда война становится явлением перманентным.

Хотя... о чём он?

Данные о последней операции в Индонезии выглядели устрашающе, как и предупреждал брат Зелмы там, на вечеринке, в Саду Эдема. Акватория Подводных Колоний, по международной конвенции отошедшая к подводникам, охватывала приантарктические области, поднимаясь до сороковой параллели, а в отдельных местах и выше, и граничила с берегами Чили, Аргентины, Южно-Африканской

коалиции, Австралии, а также включала в себя малые архипелаги на юге Тихого океана. Море вело военные действия только в пределах своей акватории. Исключение: инцидент в порту, принадлежащем Морю и расположенному на искусственном острове в Индонезии. После того как гигантский порт с называнием Посейдон внешние стали бомбить с воздуха, Армия Моря провела ответную операцию на Суше. В результате — жертвы с обеих сторон, сотни покалеченных ребят-подводников и волна массовых протестов в рифах.

И, несмотря на это, снова поднимаются наверх о-транспорты, битком забитые новобранцами, желающими участвовать в войне.

Дотошный Валевский через инсуба сделал попытку проконтролировать работу системы воздушного обеспечения рифов. Всё было безупречно, как и следовало ожидать.

В своё время фантасты изошьрялись, придумывая для цивилизации подводников всевозможные ужасы, в которых главными опасностями выступали чудовищное глубинное давление и неполадки в системе жизнеобеспечения, вплоть до массового контроля всего населения рифов через изменение состава воздуха. Бестселлером во времена прародителей стал скандальный роман «Время размножаться». У Зелмы, наследной Хранительницы книг, Арт полистыпал этот старый бумажный том, увидевший свет задолго до Первого Вдоха...

Ну-ну...

Предки не затем создавали рифы, чтобы их потомки оказались заложниками чьей-то воли. Луч-

шие умы планеты оставили Сушу, чтобы создать гармоничное, разумное и справедливое общество, и доверили свою безопасность безупречным системам.

На сегодняшний день цивилизация Моря готова колонизировать любой мир: рифы можно создавать практически в любой среде, а тем более в вакууме, менее агрессивном, чем триллионы галлонов солёной воды, с колоссальной силой давящей на коконы из омега-пены. Но время Второго исхода ещё не пришло, подводники никуда не спешили. Внешнее их не слишком интересовало, хотя время от времени громко (или скандально) заявляли о себе энтузиасты, мечтающие об освоении космоса. Крупнейший космический центр для запуска спутников на острове Танзания, перешедшем к Морю в бессрочное владение в тяжёлые для Надмирья времена, инженеры рифов вполне в состоянии переоборудовать в место для больших космических стартов. Но это не рассматривалось даже в проекте: сторонники колонизации планет погоды не делали. И на таком вот пасторальном фоне вдруг — массовая вербовка в действующую армию....

Нет, что-то главное ускользало от Валевского. И с этим предстояло разобраться обязательно.

Он давно был убеждён в том, что война между Морем и Сушей спровоцирована. Но какой стороной? Всё указывает на то, что развязали её Подводные Колонии. Мысль крамольная. Если тайные пружины, запустившие этот маховик, не будут обнаружены, Подводным Колониям грозит опасность повторить все ошибки Суши и пойти по пути саморазрушения, как и случилось с Надмирьем, прошед-

шим через три мировые войны и сейчас ввергнутым в четвёртую.

Море развязало войну... Невероятно. Идёт вразрез всем принципам Подводных Колоний. Это общество создавалось интеллектуальным моделированием, и милитаристские планы не могли и не были заложены в программу, это аналитик Главного Управления знал совершенно точно. Ему предстояло расти по службе, прежде чем откроется доступ к информации класса ХХ, на что уйдёт десятилетие или чуть больше, и тогда его влияния будет достаточно, чтобы решать вопросы войны и мира. Но остановить войну нужно немедленно. Гибнут люди, тают ресурсы обеих цивилизаций, и конца этому не видно.

Он вернулся к тяжёлому разговору с сестрой, после которого не проходило чувство незавершённости и собственной вины.

Всплыли подробности их совместного прошлого, тогда они прошли мимо подростка. Заплаканная Лена с припухшими глазами (в бездну всех этих психологов — сестра с ума сходит от горя!) сообщила, что использовала дозволенный визит к Оракулу сразу после смерти родителей. Арт с горечью узнал, что сестра переживала этот удар судьбы ещё болезненнее, чем он, тогда двенадцатилетний пацан. В то время у неё был разрыв в отношениях с отцом Ясения, и вот: предательство любимого, смерть родителей, свалившаяся на неё необходимость заботиться о младшем братишке, впавшем в нешуточную депрессию, в придачу выпускной курс в университете, — все передряги чуть не сломили сестру. Лена обратилась к Ораку-

лу, что разрешается каждому подводнику лишь один раз в жизни.

«Ни Ясень, ни Серый тогда ещё не родились, не могла же я спросить об их судьбе?! — горевала Лена. — Знаю, знаю, вы, мужчины, не верите, но мне точно известно: Оракул видит будущее, важно только правильно задать вопрос. Но что теперь говорить, я использовала свой шанс и не узнаю, что случилось с моим мальчиком!» — закончила она. И всхлипывала по ту сторону экрана.

Валевский понял намёк.

Мрачный от тяжёлых мыслей, взглянул на часы и с досадой заметил, что безнадёжно опаздывает на тренировку.

Подумал: «О, кальмары мне братья, надо бы взять пару выходных и отдохнуть как следует!»

Он направился домой.

Пожелтевшие листья опадали с лиан и ложились под ноги. Чей-то малыш сорвал с гибкой плети алые ягоды и, наигравшись, бросил. Теперь они, раздавленные, живописным пятном краснели на кремовой полоске тротуара.

Из ближайшей двери, прихрамывая, вышел немолодой мужчина. Разложил на плитках крупные плоские штуковины в форме перевёрнутых блюдец. Артемий узнал устаревшие «Умки» — старые верные мойщики тротуаров по-прежнему исполняли свою работу. Пощёлкав пультом, хозяин блюдец отправил роботов наводить порядок: собирать листву и протирать дорожку.

Одно блюдце обиженно пискнуло, не трогаясь с места, оно хотело отвертеться от работы. Значит, «Умке» меняли микросхемы. Программисты рифов

развлекались, награждая бытовых роботов индивидуальным характером. В рифах на пике популярности было мнение, что любые отношения, даже между человеком и техникой, должны быть сотрудничеством, а не электронным диктатом.

Старик, кряхтя, наклонился к строптивому блюдцу, погладил его по выпуклому верху. «Умка» радостно подпрыгнул и бросился догонять свою команду.

Человек переглянулся с Валевским, тот кивнул понимающие. Человек пожал плечами, развел руками: «Что ж!» — и, подволакивая ногу, скрылся в здании.

На экране уличного о-кубо супружеская пара с пылесосом на коленях рекламировала маленького друга и помощника, их пылесос вполне натурально и к месту издавал вздохи удовольствия. Такие сюжеты стали привычными. Пресса сообщала о случаях отказа такси везти пассажиров, не расположенных рассказать машине хоть немного о том, как прошли выходные.

«Надеюсь, не дойдёт до того, что начнут капризничать омега-тэ, размечтавшиеся порезвиться в компании кашалотов?» — подумал Валевский.

Ему не хватало компании инсуба, но Полосат Счастливый снова был на попечении Валевского, и, значит, в ближайшие сутки ждать друга не приходилось.

Из головы не шли пропавший племянник, заплаканная сестра, война на поверхности...

Не в силах оставаться в четырёх стенах, аналитик решительно подхватил беспечного Полосата,

помешав вдохновенно вылизывать розовым языком растопыренные когтистые лапы. Затолкал в корзинку, туда же положил запас корма для кити и, выбирая между гостиницей для животных и соседями, шагнул на порог соседней квартиры с просьбой позаботиться о маленьком толстяке до его возвращения.

* * *

Сеанс у Оракула может длиться от одного часа и до бесконечности. В рифах много шутят на эту тему.

Посетившие Оракула верят в особую силу его предсказаний, и эта вера — одна из немногих, владеющих умами подводников. Отдельные люди утверждают, что помнят все слова Оракула. Но большинство не помнит и малой части: срабатывает эффект сновидения, когда с пробуждением всё пригрезившееся забывается. Несмотря на такие смутные вводные, все возвращаются с уверенностью, что Оракул повлиял на их жизнь, а откровения Оракула просветили и направили на путь истинный.

Странно, как мало нужно людям для веры: всего-то электронная база данных за двести лет существования Колоний, умеющая слушать словесные излияния взъерошенного клиента. И отвечать, причём весьма туманно, — уж в этой части слухи не врут.

Главное правило, которое передаётся из уст в уста: самый важный вопрос задавать сразу. Тогда есть шанс запомнить ответ или даже напутствие Оракула. Все следующие вопросы человек зада-

ёт уже в полусонном состоянии, а инструкция на входе в «Жемчужину мира» ни к чему не готовит. Считается, ответы остаются в подсознании, подспудно влияя на решения человека. Невозможно ни проверить, ни опровергнуть это — налицо новая религия, придуманная для своих нужд самым интеллектуальным обществом, когда-либо населявшим планету.

Валевский, поминая всех кальмаров и недовольный собой, шёл через совершенно тёмный зал, подсвеченный лишь бегущими по твёрдому гладкому полу цветными сполохами — указателями пути для искателя истины.

«Небось хвалёный Дом Оракула занимает все-го-навсего один из внешних тоннелей в оболочке рифа, — думал он. — Таких тоннелей — сотни километров, самое дешёвое и невостребованное пространство, потому как внешнее и годно разве что для баз утилизации...»

...И выпал из темноты в океан света.

И завис, ничего не касаясь, в лучезарной пустоте.

Он не знает, сколько висел, нежась в ласковом тепле, не чувствуя ни верха, ни низа. Не хотелось выходить из состояния покоя и безмятежности. Потом зазвучал женский голос, приветливый, уютный, — Валевский был уверен, что слышит дыхание, сопровождающее человеческую речь. Где-то рядом и вокруг ритмично билось, словно сокращалось, пульсируя, то, что было похоже на большое сердце.

Как мать говорит младенцу, заботливо и нежно, голос сказал, слегка растягивая слова:

— А теперь мы вернёмся в колыбель...

После пробуждения Валевский долго помнил эту первую фразу. Он был уверен, что в подсознании всплыл слышанный в младенчестве голос матери. И берёг тепло, разливавшееся у него внутри при одном воспоминании о безусловной, всепоглощающей любви, ничего не ищущей взамен...

...Он ощущал себя внутри жемчужной раковины. Сияющие перламутровые створки сомкнулись, его обволокло чувство полной безопасности. Валевский слегка поворочался, устраиваясь, и свернулся калачиком. Никогда не спал в такой позе, но сейчас это было самое удобное положение, и, сложив крест-накрест руки на груди и подтянув колени, двадцативосьмилетний аналитик блаженно закрыл глаза. Сон ли это, или сложный аттракцион, который даруется каждому подводнику в критический для него момент жизни, — всё стало безразлично. Всё отступило.

Тот же голос спросил:

— Что, мой мальчик?

— Мама... — пролепетал он.

Он не был уверен, что произнёс это вслух, скорее подумал.

— Я с тобой, — ответил голос, — всегда с тобой, дитя моё.

— Что-то изменилось, а я не знаю, что... всё не так, — кажется, захныкал Арт.

— Знаешь.

Артемий отчётливо увидел все рифы Подводных Колоний и понял, вернее, само собой произошло вникновение. Инженерия подводных мегаполисов, рациональность архитектоники глубинных модулей естественно и эффективно решали старую как мир

задачу — они служили вместилищем... Вот только Артемий Валевский, аналитик Главного Управления, не сразу принял очевидное.

Понадобилось время, прежде чем Арт разрешил себе поверить. Поверить в то, что на дне Мирового океана находится бесспорно разумное существо и бесспорно — продукт эволюции *Homo sapiens*, но при этом существо не может называться и не является человеком, хотя бы уже потому, что имеет планетарные размеры. Арт созерцал это создание, и для него было совершенно естественно то, что форма нового «венца природы» накладывается на карту Южного полушария планеты, следуя координатам размещения подводных мегаполисов, электрических кабелей и транспортных тоннелей между ними.

Арт подумал: как назвать то, что он видит? Слово нашлось. На дне морей деятельно жил Змей Мудрости — коллективный разум подводников. Он целостен. Он един. Он самодостаточен. Но нельзя говорить о его неделимости; Артемий наблюдал, как Великий Змей искрит (если можно так описать отделение малых его частей). Микрочасти двигались вверх и вниз — существо взаимодействовало с миром, искры скапливались в сгустки — анклавы и базы Моря; отдельные искры оказывались далеко, но таких немного. И Арт теперь знал, что его собственный лепет, его плач — всего лишь попытка остаться в привычной системе представлений. А между тем навстречу внешнему миру уходили те подводники, чьё это ещё определялось в выборе: слиться в единое целое или сохранить своё «я»?

Таинственная хозяйка «Жемчужины мира» ждала.

Арт понял: она ждёт ответ.

И ответ нашёлся.

— Сам! — сказал он.

Арт почувствовал, что его мягко отдалили.

Чувства отторжения не было, но всепоглощающее понимание исчезло, а вопросы, наоборот, остались. Он вибрировал в поисках ответа:

— Все уйдут?

— Уже ушли. Почти.

— Умереть?

— Их выбор.

— Почему? — Арт спрашивал о причинах войны, и внутри трепетало — настолько важным было для него понимание сути происходящего.

Голос отозвался легко, словно речь шла о чём-то само собой разумеющемся:

— Слияние сознаний преждевременно. Внешний мир отстаёт. Ему нужно сравняться с нижним.

Он почувствовал: его торопят.

И как напутствие:

— Ты. Береги всех. Ты — можешь. Ты есть мило-сердие. Решай. Решайся. Ступай!

Арт просыпался.

«Ре-шай-ся...»

«А теперь мы вернёмся в колыбель... Решайся! Ты можешь. Решайся!»

Непривычно беспокоил большой палец на правой руке, аналитик уставился на него, затем, хмыкнув, засунул в рот и тут же знакомые ощущения подтвер-

дили его догадку: во время разговора с Оракулом он, как плод в утробе матери, сосал палец.

Валевский расхохотался: долго, неудержимо, до слёз, до икоты. Он смеялся так, что некоторое время не мог двигаться к выходу, следя за мелькающими сполохами на полу.

Откуда-то повеяло озонированным воздухом, аналитик задышал полной грудью, вентилируя лёгкие, и зашагал. Пройти путь по тёмному тоннелю предстояло в полном одиночестве. Бег бледных огоньков завораживал, их ритм гипнотизировал, располагая к размышлению. Каждые пятьдесят шагов отмечало тихое бряцание невидимых тимпанов, напоминавшее, что путник не оставлен без внимания и находится в контролируемой зоне.

...Собственно, ничего не осталось в памяти, кроме нескольких расплывчатых фраз. Но и разочарования не было. Наоборот, тело радостно трепетало от одного воспоминания о «Жемчужине мира» — таинственном обиталище Оракула, и свидание с неосознанным прошлым, предтечей рождения, теперь вызывало не смех, но умиротворение и примирение с собой.

Цветные сполохи на полу вывели его через тёмный зал к выходу. Там Валевского встречал взволнованный привратник Оракула.

— Это вам, — сказал чиновник, вручая настоящий бумажный лист, глянцевый, с водяными знаками: над гладью моря восходит солнце и летит альбатрос. На листе было отпечатано краткое «ДО ВСТРЕЧИ!».

— Что это?! — спросил ошарашенный Валевский, держа на весу драгоценную бумагу и не зная, как с ней поступить.

— Оракул разрешает посетить его ещё раз, — пояснил чиновник, удивлённый не меньше Валевского. — Очень редкий случай, сэр. Очень редкий. Мне рассказывали, что такое бывает, но на моей памяти вы — первый. Поздравляю.

Через день Арт подал рапорт о командировке на поверхность, в зону боевых действий.

Лена, узнав о его решении, расплакалась и отключила канал связи.

Оставалось попрощаться с Марком Эйджи.

Инсуб поиграл желваками, глаза его словно остеокленели, и этими невидящими глазами друг смотрел мимо Валевского, куда-то в угол, словно перед ним не человек, а нежить.

— Один должен уйти, — прошептал он в сторону. — Я знал и боялся этого... — выдавил Марк. — Уходишь в инферно, а это оправдано лишь в случае, когда у тебя не остаётся выбора...

— Я ухожу туда, где сейчас решается судьба всей планеты, Марк. Называй мой выбор как хочешь. Признаюсь, меня всё время щекочет вопрос: почему ты даже не помышлял о том, чтобы быть полезным Армии Моря? Ты, высококлассный инженер? Может, ребята гибнут именно потому, что слишком мало челов с индексом, как у тебя, изволят участвовать в этой войне?

— По-твоему, я трус?! — отрезал взбешённый Марк, дав понять, что не позволит углубляться в эту тему, и, схватив первое, что попало под руку, — флеши,

принялся с бешеною скоростью вертеть прямоугольник в пальцах. Одновременно в руках Валевского оказался декоративный морской конёк со стола инсуба — символ неутомимости в любовных утехах и деятельной энергии. И теперь двое, не сговариваясь, с ловкостью фокусников крутили пальцами.

Потом, шумным вздохом выдав борьбу, происходившую у него внутри, Эйджи шлёпнул флеш о столешницу.

С укором произнёс:

— Аналитик, сволочь, ты зря полил меня чернилами¹! Я из СУББОТ, а бывших в этой службе не бывает. И больше ни слова об этом!

Арт выронил из пальцев сувенирного конька. Тот упал, обречённо ткнувшись тонкой резной мордочкой о стол и зашатался на выпуклом брюшке, балансируя точёной фигуркой.

Артемий обозвал себя идиотом.

СУББОТ — отнюдь не декоративная охрана у внешних шлюзов, в Службе каждый инженер выслуживает офицерские лычки, и все они — военнообязанные. Почему ему не приходило в голову поинтересоваться, в каком звании Эйджи закончил трёхлетнюю стажировку? А пижон и бабник, меньше всего похожий на военного инженера, светский хлыщ и раздолбай, треплющий языком обо всём на свете, даже о невероятных, ничтожнейших пустяках, никогда не касался этой темы. Не странно ли? И только ли служебными омега-каналами занимается он в ГУ?

¹ «Полить чернилами» — поговорка людей Моря, по ассоциации с осьминогом, выпускающим чернильную струю в своего врага. — Примеч. авт.

Поздно.

Бездна!!!

Валевский чувствовал, что инсуб не ответит. Чувствовал это так ощутимо, словно между ними опустили экран-отражатель. И проклинал себя.

Эйджи отгородился — ощущение острое и болезненное, сравнимое разве что с разлукой с близким человеком.

— Мне будет очень тебя не хватать, Марк, дружище! — признался Арт, как никогда тяжело переживающий нахлынувшее чувство отторжения.

Неожиданно Марк оттаял.

Заговорил. Как всегда, о постороннем, о том, что уже, казалось, отошло на задний план. Но теперь Арт внимательно отнёсся к его словам.

— После волнений в Союзе ты собирал сведения о родителях детей, погибших во время взрыва базы «Касатка», — сказал инсуб. — Тебя, помнится, интересовало: они-то участвовали в митинге? А ведь должны были, как самые неравнодушные. Так вот, я тоже занялся этим. И мои результаты полностью совпадают с твоими, аналитик. Одиннадцать семей, только одиннадцать, приняли участие в том выступлении. А счёт погибших детей шёл на тысячи... Не надо, — Эйджи сделал предупреждающий знак, защищая Арту говорить. — Обдумаешь это на досуге. А сейчас запоминай — вот коды каналов связи, по которым ты, где бы ни находился, в два переключения выйдешь на меня или на того, кто связан непосредственно со мной.

По экрану оптикона побежали двенадцатизначные символы.

— Отложил? — спросил Эйджи, имея в виду долговременную память.

— Повтори, — попросил Валевский, чтобы убедиться, что запомнил правильно.

— Что бы ещё тебе вручить, кроме напутствия вернуться целым, а не урезанным и не замороженным? — сказал Эйджи. — Я бы отдал Полосата, но бедняга погибнет от дерьямового воздуха дерьямовой Суши.

— Я бы взял Зелминь, — шутливо разоткровенничался Валевский, пытаясь отработать доверие друга, — но девушки отсюда не вытащить, для женщин сильные предубеждения опаснее реальной угрозы. Ладно. Надеюсь скоро снова видеть всех вас. И ещё: дружище, понимаю, что прошу многоного, но хоть издалека присмотри за Леной: она так и не пришла в себя после исчезновения Серого. Пусть бы ты стал тем, кто принесёт ей добрую весть.

— Вижу, ты почти созрел, чтобы начать молиться богам Суши! — криво улыбнулся Эйджи.

«Кто знает, может, мне доведётся и это», — философски подумал Валевский, ещё не догадываясь, как близок к правде.

*—————

КАТАСТРОФА

просто Мо — и ничего больше. Ещё подростком я поняла, как сильно родители колебались, оставить ли мне жизнь? Ненавижу! Чем дольше живу, тем больше ненавижу! Это от них я получила в наследство мозг, на котором не прочитывается большая часть зон кортекса. Врождённая аномалия. От таких, как я, избавляются. Всех смущало лишь то, что это был первый случай, единственный в рифе... возможно, во всех рифах. Они растерялись. Ещё бы: прогнозирование личности невозможно, как... как на заре человечества. Судьба за закрытым пологом, тёмная карта, пустая страница. Из меня мог получиться гений или идиот с одинаковой долей вероятности, патологическая убийца, дегенератка, сексуальная машина, тупица, маниакальная домохозяйка — да что угодно.., А вышло ещё хуже: уродка, гермафродит, оставленный лишь потому, что чудовищный, неслыханный гормональный сбой обнаружил себя не на двенадцатый день зачатия, а на двенадцатом году жизни. Я —unikum, подопытный зверёк, мне позволено жить лишь для того, чтобы снабжать фактами медицинскую про-

фессуру. Уверена, что и после смерти отвратительное тело, к которому даже я привыкала с трудом, это тело не найдёт покой в конвекторе. Нет. Оно и после смерти будет служить учёному любопытству.

Ненавижу!

И — живу. Живу, живу — потому что не-жить — страшнее.

Небытие безысходно и непоправимо. А здесь ещё есть надежда. Сколько у меня их было, этих надежд! В раннем детстве кнопки вызова невероятно высоки, дотянуться до них — сложная задача. Зато какие возможности они сулят! Надежда — те же кнопки. Я живу рывками, сверхусилием заставляя мозг тянуться на встречу очередной мечте. Но вот пульт становится доступен. И я понимаю, что, по сути, для меня ничего не изменилось. Процветает «Нуво», моя лаборатория, моё детище. Открытия «Нуво» служат обществу Подводных Колоний. Так говорят. Что ж. То, к чему я дотянусь в очередной раз, будет не просто научным прорывом. Это обещает освобождение для меня.

Настоящее.

Истинное.

Иногда я бываю почти счастлива. Когда завершаю очередную работу, как было с кибернитом.

Я позволила назвать кристалл, ха, нужно же и моим коллегам что-то делать...

И ещё папа...

Невероятный сплав ненависти к этому человеку и... непередаваемое чувство родственности. Возможно, даже благодарность за то, что всё-таки живу, дышу, мыслю... Мыслю! Вот оно — ключевое слово: мыслю — значит живу!

Отец держит на плаву.

Он сильно волнуется всякий раз, когда видит меня. Я чувствую его страдание. Капитан до сих пор решает задачу: прав ли, что оставил меня? Он тщательно скрывает это, но есть вещи, которые не обязательно знать, достаточно чувствовать. Странным было однажды открыть для себя, что чувства для человека могут значить так много. Очень много. Раньше я не понимала людей: рациональность не в состоянии объяснить все эти ужимки, недосказанности, настроения, чудовищную алогичность и спонтанность решений. С начала учёбы вокруг меня были лишь зрелые люди. Я не люблю вспоминать многие моменты, сопровождавшие мой рост и взросление. Пожалуй, все, кто был рядом, просто терпеливо и смиренно подчинялись — редкое явление в обществе подводников. Спасибо папе — это он всё устроил. Он дал мне шанс выжить и не сломиться, прозорливо окружив именно такими людьми, которые в силах общаться с разумом напрямую, без посредников-чувств. Только на четвёртом десятке лет до меня стало доходить, что эмоции — это универсальная смазка трущихся частиц механизма всего мироздания. Я поздно начала чувствовать, ещё один несомненный признак уродства. Внутреннее соответствует внешнему. И наоборот. У меня так.

Я плохо знаю людей.

Сотрудников «Нуво» вряд ли можно считать людьми. Старые обломки со слуховыми аппаратами, искусственными челюстями и вживлёнными в сердце электродами. Всё это ходит, трудясь искусственными суставами, движется, заправляется витаминными и белковыми коктейлями и функциони-

рует до сих пор, потому что у них есть главная для меня ценность — уникальные мозги. Я привыкла к этим человеческим реликтам. Моя юность прошла среди них.

Я плохо знаю ОСТАЛЬНЫХ людей.

Что ж, тем лучше для них. Если бы не надежда на освобождение, если бы не жажда вырваться из клетки уродливого тела, я могла бы пойти путём, подсказанным генералом Оберманном. Отец хочет войны. Сверхоружие — вот его мечта. Могла бы я осуществить её? Могла. До сих пор мозг Мо спрятался со всеми задачами, которые ставили перед лабораторией. Но сейчас я слишком занята, отец. И взволнованна. Непривычное состояние. Вот оно как бывает. Предчувствую, мой уход будет похож на бегство. Счастье, что мне это дано! Бежать, бежать без оглядки! Надежда, которая в сегодняшнем дне нереальна, но осуществима в завтрашнем, невероятном, дне. Когда-нибудь я смогу продолжить жизнь в новом теле!

А здесь осталось недолго. Я на верном пути.

Странно, как быстро вызревает в человеке всепоглощающее чувство! Даже в таком уродливом, как я. **ОН явился!**

Он — как озонированное дыхание вентиляторов в начале весны, как освежающая струя воды, как яркое соло кларнета: **ОН!** Он вошёл в лабораторию в первый раз — все обернулись на звук его голоса. Не помню, что он говорил. Казалось, он дразнит, смеётся, зовёт на волю — прочь из стен, увешанных панелями чутких приборов, из леса прозрачных голографических о-кубо, до отказа заполнивших лабо-

раторию. И мне стало тесно, как в клетке. И привычные стены сделались пленом. ОН! Я боялась смотреть в его сторону. Слишком плотно его окружали ароматы, а может, гормоны или флюиды — аура здорового самца, нереальная, метафизическая, — она в тот момент стала реальностью, и я обоняла, я чувствовала, почти осязала то, что окружало его.

Он!

Мне казалось, его появление здесь — невозможное, невероятное чудо, как падение небесной звезды на рабочий стол. Я искала след похожих эмоций на лицах сотрудников «Нуво», но не находила ничего подобного. Лица старых соратников не выражали ничего, кроме вежливого и заинтересованного внимания к представителю СУББОТ. Мой персонал старался самым наилучшим образом представить работу лаборатории. У нас есть что показать. Все были озабочены этим и только этим. В сравнении с прекрасным пришельцем лица лучших профессоров Союза потеряли остатки эфемерной привлекательности, которую накладывает привычка. Как будто кто-то снял с меня очки, сделавшие окружающее сносным. Без этого флёра смотреть в лица людей, которым я безраздельно доверяла, стало неприятно до боли. И... я так и не решилась обернуться к гостю. Ему не нужно видеть моё лицо... Достаточно горбатой широкой спины, красноречиво свидетельствующей о том, что анфас будет ещё страшнее... Случись мне прочесть даже лёгкую тень испуганного недоумения или брезгливости в межбровье, в складках его благородного высокого лба, в глазах — сияющих, лазурных, — и рану в сердце не залечить ничем. И все талисманы Колоний будут бессильны. Нет. Этому не

бывать. Я украдкой рассматривала его в отражении экранов...

Он — яркий и изысканный, как цветок экзотической лианы. Он пахнет чем-то невероятным. Я не знала, что так может пахнуть мужчина: пряно, с тонкой холодной нотой... даже названия этому нет, потому что нет слов в моей лексике. И приходится идти в электронную сеть и искать там объяснения всему, что несёт он в себе: запахи, цвет, жесты, символизм причёски и сигналы, которые излучает его тело...

Лишь после его ухода до меня дошло, что как его отражение служило мне, так и я была видна ему.

Я испытала сильнейшее потрясение.

Впервые я не в состоянии была работать. Работать? О! Я была не в состоянии есть, спать, думать о чём-то кроме него!.. Я была сломлена, смята, раздавлена!

Чтобы скрыть безнадёжное своё положение, на следующий день я ускорила работы над проектом «Лунные питри». Я загнала своих людей, бросив их на алтарь науки. Уверена, они возненавидели меня. Они понимали, что это задание станет последним в их жизни: никакая любовь к открытиям, никакая пытливость не оправдывает эту бешеную гонку.

Но я добилась своего.

Последние исследования выполнены, измерения точны, расчеты проверены, мощности введены в действие. Точность эксперимента ожидается порядка девять в третьей — а этого достаточно, чтобы быть уверенной в успехе.

Не знаю, кто последует за мной и двумя патриархами — самыми старыми учёными «Нуво». Не знаю,

сколько лет понадобится, чтобы люди Моря ощутили потребность пойти по нашему пути. Но сегодня я торю дорогу в космос в надежде, что она понадобится не мне одной. И не старым развалинам, дни которых уже сочтены. Она понадобится всему подводному человечеству.

Он являлся не раз.

СУББОТ в его лице ведёт наблюдение за работами «Нуво». Его визиты могли стать обыденностью, но не стали. Он продолжал волновать. Просто я уже могла справиться с этим.

Невероятно умён.

Выдержал все проверки, которые я задумала для того, чтобы ввести его в заблуждение и ощутить своё превосходство. Что ж. Тем хуже для меня. Или наоборот: тем твёрже желание уйти и не возвращаться. Возможно, я дарю себе шанс через много-много лун увидеть его потомков. Может, это будет не просто встреча, а нечто большее. Думать об этом приятно.

Прячась за зеркальным экраном, я могла наблюдать за ним, оставаясь невидимой.

Он.

Он!

Он!!!

Будь он проклят!

Сейчас я бегу из родного мира — и всё из-за него!

Стартовал присланный омега-тэ. Отец ждёт результаты работ по созданию сверхоружия. Главнокомандующий, твоего сверхоружия нет. И вряд ли

оно понадобится. Есть кое-что получше, и мне и моим людям было чем заняться. СУББОТ свидетель: все субсидии шли на «Лунных питри» — и это так же верно, что вместо матрицы мозга по кибернитовому следу с планеты уйдёт оригинал: разум профессора Мо и разум моих коллег.

На поверхности, вместо того чтобы править о-тэ к флагманскому кораблю генерала Ли Оберманна, мы пересаживаемся на о-вертушку и держим путь в альтiplano, к точке Сильюстани — так называют это место люди Суши. Силью — так говорят подводники. По словам пилота, это не слишком далеко от побережья.

Красная, ровная как стол местность: я видела альтiplano на экранах о-кубо. На Суше глубокая ночь, высокогорная поверхность хорошо отражает звёздный свет.

Я впервые в жизни смотрю на настоящие звёзды. Их невероятно, нереально много. Здешняя атмосфера чиста, хрустально-прозрачна и тонка. Сильное головокружение пугает: никогда я не покидала риф, никогда не видела безбрежные просторы Надмирья. Что-то с вестибулярным аппаратом, я теряю ориентацию в пространстве, мир переворачивается, кажется, мы падаем в звёздную бездну...

Я крепко зажмуриваюсь.

Постепенно неприятное ощущение отступает, и я уже в состоянии почти спокойно смотреть сквозь прозрачный пластик корпуса о-вэ.

Движение.

Его ощутимость и очевидность непривычны и несравнимы ни с чем.

Внизу откатываются назад и исчезают из виду гигантские снежные пики. За ними открывается плато со сглаженным рельефом...

Мы на высоте пяти тысяч метров над уровнем моря, и на высоте восьми тысяч метров от глубоко-водного тихоокеанского разлома. Того самого, в котором Великая Глубь скрывает риф Союз и другие мегаполисы.

Местность под нами светлее, чем я могла представить. По словам пилота, о-вэ уже в заданном квадрате. Ещё четыре минуты, и геликоптер зависнет точно над Силью.

Где-то в океане плывёт корабль «Новая Европа». Его антенны нацелены на лунный кратер Тихо Браге. С помощью антенн «Новой Европы» кибернит направит наши матрицы на заброшенную станцию времён робкой и неудачной экспансии человечества в космос. И кратер Тихо станет колыбелью первых лунных питри. Станет моим убежищем...

— Непредвиденная ситуация! Профессор Мо, в точке Силью — люди!

— Этого не может быть, я ничего не вижу!

— Вам мешает завеса, скрывающая нас. Смотрите на экран камеры наблюдения. В центре круга прыгают местные и каким-то непонятным образом вносят ритмичные искажения в поток Силью. Видимо, выполняют варварский обряд... Они наверняка окажутся в потоке.

«Это ОН!

Смеётся надо мной! Уродливая горбунья, тебе ли бежать от самой себя? Луна, и та не готова принять такую, как ты!

Нет!!! Сейчас или никогда!»

Я закрываю глаза и говорю сухо:

— Сэр, действуйте по плану.

— Как быть с людь...

Обрываю на полуслове:

— Сэр, в 21:15:15 по времени Подводных Колоний, то есть через сорок пять секунд, откроется кибернит-канал расчётной мощности! Мы должны быть готовы!

Я знаю, какая сила заключается в моём голосе, когда мне чего-то хочется.

Я смотрю в лица профессоров Харбстона и Сёгу, и мои коллеги понимают, что освобождение от дряхлого тела для них так и не наступит.

Я не могу допустить, чтобы канал, рассчитанный на три интеллект-единицы, иссяк, передавая пять. И распылил по вселенной доверенные ему матрицы человеческого сознания.

Решено: я отправляюсь в компании двух чужих и, скорее всего, чуждых мне разумов. Но это вернее, чем риск перегрузки... Риск остаётся, пока внизу под нами обезьяны Суши скачут в потоке Силью. Кто знает, в чём заключается странный обряд местных аборигенов, не навещавших точку силы как минимум 150 лет? Как бы там ни было, случайности должны быть исключены, и я как руководитель проекта отдаю приказ:

— Офицер, немедленно стреляйте парализатором в радиусе сорока футов вокруг Силью. Это на время остановит других идиотов, если они тоже задумали попрыгать в Силью. А большего и не нужно, всё случится в мгновение. Да, важно: люди в точке контакта должны быть живыми. Учтите это! Никаких мер к ним!

«Уверена, что пограничные состояния мозга, наступающие в момент смерти, — совсем не то, что следует консервировать на Луне до лучших времён».

Время 21:15:15.

Неожиданный сильный удар по голове оборвал все ощущения. Нестерпимо сияющее жерло тоннеля, зовущего к свету, — и прежняя Мо отодвинулась, стала ненужной и растаяла позади. По спирали, в лу-чезарном вихре, в эпицентр свечения устремилась освобождённая чистая энергия разума.

* * *

О-вэ, зависший точно над Силью, рывком дёрнуло к земле, содрогнулся корпус, испытавший чудовищные напряжения непонятной природы.

Пассажиров в кабине тряхнуло.

Профессора Мо вышвырнуло из кресла с такой силой, что все провода, сетью опутавшие венец на её голове, выскочили из разъёмов, выломав панель чувствительного, но хрупкого исследовательского оборудования.

Тревожно дрожали и гасли сигнатуры пульта управления.

Пилот понял, что снят миракль, скрывавший его вертушку от наблюдателей с поверхности. Но это не всё. От удара теменем о купол кабины переломились шейные позвонки профессора Мо, и тяжёлое тело Мо упало на дряхлых пассажиров, довершив трагедию в небе над Сильюстани. Профессор Харбстон скончался в тот же миг, второй профессор в плачевном состоянии вытерпел экстренное приземление, но жить ему осталось не больше часа, и лишь благодаря тому, что пилот по просьбе старика впрыснул ему непозволительное количество стимуляторов и болеутоляющих, израсходовав небольшой запас бортовых медикаментов.

До последнего вздоха профессор наговаривал в диктофон информацию для инженера СУББОТ, контролировавшего работы в лаборатории. По волнению в его голосе и спутанным объяснениям лейтенант Фред понял, что это невероятно важно.

Он заставил пилота вертушки поклясться, что информация будет немедленно закодирована и не попадёт в третьи руки.

— Только для инсуба, это очень... важно... — были последние слова старца Сёгу.

Закончив кодировать речь профессора, пилот вздохнул и мрачно прошептал:

— Мир вам, лунные питри!

Затем ввёл эссенцию памяти себе в вену, скривившись и стиснув зубы от болевого спазма. Перетерпел, отдохнул.

Всё, что лейтенант Фред знал о событиях на этом континенте, заставляло готовиться к худшему. Но хранение информации в физиологических жидкостях

стях организма многое упрощало: под любыми пытками пилот не сможет выдать то, что не в состоянии извлечь из собственной крови и лимфы без помощи медиков. А читать «писанное кровью» — кажется, у внешних есть такое выражение — на Суше не умели, это точно.

«Если хоть половина из того, что сказал профессор, не предсмертный бред, то Подводные Колонии сегодня понесли невосполнимую утрату. Бездна, я не знал, что наши учёные научились сохранять интеллекты с высоким индексом!

Я вёз три уникальных разума, и они потеряны для всего подводного человечества. Профессор Мо самовольно отстегнулась перед самым экспериментом, я просто не успел велеть ей закрепить ремни, всё случилось мгновенно... Стариk Сёгу прочёл показания приборов и утверждает, что четыре матрицы человеческого сознания ушли по назначению, а это значит, первый эксперимент блестяще удался. Блестяще? Не знаю, не знаю... По моей части всё хуже некуда: я сейчас вижу троих мёртвых пассажиров, а ещё трёх местных парней, лежащих в круге Силью. Эксперимент их угробил. Бедняги попали точно в зону действия потока. Великая глубь, я этого не хотел.

Все, как один, доходяги, с нездоровым ранним облысением. Все, как один, длинные. Не приходилось видеть таких скелетонов среди местных — здесь традиционно едят много мяса. Вряд ли где-то на Суше потребляют так много животного белка, как в Южной Америке. Здешний народ коротышки и покрепче в кости, чем эти... Остальную стаю таких же худых и нескладных фанатов Сильюстани пришлось пара-

лизовать. Оклемаются через час, если сердце у всех в порядке».

Фред подвёл итоги:

«Значит, дело обстоит так: на лунную базу ушло сознание троих идолопоклонников плюс разум профессора Мо. Мо — не старый ещё коренастый коротышка с неприятным выражением мясистого мятого лица и пронзительным взглядом чёрных глаз, как буравчики, сверлившими мой затылок во время полёта. От этого взгляда не спасал даже шлем. Из переговоров в эфире над чилийским побережьем я запоздало понял, что безбородый Мо, похожий на разбойника-рабовладельца Суши, — на самом деле женщина. Их босс. Очень авторитетная персона. Она выглядела гораздо крепче, чем оказалась на самом деле. Мир тебе, профессор Мо!»

Пилот сноровисто проверил содержимое кабины разбитого о-вэ, поставил программу самоуничтожения оборудования, оставив пугливо мигающий красным поисковый маячок.

В ближайшие часы его жизнь зависела от того, кто успеет сюда раньше — местные или патруль Моря. Следовало предусмотреть всё.

Приготовления заняли немного времени. Осмотр местности тоже не понадобился: на подлёте Фред прекрасно рассмотрел каменистое плато с лентой дороги, петляющей вокруг невысоких горок.

Он постоял над телами погибших, поразмышлял и решил положить шесть трупов людей Моря и Суши рядом. Возможно, это расценят как свидетельство уважения к умершим людям и знак его доброй воли...

Когда перетаскивал трупы, из-под накрученного на шею одного покойного жалкого синтетического тряпья показался шнурок талисмана.

Фред подумал:

«Вот кальмар, стянул у парня Моря! А хранитель — последняя модель, видно по дизайну!»

Изящная вещица напоминала миниатюрный опаловый коготь, оправленный в ажурную серебряную сетку тонкой работы.

Фред срезал шнур, собираясь проверить и отправить штуковину в карман.

Талисман хранит информацию о теле, которое предназначено оберегать, до ста двадцати дней. Если незнакомого парня, с которого содрали хранитель, убили недавно, о нём можно узнать многое, даже какой смертью умер солдат.

Лейтенант вложил крохотный корпус хранителя в манжету на своё запястье.

— Бездна! — сорвалось с его губ. — Да этот парень и есть хозяин талисмана!

Талисман зафиксировал повреждения головы, несовместимые с жизнью. И записи говорили о том, что у человека как будто разом вынули мозги.

Пилот внимательно осмотрел другие два трупа в центре Силью. На предплечье каждого парня его датчик прочитал невидимые внешним идентификационные маркеры солдат Армии Моря.

На двоих убитых Фред обнаружил талисман. У третьего не оказалось при себе хранителя, но это ничего не значило: в минуту смертельной опасности талисман проглатывали. Пилот в волнении бросился за периметр круга Силью и стал торопливо перебегать

от одной жертвы к другой. И эти парни, все до одного, оказались подводниками. Самый крупный, могучий и плечистый бородач был мёртв. Видимо, слабое сердце не выдержало удара боевого парализатора. Если бы лейтенант вовремя оказал ему помощь...

Если бы!..

Фред потёр виски.

Он — единственный живой среди трупов и обездвиженных солдат Моря.

Коротко зумкнув, сигнальный маяк предупредил: по дороге двигалась гражданская техника. Уже. Со стороны разгоравшейся утренней зари люди Суши спешат к месту крушения вертолёта подводников.

Понадобится около часа, пока очнутся и смогут двигаться ребята, наверняка сбежавшие из плена.

Фред изучающе оценил странного вида каменную башенку на вершине холма. Далековато от его вертушки. Фред глянул на свой о-вэ. Разбитому геликоптеру уже не взлететь, но можно перевести вертушку на вершину холма, к кульпам; крепкие бока башни, сложенные из стёсанных и ладно пригнанных камней, и круглая форма могли сгодиться для обороны. Вид изнурённых ребят-подводников не внушил Фреду надежду на благополучный исход встречи с местными, даже если парни Моря успеют полностью прийти в себя и стать на ноги. Оставалось только надеяться, что к Силью спешат не военные, а местные полицейские.

Фред привычно, сноровисто впрыгнул в кабину. Немного помудрил с вычислением нужных параметров воздействия и очистил о-вэ от пассажирских кресел и приборов учёных: просто срезал их, напра-

вив низом короткий плазменный луч. Довольный, что не ошибся с расчётом мощности луча, поднял порожний геликоптер, тот завис в десяти дюймах над поверхностью. Медленно, вздыхая в холодном воздухе ленивые облачка пыли двумя малыми турбинами геликоптера, пилот принялся перегонять о-вэ от одного парализованного солдата к другому.

Минута на каждого.

Или чуть больше.

Нет, на последних у него уходило больше...

Фред, страдая от мучительного в разреженной атмосфере напряжения, втащил последнее обездвиженное тело на пол кабины, и вертушка, повинуясь рулям высоты, стала медленно взбираться по подъёму вверх, к ближайшей круглой башне.

Вблизи таинственная кульпа оказалась не такой маленькой, какой виделась на расстоянии.

Тем лучше.

Пилот опустил о-вэ. Покидая кабину, погладил круглый бок изящной прозрачной капли геликоптера:

— Твоя последняя стоянка, дружок!

Он подумал было перенести ребят внутрь башни, но понял, что за короткое время не справится. И, по здравом размышлении, ничего не выиграет: далеко на горизонте между холмами уже показалось облачко пыли на дороге. А заглянув в башню, Фред убедился, что внутренность странного сооружения завалена чем-то. Возможно, каменистым местным грунтом и обломками осыпающейся стены.

Парням Моря предстояло провести в неподвижном состоянии ещё полчаса, затем ещё минут десять-двадцать, пока окончательно пройдёт скованность в движениях.

Пока хлопотал пилот, к основанию каменного холма, на котором утнедился Фред, подъехали четыре полицейских автомобиля.

«Усиленный патруль местных карабинеров, — подумал пилот. — Эти служаки, отяженевшие на гражданке, не любят делать лишних движений. Ввязываются в бой редко, так что можно попробовать договориться. Если на кораблях Моря приняли мой сигнал бедствия, то боевой о-вэ прибудет в Силью в первой половине дня. Потянуть время, дождаться своих, а там, скорее всего, карабинеры поспешат уехать, чтобы спокойно писать рапорты в тиши кабинетов».

Не доехав до склона, на безопасном расстоянии остановились машины полицейских.

Предусмотрительно прячась за их бортами, вышли и совещались мужчины в форме, окрашенной как пятнистая кожа мурены.

Фред порадовался, что успел занять позицию вверху. Его высотка доминировала над местностью и над дорогой. Крутые петляющие изгибы древнего пути через альтиплано были отмечены камнями, которые тысячелетиями откатывали к обочинам, и отсюда каждый изгиб виден как на ладони. Карабинеры не стали подъезжать ближе, прекрасно зная, что на поворотах узкой дороги, ползущей в гору, легко могут быть обстреляны. Лезть на рожон им не хотелось.

За спиной пилота, среди тесно лежащих в о-вэ солдат, зашевелился парень. Это широкоплечий здоровяк пришёл в себя раньше остальных. Тело ещё

плохо подчинялось ему, но парень не забыл тренировку в учебке и принялся выполнять движения, которые были ему по силам, помогая телу скорее вернуться в нормальное состояние.

С трудом пошевелив онемевшим ртом, парень заговорил. И первый вопрос был:

— Что с Серым? Валевский жив?

«Это, видимо, тот длинный парень, у которого не оказалось талисмана», — подумал лейтенант.

Он помнил, как в злополучную минуту один из «идолопоклонников» стоял рядом с центром Силью и жестикулировал прыгунам. Затем бросил настороженный взгляд в зенит, где, скрытый от зрителей мираклем, завис геликоптер. И разглядев или угадав присутствие летательного аппарата, парень бросился к своим. У него явно было намерение вытолкнуть друзей из круга. Но поздно. На свою беду, он впрыгнул в поток в момент икс. И ушёл лунной дорогой.

— Кто такой Серый Валевский?

Огорчать здоровяка не хотелось.

— Серый вёл нас. Где он?

— Внизу, — выдавил сквозь зубы Фред, не обрачиваясь, делая вид, что занят наблюдением за карabinерами.

Парень понял.

Задёргался так, что пилоту пришлось подсуетиться, опасаясь за его жизнь и за его товарищей, тесно лежащих на дне вертушки.

— Пошёл ты в бездну со своим уколом и капсулами! — плевался и извивался здоровяк. — Серый погиб! Погиб! Погиб! Мы сдохнем здесь без него, теперь-то уж точно сдохнем! Проклятая Суша! Гре-

баные внешние! Сначала чуть не утробили всех на руднике, и только Серый сумел нас вывести! Серый!!! — Ты! — он внезапно остановил безумный взгляд на пилоте. — откуда? Ты, чудак, вырубил нас, но я успел увидеть, как твоя вертушка вдруг стала видимой среди звёзд, прямо у нас над головой, потом дёрнулась, а потом завалилась на правый бок. Прилетел острый обломок, со свистом, как нож, врезался в землю у меня между ног. Больше ничего не помню.

— Тебе повезло. Не знаю, что случилось с о-вэ. И выяснить некогда.

Пилот промолчал про информацию, закодированную и перешедшую к нему в кровь и лимфу.

Здоровяк, успокаиваясь (ещё бы, Фред изловчился и всадил ему шприц с антимигнином), спросил пилота:

— Ты летел на наш сигнал?

— Ничего не знаю о вашем сигнале. У моих пассажиров тут было другое дело. И оно готовилось года два, приятель. Это был эксперимент. Может, тебя немного утешит то, что твой друг Серый не совсем мёртв.

— Это как? — здоровяк приподнялся на локте.

— Поток Силью использовали как канал для передачи сознания людей на космическую станцию. Серый, и двое ребят с ним, и ещё один профессор имеют шанс когда-нибудь снова жить и увидеть то время, которое для нас — отдалённое будущее.

— Ты не врёшь? — здоровяк, назвавший себя Хью, уже встал на четвереньки и пытался самостоятельно выбраться из кабины.

— Такое не придумаешь, — пожал плечами пилот, не спуская глаз с людей внизу.

Было очевидно, что карабинеры поджидают кого-то ещё.

— Можно сделать так, чтобы я ушёл за Серым? — доверчиво спросил Хью пилота. — Фредди, скажи, что для этого нужно?

— Не дури, Хью. Мне здесь без тебя никак. Шевелись быстрее — это лучшее, что ты можешь сделать сейчас. Ребята, берегите себя, — обратился он к солдатам, к которым постепенно возвращались сознание и частичная подвижность. — Честное слово, мне одному за вами не уследить. Не высовывайтесь из-за камней, помогайте друг другу и не лезьте с дурацкими вопросами.

Последнее прозвучало в сторону Хью.

Хью подполз к лейтенанту и теперь тоже следил за карабинерами болезненно-воспалёнными глазами.

— Вот это да! — присвистнул Фред и передал Хью свой шлем с бинокулярной оптикой, показав, в какую сторону смотреть.

Хью даже охнул, когда разглядел на расстоянии примерно двадцати миль новёхонькую самоходку в сопровождении команды юрких моторо — созданного по последнему слову техники гибрида мотоцикла и экзоскелета солдат Армии Моря.

Удачный компилят разработок подводников, моторо считался последним словом военной техники Надмирья и действительно был хорошей заявкой чьих-то незаурядных мозгов.

— Не ожидал увидеть здесь эм-ро... — прошептал Хью, по привычке жителей Моря сведя название моторо к паре букв. — Едут со стороны рудников,

откуда и мы пришли. Погоди, а ведь в той стороне только одна дорога? Никак новый хозяин погнался за нами? А мы-то думали, наш побег предпочтут замять хотя бы до утра...

— Если сюда катит местный рабовладелец, то мы здорово попали, — нахмурился пилот. — У этой мафии достаточно средств, чтобы контролировать целые армейские подразделения, не то что местную полицию. Вы представляете для хозяина интерес как рабочая сила?

— Не слишком, — криво ухмыльнулся здоровяк, яростно почёсывая тело, по которому, ему казалось, бегают тысячи искр.

Оглянулся на своих ребят:

— Не так сильно, чтобы гоняться за нами по альтiplano с домашней армией.

— Понятно. Значит, началась охота. На нас.

— Вот хрен! — выругался обеспокоенный Хью. — Внешние это любят. Боюсь, нам долго не протянуть.

Фред постарался развеять его безнадёгу, но не вышло. Их положение было действительно дрянь.

— Что известно охотникам? Состав экипажа, цель полёта о-вэ и количество уцелевших не известны. Но карабинеры кое-какие выводы вполне успели сделать, просто наблюдая за нами. Например, что возле геликоптера один, ну максимум два человека в экзоскелетах. Скорее всего, они уже поделились своими наблюдениями с охотниками.

— А те знают количество рабов, сбежавших с рудника, — добавил Хью. — И знают, что им, то есть нам, тупо нечем обороняться. И потому смерть при-

думают долгую и мучительную — не зря же потащились в пустыню. Иначе отдали бы нас карабинерам. А те, чтобы не валахаться, перестреляли бы всех, как... как... морских жаб, по их же словам. Был бы жив Валевский, он бы что-нибудь придумал. Я должен забрать его и ребят. Я пойду.

— Стой! — Фред пригнул голову здоровьяка к земле. — Не оставляй меня, Хью! Ребята ещё не оклемались, а ваш босс прибудет минут через десять.

— Нет, я должен. Я не могу допустить, чтобы Серого, и Вана, и Анджея сожгли из огнемёта.

— Мы всё равно не успеем их похоронить, слышишь, ты?!

— Серый не бросил бы меня лежать просто так на глазах у ублюдков-внешних. Я почти восстановился, пойду. Я быстро. Не бойся за меня, Фредди. Сдаётся мне, мы сделали правильные выводы: карабинеры не начнут стрельбу. У них патроны казённые.

— Чёрт!.. — процидил лейтенант, понимая, что вряд ли будет услышан ребятами, час назад богохранившими своего командира Серого.

Появление Хью на склоне вызвало оживление среди карабинеров. Они живо перегруппировались, все стволы нацелились на длинного плечистого здоровьяка, исхудавшего, но крепкого.

Хью лениво поднял руки. Возможно, к нему просто ещё не вернулась прежняя координация движений.

Он шагал к трупам, и люди внизу это поняли.

Несколько мгновений постояв над убитыми, Хью остался доволен тем, как Фред всё сделал: глаза покойных закрыты, руки, ноги зафиксированы: пилот

повязал на всех погибших траурную ленту. Правда, ленты не хватило, чтобы запеленать как следует шестерых, — получился лишь один виток через левое плечо и на грудь. Ещё на диафрагме у каждого покойного песком насыпан знак Моря. Тела готовы к погребению, пусть даже в огне вражеских огнемётов. Хью подумал, что у него не получилось бы лучше. Он передумал забирать тело Валевского. Лишь опустился на колени перед другом, приложился лбом к холодному восковому лбу и заплакал.

И вдруг: короткий вжик, и пуля вбилась в ступню трупа. Вторая — в ступню погибшего учёного старца. Стрелял снайпер. Издевался, демонстрируя своё мастерство.

Хью взревел от ярости, взвалил на себя труп Серого и потащился с этой ношей вверх, к о-вэ. Упал, снова поднялся; поступь его становилась всё тяжелее, по лицу катился пот, раскрытым ртом он тяжело хватал разреженный и холодный утренний воздух.

Фред решил не выходить навстречу: Хью должен справиться. Покойнику уже ничем не помочь, а выставляться перед снайпером пилоту Моря в полной боевой экипировке — значило наверняка нарваться на огонь из всех стволов.

ИМЯ — МАРИЯ

на заставила себя привыкнуть к имени, доставшемуся от незнакомой девушки, рано ушедшей из жизни. Получение нового имени, идентификационного браслета и лживой легенды сопровождалось неприятным чувством. Молодая женщина первое время тоскливо замирала, когда к ней обращались: «Мария Хосе Агилар».

Но Лукреция просила не забивать себе голову подобной ерундой...

Странно, она чувствовала себя в безопасности, только когда поблизости была эта сухопарая потёртая дама с накладными ресницами, носившая казавшиеся пуленепробиваемыми бюстгальтеры — два жёстких горба под пафосными блузами неизменно вычурного кроя — и обожавшая причёски с накладкой «конский хвост».

В Лукреции было нечто гротескное, но тем не менее все её любили: от выглядевшего, как улитка, только что высунувшаяся из своей ракушки, профессора Свенсена и до разносчика больших открытых пирогов. Любили Лукрецию — это значит, непрестанно сплетничали о ней и пересказывали друг другу всё, что происходило с участием доктора Лу Фольк.

...А пироги здесь пакуют в коробки из настоящей плотной бумаги...

Они на некоторое время стали единственной пищей Марии.

Её желудок с трудом принимал бесконечно разнообразные местные продукты, и Мария не спешила экспериментировать с новыми кушаньями, довольствуясь пиццей. Хорхе заказывал для неё свежую пиццу с разной начинкой с детской кухни, потому что только пироги для маленьких были без обжигающих специй, острого сыра или соуса. Мария осторожно пробовала верх, съедала или не съедала начинку, в зависимости от вкуса, доверяя первому впечатлению. Но выпечка её всегда устраивала, как и йогурты с той же детской кухни.

Доктор Хорхе, в первое время загоравшийся каждый раз, как только видел её, вскоре нашёл себе более доступное утешение в лице красивой и смелой парагвайки, на свой страх и риск двигавшей собственное провизорское дело и лично занимавшейся доставкой медикаментов для военных госпиталей.

Для Марии это стало хорошей новостью.

Хорхе она в немалой мере обязана относительной безопасностью, но это стесняло её, вынуждая быть как минимум обходительной с мужчиной, с которым она никогда бы не стала искать общения при других обстоятельствах.

Когда незадачливый доктор понял, что женщина Моря холодна к нему, несмотря на пылкие и кур-

туазные ухаживания, он повёл себя совсем иначе. И однажды не защитил Марию от откровенных приставаний офицера армии Лос Анхелос. Марии пришлось спасаться самой. Лукреция, выслушав её недоуменные сетования, выяснила у коварного доктора подробности в беседе с глазу на глаз. Он сослался на то, что слишком независимая сеньорита, видимо, привыкла, по обычаю своей родины, сама проявлять инициативу в любви, так что пусть разбирается со своими ухажёрами без него. И вообще, «фермозе»¹ пора привыкать рассчитывать на себя. Надмирье — суровое место для жизни.

Лукреция побушевала маленько в гостиной Хорхе, призывая на голову ветреного сластолюбца громы и молнии, потом они с доктором выпили, смачно расцеловались, целясь друг другу возле уха, и Мария с готовностью ответила на приглашение Лукреции Фольк переселиться к ним. Места у профессорской четы было меньше, но, постоянно занятые на работе, все редко пересекались в доме втроём. Кроме того, выручала просторная веранда, на которой проводили свободное время, не спеша расходиться по комнатам.

С общего молчаливого согласия у Марии не интересовались её прошлым, не говорили о Подводных Колониях и солдатах Моря больше, чем этого требовали заботы дня. Все делали вид, что Мария пережила частичную потерю памяти и к подводникам не имеет никакого отношения. Это было разумно с точки зрения безопасности всех и каждого в маленькой компании заговорщиков, приютивших

¹ «Красавице». — Примеч. авт.

у себя женщину Моря. К тому же дело Хорхе, вернее, его погибшей лаборантки, в течение года могло быть в любой момент извлечено снова, а этого тоже никто не хотел.

От внимательного взгляда Лукреции не ускользнуло, с каким интересом Мария пробует некоторые продукты. Через месяц Лукреция настояла на осмотре врача и оказалась права: Мария ждала ребёнка, девочку.

Молодая женщина чуть с ума не сошла от этого неожиданного известия.

Ещё на маяке Мария, пробудившись после сна, тяжёлого, как смерть, совершенно отчётливо осознавала, что она — женщина Моря. Она не могла вспомнить, что случилось перед её чудесным спасением, видимо, что-то очень страшное. Кто оставил её на маяке, Мария тоже не знала.

Подбирайсь к началу воспоминаний, раскручивая тонкую ниточку безнадёжно запутавшегося клубка памяти, она каждый раз начинала горько плакать. Сердце сжималось от плохих предчувствий, она страдала, но причина страданий оставалась погребена во тьме странного беспамятства. Покопавшись в своих ощущениях, она отменила всё, что вспомнить не удавалось, справедливо решив, что этим лишь вредит себе. И стала жить «здесь и сейчас».

На борту подобравшего её сухогруза она молниеносно сориентировалась и вывод сделала неутешительный: ей ни под каким предлогом нельзя выдавать своё происхождение. Быстро препровождённая на яхту «Краб», она насторожилась ещё больше. И впер-

вые по-настоящему испугалась. Внешние, похоже, обстряпывали свои дела, не слишком заботясь о её судьбе. Умная женщина, она не могла не понимать, что находится на враждующей с Морем территории и зависит от воли этих непредсказуемых людей. Она решила, что будет отвоёвывать время с помощью древней, как мир, женской уловки. Она будет плакать, и не просто плакать — она будет рыдать.

Во время истерик на маяке она обнаружила у себя болезненную реакцию на слово «утонуть» — стоило лишь подумать об этом, и слёзы начинали бить фонтанами. Что ж, тем лучше, притворяться не придётся. Когда её сгребла в свои объятия незнакомая женщина, назвала Юлией и потребовала подыгрывать, девушка разрыдалась так естественно, что все поспешили оставить её в покое. Что и было самым нужным в тот момент.

Теперь Мария ждёт ребёнка. Гордость и тихое счастье наполнили всё её существо, придав жизни новый смысл. Мария расцвела.

На работе — её пристроили сиделкой к раненым — у неё с первых дней начались проблемы.

Мужчины настойчиво искали её внимания.

Раньше Мария бесстрастно сносила все ухаживания. Но, переполненная предвкушением будущего материнства, утром следующего дня она, позабыв держать лицо, вошла в палату такая сияющая, что скандал между двумя офицерами из-за девушки чуть не закончился трагедией.

После этого доктор Хорхе, которого раздражала популярность Марии среди мужчин, решительно

отказался от её услуг, пообещав подыскать другое место. Лукреция объяснила, что он совершенно прав и боится прежде всего за Марию.

На аргентинском побережье, ставшем зоной военных действий с Армией Моря, женщин не хватало. Молодых и красивых женщин — недоставало и подавно. В стране участились случаи кражи девушек, расцвело сексуальное рабство и рабство вообще. Для некоторых дельцов к традиционной продаже наркотиков прибавилась ещё одна статья нелегальных доходов — торговля людьми работоспособного возраста.

Правительство бездействовало. Вернее, использовало эту ситуацию в своих целях. Случаи пропажи людей считали делом рук подводников, умыкающих свои жертвы, чтобы обновить генофонд народа Моря. Эти слухи сеяли ужас среди местного населения, разжигали ярость и непримиримость, и призывные пункты успешно собирали желающих мстить «морским жабам» и «высоколобым монстрам» с оружием в руках. Из Бу-Айса и других портовых городов начался отток мирного населения, что тоже было на руку пришедшей к власти военной хунте: густонаселённая зона, подвергавшаяся наибольшей опасности, освобождалась от гражданских лиц их же собственными усилиями, в то время как внутренние области огромной страны, наоборот, пополнялись людьми.

Мария нашла себе работу сама, занявшись копирайтом. Большинство тем, предлагаемых заказчиками, ей претили настолько, что вызывали отторжение на физиологическом уровне. К тому же сайты были

под завязку забиты нечистоплотной рекламой, которую она воспринимала с болезненной гадливостью. Но скоро она нашупала то, что было действительно интересно, отказалась от копирайта и стала выдавать одну за другой рецензии на выступления эстрадных артистов и певцов.

Её ироничные, а порой разгромные тексты вызывали неизменный интерес и интриговали. У её безупречного английского был лёгкий налёт консервативности, поэтому статьи ошибочно приписывали одному из маститых авторов старшего поколения, вернее, подозревали две фамилии, удивляясь и гадая: как кто-то из них умудряется писать такие энергичные тексты?

Редактору крупной газеты раньше других пришла в голову удачная идея пригласить того, кто скрывался под ником Фол, на должность внештатного корреспондента. И он не прогадал. Еженедельная колонка «На грани Фола» обсуждалась в других редакциях, в эстрадных и телекругах. Мария, вернее, её аватар Фол становился популярным. Все статьи действительно были на грани фола: не переходя на личности, не срываясь в чёрную критику, Фол резко проходился по больным местам эстрады американских континентов.

К статьям прислушивались. Интернет сотрясали споры о гендерной принадлежности, сексуальной ориентации автора и его настоящем имени. Устраивались провокации. Но Фол умело обходил все ловушки. Стали появляться подражатели. Впрочем, соперничать с Фолом было нелегко. И все соглашались, что появление компетентного и неравнодушного автора вывело критику из застоя.

Работа отнимала у Марии всё время: приходилось следить за эстрадной вознёй на континенте. Но через полгода она уже могла сказать, что зарабатывает достаточно, чтобы жить самостоятельно. Агилар стала подумывать о переезде.

И опять всем распорядилась Лукреция Фольк.

Докторша так непрятворно огорчилась, что не будет нянчить новорождённую крошку, что Мария, решив: «От добра добра не ищут», осталась у Свенсена и его жены.

Свенсен обрадовался её решению ещё больше. Втайне он был счастлив, что умница Агилар делит с ним немалые расходы на содержание жилья в респектабельном пригороде южного Бу-Айса, плюс влетавшую в копеечку плату за собственную водяную скважину, которая в этой стране не роскошь, а необходимость.

Потом таинственный Фол исчез так же неожиданно, как и появился, и кое-кто из посредственных журналистов и эстрадников вздохнул с облегчением.

В жизни Марии произошли перемены.

Она родила прелестную маленькую Еву, заставив поволноваться и Лукрецию, и Свенсена, и Хорхе с его подружкой, и разносчика пиццы, и даже продавцов окрестных магазинчиков и забегаловок. В Аргентине принято делиться новостями там, где покупаешь сахар и зажигалку, не говоря уже о посиделках за чашкой кофе и традиционной тыковкой мате в маленьких закусочных. За «прекрасную сеньору Агилар» болели все.

Однажды Лукреция, войдя в комнату Марии, убаживавшей ребёнка, услышала то, что заставило её мозги работать с удвоенной энергией. У «русалки» оказался исключительный голос. Мария свободно брала четыре октавы. Она заставляла свой голос то мягко изливаться, то легко грассировать и наполнять комнату звучанием необыкновенно приятного тембра.

Лукреция, возгордившись так, как будто дивный голос открылся у неё самой, и не в силах скрывать этот факт, развила бурную деятельность.

Она принялась устраивать прослушивание Агилар и неплохо справилась с этой задачей. Продюсер, по её мнению, должен быть успешный и влиятельный; не из тех ничтожеств, которые раскручивают обойму проплаченных бездарных исполнителей. Такой затопчет новое дарование, боясь чужого успеха. Или снабдит нелестной характеристикой, после которой невозможно будет подойти к другим...

Вскоре нашёлся человек, представлявший интересы некоего агента Кассия Борддия. Услышав голос Марии, он немедленно перезвонил своему шефу и вечером следующего дня заключил контракт на первые десять домашних концертов в богатых усадьбах.

Марию и Лукрецию вполне устраивал предложенный формат: публика на таких вечерах состоит из родни и друзей хозяина дома и, помимо контрактных десяти выступлений, Мария могла рассчитывать на новые приглашения. Агент помог ей найти репетитора по вокалу. Подруга Хорхе свела Марию с модисткой, и на первом же концерте

дебютантка, в умопомрачительном платье в пол из кремового гипюра, покорила всех своим голосом и внешностью.

Сетка гипюра подчёркивала формы женского тела: по груди певицы, через талию и ниже, на хорошо развитые бёдра, обтекая стройные ноги, до самых носков туфель, скользили зигзаги, распускающиеся ажуром завитков. Атласная подкладка телесного цвета под прозрачным гипюром скрывала прекрасное и сильное сложение, дразня воображение ценителей женской красоты.

Репертуар восходящей звезды был своеобразный и немного непривычный уху местных меломанов, под аперитив готовых слушать всё, что поют. Но отзывались о музыкальных вечерах с Марией Хосе Агилар в самых восторженных тонах.

Она была рада успеху: плата за концерты вполне покрывала её насущные потребности.

Тихая слава и известность в кругах не самых богатых хозяев вечеринок Бу-Айса вполне устраивали молодую мать. Мария не мешала эстрадникам-олимпийцам, и те позволили ей быть. Талант сеньоры Агилар был очевиден всем, кто хоть раз побывал на её концертах, но она спокойно довольствовалась скромной нишней «домашней певчей птичкой», и мэтры большой сцены благополучно не замечали певицу. А Мария делила себя между маленькой Евой и песнями, посвящая музыке очень много времени и проявляя талант незаурядного аранжировщика.

После года музыкальных вечеринок её неожиданно пригласили петь для офицеров Армии Моря.

Над интерьером концертного зала поработал не-зда-
шний дизайнер, ностальгически украсивший сце-
ну в стиле Зала Зрелищ подводников.

Вид этой сцены глубоко взволновал Марию, так, что перехватило в горле и потребовалось усилие, чтобы снять спазм и успокоиться перед выступлением.

Она вышла к зрителям и запела.

И с первых мгновений поняла, что лучшей публики у неё ещё не было.

Зал замер, а потом разразился громом аплодисментов.

И она снова пела.

На сцену сыпались пёстрые прямоугольники визиток. Мария не успевала их рассмотреть, видела лишь, как в прямоугольниках поворачивались лица владельцев или аватарки.

Ей стало весело, она рассмеялась и грациозно помахала залу рукой.

Тексты песен Агилар своей лёгкостью неуловимо напоминали пинап-картинки, бесхитростные и милые наборы слов. Но в последней строфе содержание песенки неизменно менялось, становилось двусмысленным и глубоким. Так же менялась интонация певицы, и зрители ревели от восторга, понимая, что всё, о чём им пели, — на самом деле лишь прелюдия, намёк к тому недосказанному, что так и осталось за текстом. Мелодии, которые предпочитала Агилар, мягкой мелодичностью и гармоничными ладами резко контрастировали с тем, что звучало вокруг. Она подбирала репертуар как будто в пику моде: на всех сценах господствовала более жёсткая,

построенная на чётких пульсирующих ритмах, ре-читативах и бесконечных повторах одной и той же темы музыка.

И аплодисменты не стихали.

Проведя два года среди внешних, Мария научилась замечать инаковость людей Моря: едва заметная, она скрывалась в мелочах, в нюансах. Но главным было то, что подводники не имели ничего общего с образом, который культивировался в Надмирье. Из разговоров доктора Свенсена и Лукреции Фольк Мария знала причину такого отношения.

Первое Погружение восприняли как катастрофу — а иначе и быть не могло, ведь на Суше долгие тридцать лет считали погибшими всех, ушедших тогда под воду.

А новое потрясение земное человечество пережило, когда состарившиеся авантюристы и их дети обнаружили себя, явившись из недоступных морских глубин в блеске величия и могущества процветающей цивилизации. Подводников стали подозревать в том, что первое их поколение намеренно изолировалось от остального человечества. Вспомнили и причину погружения: чуждая миру, не прижившаяся на Суше идея церебрального сортирования, жесткой селекции человеческого материала, — так это преподносили.

Подводники тоже были виновны в возникшем напряжении — они не скрывали свою отстранённость. Суша их уже не интересовала. Просторы неба и моря, да, пожалуй, удивительный, поражавший во-

ображение животный мир планеты, — вот ради чего люди Моря поднимались на поверхность.

Даже самые здравомыслящие умы планеты в то время не потрудились задаться вопросом, каким испытанием стало для первопоселенцев выживание в замкнутых глубинных коконах, обернувшееся тремя десятилетиями добровольной каторги. И всё ради нового поколения, первого поколения народа Моря, полностью прошедшего сортинг, окружённого заботой и пристальным вниманием, — ведь крах эксперимента одновременно стал бы крахом самой смелой идеи, осуществлённой земным человечеством. Поколение первых, рождённых в океанских глубинах, заслуживало того, чтобы застать не убогий лабораторный быт, но настоящий мир: замкнутый в себе самом, но полный великолепных возможностей и, более того, полный красот и чудес. Во имя этой великой мечты первопоселенцы работали с упорством и одержимостью фанатиков. Они отринули всё, что оставили на поверхности. Они разрешили себе забыть прежнюю жизнь и разлюбить всё, что любили когда-то на земле. И победили, проиграв лишь в одном: их дети стали особым народом и уже не принадлежали Надмирью.

С той поры прошло двести лет. Семя взаимного непонимания дало обильный урожай: на всех континентах представления о людях Моря обросли несусветными вымыслами. Даже тесный контакт во время военных стычек не разубедил внешних в том, что мир, населённый мутантами, посыает на поверхность только избранных красавцев, рождённых от украденных в Надмирье женщин.

Мария подумала:

«Нелепость, но в Аргентине многие всерьёз верят, что на самом деле рифы населены согбенными уродцами, да ещё маньяками-зомби — жертвами раннего воздействия на мозг. А на самом деле эти люди красивы, они по-настоящему фантастически красивы. Это ревность Суши к Морю... Но мне-то как быть?.. Какими глазами смотреть на них?..»

Её публика выражала свои эмоции ещё и синхронным движением обеих рук, похожим на часть затейливого танца. Мария решила забыть давний совет Лукреции насчёт левой руки, и ей легко удалось замысловатые жесты людей Моря.

Зал был в восторге.

— Ма-ри-я!!! — скандировали офицеры, непосредственные, как мальчишки.

— Ма-ри-я-лю-бовь!!!

Саксофонист приближался к Агилар, галантно подавал карточку из падавшего к ногам дождя пластиковых визиток и, как и положено истинному портьерос, успевал шепнуть на ушко ничего не значащую чепуху. Златокудрый, с золотым саксофоном, эффектный в белом костюме, он преследовал свои цели на её концерте, откровенно рисуясь перед публикой.

На одном протянутом ей прямоугольнике Мария краем глаза успела прочитать: «Вуди Кольвиц, офицер. Позвони, душа моя!» Попался портрет мужественного парня в боевом экзоскелете с откинутым забралом. Дальше шли просто игривые намёки на продолжение знакомства, вписанные внутри виньеточного пульсирующего сердца.

Саксофонист был навязчив в своей галантности. Карточки сыпались дождём.

Мария улыбалась шикарному саксофонисту, зрителям, музыкантам, ведущему; снова златокудрому позёру с саксом, слала воздушные поцелуи Лукреции с Евой на руках за кулисами...

Она была возбуждена, взволнованна, счастлива.

Когда она, уже уставшая, но наэлектризованная волнами восторга, исходившими от зрителей, предложила слушателям выбрать между своей песней и песней подводников, весь Зал Зреиц, в котором к тому времени были заняты все проходы и люди стояли в дверях, заволновался:

— «Колыбель»! «Колыбель»!

— Хорошо, — кротко сказала Мария.

И улыбнулась одному: офицер Армии Моря сидел за ближним столиком и весь вечер не спускал с неё взор. И она ясно читала эмоции на благородном лице, в наметившейся глубокой межбровной складке, в крыльях носа, трепетавших, как только к ней подходил красавчик саксофонист, в выразительных глазах, опушённых густыми ресницами и оттого казавшихся темнее, чем были на самом деле...

Сердцем Мария чувствовала нечто большее, чем интерес к её песням.

Мужчина запоздало спохватывался, когда зал уже взрывался аплодисментами, он наблюдал, он был внимателен... Не считая нужным аплодировать вместе со всеми, он воздел к ней руки. Подался вперёд, просительно покачал головой, не сводя с неё пытливых глаз, словно приглашая...

И Марии захотелось шагнуть со сцены.

Её сотрясла чувственная дрожь. Ей захотелось на колени к этому мужчине — к нему одному. Он был один в поле её зрения, рисуясь даже на полуопущенных веках: в своём тёмном кителе с отороченными серебром погонами и серебряными галунами. В длинной хакама, образующей особенную, ценимую художниками пластику мелких складок и заломов ткани на широко разведённых, как у всех сидящих мужчин, бёдрах.

Мария приказала себе отрезветь, вспомнить, что стоит на сцене и принадлежит каждому слушателю и никому отдельно.

И отвела взор от офицера Армии Моря.

— «Колыбель»! «Колыбель»! — просил зал.

...Она долго и тщательно готовила фонограмму и репетировала «Колыбель» — малый гимн всех подводников, который увидела в одном журнале.

Статью о подводных жителях предваряла фотография изящной, как фарфоровая фигурка, журналистки. Девушка описывала жизнь в Подводных Колониях.

Необъяснимая тоска овладела Марией.

«Утонуть», — сказала она себе, ещё раз убедившись, что после двух лет, проведённых в Бу-Айсе, это слово окончательно потеряло свою слезоточивую силу, но по-прежнему вызывало ностальгическую грусть.

Выплакаться не удалось. Слёзы принесли бы облегчение, но слёз не было.

Мария, раздумав читать, медленно закрыла журнал. Ей не хотелось знать, как живут люди в немыслимой океанической глубине: не чувствуя напряжённого, почти осязаемого воздуха, меняющегося в зависимости от времени года, полного, как волшебный сосуд, запахами и звуками, холодной моросью или влажными испарениями, остужающего или тягостно-вязкого в жаркую пору; они там не знакомы с бесконечностью здешних пространств, с великолепием этой вечно и буйно цветущей земли, пусть даже в коросте ветшающих городов и заводов.

Она прочитает журнал потом.

Эмоциональная перегородка, искусственная, без сомнения, — она это понимала, — с неведомой целью поставлена кем-то между Марией сегодняшней и её недавним прошлым. Так поступают с больными, пережившими катастрофу. Но какой была её катастрофа, Мария не знала. Сейчас казалось, что прошлое — плод её больного воображения и на самом деле она рождена и всегда жила в Надмирье. Только не здесь. Не в Аргентине...

Но статья неизвестной фарфоровой девушки снова напомнила о себе. На обложке тёмно-синего цвета золотыми буквами выведен текст песни подводников и к нему ноты. Мария пробежала глазами по строкам. Слова легко наложились на мелодию. Не в силах отвязаться от мелодии, прокручивавшейся в голове и мешавшей работать, она решила включить «Колыбель» в свой репертуар. Это всегда помогало избавиться от навязчивого мотива.

Сейчас впервые выпал случай исполнить эту таинственную песню.

Мария продекламировала начало:

— «В материнских ладонях Великой Глуби...»

Благодарные зрители выдохнули:

— «В материнских ладонях».

— «Крепко спи, дорогой, здесь печаль не догонит...»

— «И беда не догонит», — подхватил зал.

Мария сделала знак музыкантам. Саксофонист вывел первые ностальгические ноты.

Она запела.

Песня в её обработке звучала превосходно. Она поняла это по тому, как затаил дыхание зал.

Мария слышала, как сначала перестал играть саксофонист, затем стихли инструменты остальных музыкантов и остался только её голос, звеневший и переливавшийся под сводами Зала. Никогда ещё ей не пелось так легко.

По боковому проходу к сцене проталкивался совсем молоденький парнишка с огромным букетом цветов. Такой букет стоил целое состояние. Парня останавливали, что-то говорили. Тот презрительно отказывался, дёргал плечом и двигался дальше. Парень готов был уже запрыгнуть на сцену, когда в первом ряду поднялся мужчина, вложил портмоне в букет, прямо перед носом парнишки, сопроводив щелчком пальцев, мол, «за услугу», — и отчётливо, самоуверенно произнёс:

— От Кассия Борддия цветы для непревзойдённой Марии Хосе Агилар!

Мария, впервые увидевшая своего агента, удивлённо распахнула глаза.

У парня с букетом полыхнули уши, он втянул воздух в себя, отшвырнул портмоне и, зверея, заорал:

— Что-о?! Кто?! Ты, ты!.. Жаба!!!..

Запахло ссорой. Бордюри проигнорировал задиристого юнца, повернулся к Марии:

— Браво, брависсимо, Эмилия Мария Хосе Агилар!

Пижон саксофонист привлёк к себе внимание, сопроводив назревающую под сценой дуэль резкой нотой из задорно вздёрнутого саксофона.

Валевский успел заметить, как в глубине сцены кларнетист, пользуясь всеобщим замешательством, молниеносно провёл по декорациям небольшим инструментом, испустившим едва заметное бледное свечение. Омега-резак, созданный по технологиям Моря, — серёзная штуковина.

Кларнетист поспешил скрыться в ближайшей кулисе.

Одновременно с противоположной стороны на сцену выбежала крохотная девочка в кокетливом розовом костюмчике, с красным помпоном на макушке. Собранные в пучок под помпон тонкие светлые волосики ребёнка вздрагивали при каждом шаге.

И тут же вверху, над сценой, огромный лист пексыла дрогнул, подался, раскрывая упрятанный под светодиодную ленту соединительный шов, и сложная декорация, замерев на долю секунды, приготовилась рухнуть на головы артистов.

Валевский прикинул расстояние до горизонтальной штанги, на которой крепилась осветительная аппаратура. Надеясь на то, что поперечина хорошо

закреплена и выдержит его вес, помноженный на импульс, он взлетел на сцену, бурей пронёсся по коробам усилителей и, демонстрируя хватку штифтиста, в своё время одного из лучших игроков университета, прыгнул вперёд и вверх. Схватился обеими руками за никелированную штангу, рискуя получить растяжение связок, сделал сальто под съезжающей вниз декорацией. Хакама не поспевала за ним, настолько стремительным был поворот. Артемий сильным толчком ног отправил массивный лист пексила падать в глубь сцены: музыканты в панике сбежали, сцена была пуста.

Арт пружинисто приземлился с упором на ладони и ступни, рискуя спиной, подставленной под дождь падающих сверху кусков пластика, но вовремя успев закрыть собой девочку с помпоном на макушке.

Через несколько бесконечно долгих секунд всё было кончено.

Испуганную певицу, словно зонтом, прикрыл букетом парень Суши. Он успел подскочить к женщине сзади, крепко обхватил, прижал к себе, а левую руку с шикарным букетом выставил вверх. Он сделал что мог, и сделал неплохо, судя по довольной роже и царапинам от кусков пексила, чиркнувшим его солдатскую форму на лопатках и правом плече. Всё могло быть гораздо хуже.

Мария не получила ни одной царапины. Ей хватило одного взгляда на букет, чтобы понять, чем она обязана своему поклоннику. В роскошном ворохе растений три цветка оказались срезаны под острым

углом, а тяжёлые осколки глубоко ушли в плетёное из прутьев плоское основание для букета.

Но, не думая о благодарности, Агилар вывернулась из объятий мальчишки и бросилась к офицеру, у которого непонятно как на руках оказалась крошка Ева. Безумная от страха за своего ребёнка и раздирающей душу горечи, успев представить несколько чудовищных причин, одна хуже другой, Агилар, как тигрица, налетела на офицера. С криком ярости выхватила девочку и бросилась прочь, за кулисы, не замечая, как в дорогие туфли впиваются осколки, усыпавшие всю сцену, рискуя упасть на острия и покалечить себя и ребёнка.

Зрители замерли, вынужденные наблюдать мечущуюся по осколкам молодую женщину в лёгком платье.

Мария сделала последний шаг за кулисы, и тишина в зале пришёл конец.

Где-то на автостоянке догнали и теперь вели пойманного кларнетиста. У того при себе оказался миниатюрный лазерный резак. Наёмник здорово прогадал, не избавившись от дорогого трофеиного инструмента, позволявшего одним движением распиливать даже рельсовый профиль...

На следующий день все газеты внесли свою лепту в свежий скандал. Имя Марии Хосе Агилар не произносили, называя её «одной аргентинской певицей», ублажавшей господ офицеров Моря и чудом уцелевшей после концерта. Пока подводники бесстрастно наблюдали трагедию, спасли женщину и её ребёнка случайно оказавшиеся в зале мужчины Суши.

Телевидение вынуждено было довольствоваться пересказыванием сплетен; подступиться к офицерам Моря в поисках видеозаписей не представлялось возможным — подводники с пренебрежением относились к деньгам, по крайней мере к деньгам Надмирья, что выводило из себя внешних.

Кто-то из музыкантов успел из-за кулис снять усыпанную осколками сцену с рухнувшими декорациями, но снимки оказались невыразительные, и их решили не использовать. Нашли и растиражировали фотографии другой площадки, разрушенной, как после бомбёжки.

* * *

— Ну что это такое, Мария, опять глазки на мокром месте? — проворчала Лукреция, приподняв с одеяла худую руку. Малышка Ева схватила длинный костлявый палец докторши и засмеялась, готовая играть.

Ева сидела на коленях у мамы Марии, примостившейся в изголовье госпитальной койки Лукреции.

Во время последнего злосчастного концерта сбилось с ритма сердце незаменимой, несгибаемой Лу. Вот тогда и выбежала на сцену непоседа Ева.

Сейчас Мария непрятворно страдала оттого, что позволила себе кричать на офицера, спасшего её дочь. Он спас всех, кто был на сцене.

— Мне так стыдно... — прошептала она.

— Девочка, да ты влюбилась в офицера в юбке? — улыбнулась Лукреция Фольк. — Губа не дура — он же из штаба их армии! Может, будущий генерал...

Признайся, ты по-прежнему не помнишь своё прошлое?

Мария отрицательно покачала головой, а внутри у неё всё замерло: вопрос Лукреции насторожил и испугал. Впервые та спрашивала Агилар о таинственном прошлом. Неужели Лу чувствует себя совсем плохо?

— Только не умирай, не оставляй меня одну, — взмолилась Мария, — мне страшно!

— Как же, умрёшь с вами!

— Умлёшь! — звонко поддакнула Ева, подпрыгнув на коленях матери.

Лукреция улыбнулась, щипнула девочку за тугие щёчки:

— Вся в маму, умница! Сначала мы выдадим маму замуж, потом — тебя, моя принцесса, и только потом Лу превратится в старую ключку и спокойно отойдёт в мир иной. Мария, нам нужно придумать, как подать запрос подводникам насчёт выяснения твоей личности. Теперь пора.

— Я не хочу.

Лукреция удивилась так, что привстала на постели:

— Почему?! Ты откуда свалилась на плавучий маяк? Не с Луны же! Правильно, детка, мы ни разу не заговаривали с тобой об этом, но все мы уверены, что ты — женщина Моря. Вспомни хотя бы вакцины, которые ты перенесла вначале...

— Я могла быть тасманийкой.

— Вряд ли.

— Лу, там не хотят меня... — прошептала Мария с горечью. — Если бы хоть один человек Моря

волновался обо мне, меня бы давно нашли и вернули...

— Й-оо! Ах вот что нас всё время гложет?! Вот уж не думала... — доктор Фольк прикусила язык.

«Девочка полна сюрпризов! У неё внутренний надлом глубже, чем я предполагала. И вообще ты, Лу, думала ерунду. Мол, психотип «бедняжка» и среди подводников благополучно сохранился до наших дней... Но тут всё гораздо серьёзнее. И, чёрт, к психологам её не поведёшь — опасно. Опасно! Даже не думай!..»

Лукреция, как истинная воительница, свято веря в универсальность метода наступления в любых ситуациях, оборвала свои размышления и наехала на Марии:

— А ты вспомнила, при каких обстоятельствах пропала? А ты, птичка певчая, не забыла, что кроме мирных домашних вечеринок с цветными свечами есть ещё и прибрежная полоса, выжженная напалмом, и десятки кораблей, которые идут на дно, обстреляв друг друга? А людей с этих кораблей потом собирают в море, да только находят не всех? А ты в курсе, что подводники отзовали свои представительства и не вступают в переговоры с Сушей вот уже два года, после того как Совет Надмирья заявил, что Подводные Колонии — единственная реальная угроза безопасности планеты?

«Меня бы нашли...» — передразнила Лу. — Нет, доктор Хорхе был прав: тебя вредно за ручку водить. А посадить бы за руль грузовика и, как Патрисия, — вперёд! В гущу людей, в кипение жизни!

Лукреция единственная, от которой Мария слушала даже выволочки.

— Ты думаешь, им просто не до меня?

— Ещё бы! Видимо, ты хорошо постаралась пропасть. Возможно, были свидетели твоей... гм, кончины. Тебя оплакали, и дело с концом. Но ты спаслась. И нужно помочь тем, кто тебя любит, найти «птичку Марию»... как тебя назвал наш таинственный агент?

— Эмилия, — задумчиво прошептала Мария Агилар.

Она внезапно встрепенулась:

— Лу, а ведь я утонула! Я и есть Эмилия!

Я падаю в холодную синюю воду. Больно ударяюсь, как об асфальт, так, что боль отзывается в каждой клетке тела, и — светлый круг на поверхности воды, прямо над головой. Круг удаляется. Ужас. Ужас страшнее, чем боль от падения. Смертный страх, больно давит грудь... лёгкие разрываются... И ещё я знаю, что его застрелили. Кого-то, кто мне очень, очень дорог и без кого не жить...

Мария безвольно осела на стуле, потеряв сознание.

«Нет, мне точно не дадут умереть», — подумала Лукреция Фольк, цепко держа ручку Евы, топтавшейся у кровати, и нажала кнопку вызова дежурной медсестры.

ОХОТА НА ЛЮДЕЙ

а полтора часа полёта он устал от компании дивы Аниты так, что с трудом сдерживал рвущуюся наружу брань.

Дива вынимала мозг, требуя внимания к своим проектам, которые только на первый и со всем неискущённый взгляд выглядели как нечто заслуживающее внимания. Оказывается, у дивы есть знакомства во всех мыслимых и немыслимых службах: от аргентинского телевидения до всесильной электрической компании «Эдесур» и генералитета армии «Лос Анхелос». Она просто не знала, с кем путешествует, иначе не рискнула бы рисоваться перед этим человеком. За пять лет, занятый «вживлением», а затем выживанием в Надмирье, Кассий Борддия умудрился заматереть так, что завёл кое-какие полезные знакомства, не ограничивавшиеся южноамериканским континентом. А теперь вынужден был выслушивать сверкающее стразами ничтожество, которое переводило в статус закадычного друга каждый замеченный на фешенебельных попойках фейс.

Борддия давно задушил бы милашку своими руками и выкинул из самолёта. И ничуть не пожалел о

потере крутой «бразильской» попки в комплекте с пустой головой, привинченной повыше выдающихся во всех отношениях буферов. С ситуацией мирило лишь то, что ещё один попутчик, журналист Александро Кортес, большей частью принимал огонь на себя. Александро изображал живую заинтересованность в бреде, порождённом истеричным и парадоксальным сознанием сеньоры Аниты.

Кассий некоторое время забавлялся вопросом: что за человек этот Кортес и какие дивиденды ожидает? Придя к мнению, что сеньор Александро — такой же турица, как и его собеседница, Борджия немного расслабился. И даже поучаствовал в диалоге на вторых ролях, не позволяя Аните раскрутить себя на опрометчивые обещания.

— Но вы же устроили выступление этой Агилар перед подводниками? — приставала к нему дива. — Говорят, там творилось чёрт знает что. И оргия закончилась тем, что подводники расстреляли декорации и чуть не похоронили под ними несчастную и её ребёнка?

Кассий пропустил бы мимо ушей трёп Аниты, если бы не многозначительный взгляд, которым та обменялась с Александро.

«Ну-ка, ну-ка, попугай-неразлучники, вы, кажется, имеете в виду больше, чем говорите?»

— Агилар получила серьёзную травму шеи и вряд ли скоро возобновит концерты, — глазом не моргнув, соврал Борджия, сменив глубоко запрятанное пренебрежение на обычную свою настороженность.

Анита и газетный гений превратились в слух, и если бы могли, то сейчас поставили бы уши торчком.

Это было так очевидно, что Кассий Борддия чуть не рассмеялся.

— А жаль, — добавил Кассий, — она приносила неплохую прибыль. Я оплатил техническую экспертизу сцены и работу сыскного бюро. Заказчика покушения найдут, и очень скоро. За всем этим делом стоит женщина, занятая в концертном бизнесе.

Парочка снова непроизвольно переглянулась: на этот раз озадаченно и с тревогой. В сузившихся глазах дивы мелькнул хищный блеск, когда она глянула на Борддия.

Кассий внутренне ликовал, но решил, что дожимать их опасно.

И вильнул в сторону:

— Скорее всего, это одна стареющая сеньора, слава которой уже близится к закату.

Анита расслабилась, на её лицо вернулась брезгливая и скучающая мина.

Борддия подытожил: «Дура».

Повернулся к её дружку:

— Александро, вы успешный и преуспевающий журналист с хорошими связями. Вам по силам решить эту шараду с рухнувшими декорациями, может быть, даже раньше моих сыщиков. Если бы я в тот момент был знаком с вами, думаю, обращаться в бюро даже не пришлось бы. Журналистское расследование пролило бы свет на это дело. Советую, займитесь этим, и успех вам обеспечен!

Простая и внятная инструкция «Как стать известным» окрылила Александро Кортеса, мигом расправившего узкие плечи.

«Да, и этот парень умом не вышел, зато какой апломб! Ничтожество».

Кассий не в первый раз похвалил себя за интуицию, иногда работавшую не хуже ясновидения.

«Не ожидал, что прямо здесь обнаружу виновников светопреставления в Зале Зрелищ. И, какая удача, — двоих сразу! Теперь бы выяснить, какое отношение к двумстам футам заготовленного битого пексила имеет наш радушный хозяин, Гижермо Браво. Я уже почти не сомневаюсь, что именно его деньгами оплачено покушение на Марию Агилар. Анита не случайно смачно обсасывает новую перспективу: ей до щекотного хочется устроить чёс по островам и базам Моря.

Поздно!

Я уже показал подводникам Марию.

По сравнению с этой сеньорой все вы, местные дивы, — жалкие марионетки из школьного театра.

Надо бы по возвращении заняться проверкой прошлого Агилар и юнца, тащившего ей букет... У мальчишки поразительно знакомое лицо... Если я правильно догадался, то...»

И тут же Кассий подумал, что нужно держаться начеку и не отвлекаться. Слишком легко он раскусил эту пару.

Не играют ли с самим Борддия? Если играют, то кто? Уж не эти двое: кишка тонка. Возможно, таинственный Гижермо Браво, новый знакомый, проявивший интерес к персоне Борддия как раз после концерта Агилар?

...Сейчас Кассий занимался любимым делом, то есть врал напропалую. За что и оказался в своё время там, где оказался.

Его попутчикам, да и, пожалуй, влиятельному Гижермо Браво, не под силу проверить его слова. Связь с подводниками есть только у Борддия, выходца из рифа Новая Европа, урождённого гражданина Моря, по решению Главного Управления переведённого в пожизненный статус невозврашенца. Невозврашенцы из соображений безопасности не допускаются в рифы, но могут выбирать, где им жить: среди внешних или на надводных базах Моря. Борддия, один из немногих, выбрал Сушу. Невозврашенцы чаще остаются на искусственных островах, или в Антарктиде, или в Тасмании, и вполне мирятся со своим статусом. Тем более немало подводников живут и работают с ними рядом: свободный выбор свободных людей, которые предпочли поверхность рифам.

Но для Борддия надводные территории Колоний оказались тесны.

Добытые документы на имя уроженца Италии, родины прародителя, позволили ему скрыть прошлое и смеяться с внешними. Секрет своего происхождения Борддия не отдал бы за все сокровища Суши, на которой жил и которую всё равно презирал. Как презирал Аниту, Александру Кортеса и парагвайского миллиардера Гижермо Браво, потомка предпримчивого итальянки, на заре Новейшей истории добежавшего до края света — нищего и обезлюделевшего Парагвая.

Получив приглашение принять участие в «развлечении для мужественных», осторожный Кассий Борддия перестраховался и сообщил серебряному барону, что во время инцидента на концерте повредил обе руки. Гижермо Браво посетовал на эту досадную неприятность. Уловив особые интонации в

его голосе, Борджа убедился, что меры предосторожности оказались нeliшние. Ему явно предлагали поучаствовать в охоте на людей. Он принял приглашение, но упрятал под бинты здоровый безымянный палец левой руки, а кость правого предплечья реально была с трещиной: пексил по касательной задел агента на триумфальном и злополучном концерте Марии Агилар.

...Впереди под крылом самолёта блеснуло гигантское зеркало озера Титикака. Самолёт заходил на посадку в Хульяко. Оттуда до Пуно обещана короткая прогулка в комфортабельном автобусе сеньора Браво, переоборудованном под кабак на колёсах, с баром, диванами и столиками.

В аэропорту тройку гостей из Бу-Айса встретили и сопроводили к автобусу, и к ним присоединились ещё с десяток могучих местных молодчиков, все на пару с девицами.

Хозяин предупредил, что ждёт своих гостей на руднике.

Из разговоров Кассий сделал вывод, что люди собрались часа за два. Значит, веселиться так им не впервые.

По пути выяснилось, что буквально вчера, принимая дела на руднике, Браво узнал, что «не всё в порядке в датском королевстве»: накануне сбежала группа солдат Моря. Гоньбу отправили по густонаселённым местам: прочесали трассы в сторону озера Титикака, но в том направлении беглецов не обнаружили. Оставался непроверенным один путь: в альтiplano. Неясно, на что рассчитывали пленные, возможно, они просто перепутали дороги. По их следу

не пошли, дожидаясь утра нового дня, — всё равно оборванцам некуда спрятаться на пустынном плато. На руднике хотели было скрыть это происшествие, но новый хозяин оказался дотошнее, чем ожидали, и правда вылезла быстро.

К удивлению служащих, Гижермо Браво на про-пажу рабов отреагировал спокойно. Около часа хозяин лично делал звонки по телефону, и вскоре на рудник прибыли гости в полной боевой экипировке. По пути эта компания навестила хорошо законспирированный склад военной техники, принадлежавший Браво. Самоходка к руднику шла без пассажиров, мотора перегоняли криминального вида молодчики.

Гижермо с абсолютно невозмутимым видом встретил гостей и обрисовал ситуацию.

Тринадцать солдат Моря, год проработавших на руднике, сбежали и сейчас находятся в Сильюстани: так называлось заброшенное захолустное селение на берегу пересыхающей лужи, местного озерца. Перед рассветом ехавшие из Пуно карабинеры засекли падение вертолёта подводников в этом месте и сейчас охраняют беглецов и с ними пилота в боевых доспехах. По мнению карабинеров, пилот один. Возможно, пилотов двое. Цель полёта неясна, скорее всего разведка. Или люди Моря рванули на помощь к своим, но что-то не сложилось. Ситуация нетипичная для морских: эти всегда действуют чётко и наверняка. То, что вертолёт не заметили чилийские службы, говорит о том, что над территорией мог летать не один, а несколько замаскированных о-вэ. Но вероятность этого мала. Подводникам просто неч-

го делать в этих пустынных местах в глубине континента.

Серебряный барон обратился к спешившейся банде:

— И вот что получается, друзья мои: вместе с шахтой я получил в довесок полудохлых морских жаб. Сами понимаете, щекотливое положение. Мой предшественник, можно сказать, серьёзно подставил меня. Формально Подводные Колонии могут объявить мне войну.

Головорезы вокруг Гижермо с готовностью за-смеялись.

— Вы поможете мне, друзья? Эти люди не должны вернуться на шахту. Но и в других местах им бы не показываться. Что же с ними делать? Как думаете, друзья?

Охотники высказались на жаргоне вижей.

— Итак, мы придумали, как поступим с беглецами. Но познакомиться с пилотом было бы полезно. Экзоскелет станет призом самому успешному из вас. Второй экзоскелет, если пилотов двое, уйдёт мне. По рукам?

Банда ответила радостными кличами.

— Нужно спешить, — напомнил Гижермо, — у нас на всё не больше часа, ну максимум двух, мы же не хотим нарваться на летающую невидимку подводников, которая прилетит на помощь?

Его команда была готова ринуться в Сильюстани прямо сейчас, ноги мужчин, оседлавших моторо, жали на стартер.

— Погодите, я не всё сказал, — Браво лукаво прищурился на журналиста. — Сеньор Кортес, предоставляю вам замечательную возможность стать

героем войны: сегодня вы собственоручно замочите подводника. Поспешите экипироваться как следует. Сеньоры, все вместе поучаствуем в создании новой легенды: Александро Кортес, сотрудник аргентинской службы новостей «La Nacion», бежит из плена, расправляясь со своими мучителями. Прошу вас: успевайте фотографировать подвиги сеньора Кортеса. За каждый удачный кадр плачу я.

— Я не прочь взяться за фотоаппарат! — вызвался Кассий Борджия, в душе сочувствуя Кортесу, на которого сейчас было жалко смотреть.

Пришлось проявить энтузиазм — Борджия не собирался ехать в броневике, скорее всего предназначенном для подружки серебряного босса, Аниты, и группы девиц.

— Как ваши руки? — хозяин рудника перевёл на Кассия Борджия тяжёлый взгляд воротилы с криминальным прошлым.

— Есть четыре здоровых пальца! — бодро отрапортовал Борджия. Для съёмки вполне достаточно. Извините, если бы не это, — он поднял загипсованную руку, — я бы с удовольствием принял более активное участие в вашем рейде.

— Сеньор Кассий, охота опасное развлечение. Я пригласил вас, чтобы познакомиться и приятно провести время, и не хотелось бы сегодня потерять моего нового друга...

«Знаю, понял уже. Догадался. Сегодня — нет, а в любой другой день ты подставишь меня и не задумашся. Впрочем, это будет зависеть от степени моей полезности...»

Да, а Кортес серьёзно вlip!

Интересно, за что его так?

Уж не за то ли, что послужил посредником в неудавшемся деле Марии Хосе Агилар?

Пока Борддия пытался вникнуть в непростые игры здешнего туга, Гижермо Браво снова оказался рядом. Он был в отличном расположении духа и не стал утаивать причину своего веселья:

— Этот молодой журналист далеко пойдёт! В родной Аргентине Александро сейчас в списках без вести пропавших — сообразительный мальчишка, он взял и сам себя потерял. Только представьте: плачет мать, переживает папаша, любимая, а может, даже не одна, тоскует по ночам. Но это всё пустяки по сравнению с рейтингом, который можно поднять на небывалую высоту — сегодня или никогда! Отсидеться в Парагвае, вернуться мучеником, якобы вырвавшимся от демонов-подводников, и потом всю жизнь сочинять небылицы про то, каково бедняге Александро досталось в плену. Я люблю исполнять заветные желания, сеньор Борддия. Почему бы не помочь дружищу Кортесу? Пусть его мечта станет явью! — Гижермо Браво белозубо оскалился.

Кассий даже проникся уважением к хозяину рудника: двойная игра — это то, что надо. Александро заслужил свою участь.

Про себя он подытожил:

«Дерьмовому писаке представился случай стать исполнителем планов Аниты. Не за так, конечно. Браво отстегнул нужную сумму своей милашке, а журналюга ею распорядился. Несомненно, через Кортеса был нанят трубач для концерта Агилар. Не

важно, кто нашёл работника сцены, конченого кактуса, который за пай марихуаны рассыпал битый пексил поверх перекрытия площадки, но и здесь действовали через посредство Кортеса.

После инцидента вряд ли подводники возобновят даже минимальные культурные контакты с Сушей. Но птичка Агилар будет исключением, клянусь!

Теперь пришло время подумать о себе.

Чтобы не впасть в немилость у здешнего барона, придётся поучаствовать в лихой забаве, и желательно выйти из неё живым».

Борджия была крайне неприятна мысль, что скоро он увидит людей Моря в непривычной для себя роли, в его планы это никогда не входило...

Стоп!

А может, он приглашён именно для этого? Отсюда и разочарование хозяина, узнавшего, что у гостя повреждены две руки? Его прощупывают? И тогда игра, затяянная Браво, — тройная, а он, Кассий, в ней — пешка. Пока пешка.

* * *

Фред оценил обстановку в своём маленьком отряде. Все ребята оклемались, но не все ещё восстановили координацию движений.

Оружием, снятым с о-вэ, можно пользоваться вручную, хоть и с меньшей эффективностью. Плюс экзоскелет Фреда, плюс ножи у ребят и... надо было подумать об этом раньше:

— Хью, можешь разобрать кабину? Нам позарез нужны щиты, прикрыться.

Здоровяк впервые улыбнулся:

— А у тебя голова! Не хуже, чем у нашего Серого! Лейтенанта осенило: «У их предводителя Серого высокий индекс нью-джи!»

Он спросил:

— Кем ты был в своём рифе, Хью?

— Турбинщиком! — гордо ответил тот, расправляясь по очереди с заклёпками, соединяющими листы геликоптера. Монтажный инструмент, который вручил ему пилот, вмешивался в молекулярную структуру соединений, лишая их прочности. Довершила дело грубая сила. Правда, пластик слегка пострадал в местах заклёпочных швов, но в распоряжении отряда оказались восемь лёгких и удобных щитов из прозрачного пластика: пуленепробиваемого, способного надёжно защитить от струи из огнемёта.

— Мне доверили обслуживать большую турбину! — продолжал Хью с гордостью.

— А кем был Серый?

— Он учился на авиаредда!

«Ого!» — про себя даже присвистнул пилот.

Вслух добавил:

— Молодец был ваш Серый. Настоящий герой. Не печалься, Хью: он ушёл звёздной дорогой, для которой и готовил себя.

Фред вздохнул: «Скорее всего, все ребята с низким нью-джи. Если бы не Серый, век им воли не видать...

Теперь важно продержаться, пока не подоспеет подмога. Надо сказать об этом».

Лейтенант Фред набрал жидкого воздуха в лёгкие, разыпался и произнёс:

— Ребята! Солдаты Моря! Внешние едут сюда с единственной целью — убить всех нас. Они запом-

нят подводников такими, какими увидят в этом бою. И сделают выводы. Помните: рифы очень уязвимы. Рифы противостоят колоссальным давлениям глуби лишь потому, что люди Моря превыше всего ставят свой долг. И служат подводной цивилизации до последнего вздоха. Братцы, если Суша почувствует слабину, рифам придёт конец. Сейчас мы будем драться не за свою жизнь: мы будем драться за существование нашего мира!

Губы лейтенанта дрогнули. Он продолжил:

— Несколько поражений в этой войне, не важно, больших или малых, на море или здесь, в точке Силью, — и Суша, возомнив о своей силе, ринется в Великую Глубь. И народ Моря просто исчезнет. Знаете, для чего вам спина? За спиной каждого — наш великий народ!

В глаза ребят вернулся блеск. Те, кто ещё не мог владеть телом, плакали.

— Эх, Фредди, а хорошо ты сказал, понятно! Я сразу представил за спиной мою семью: маму, сестрёнку, бабулю и даже прапредка, как он обживал риф. Я турбинщик в третьем поколении, мой дед погиб, устранивая неполадки на энергоблоке. И я умру, защищая всех подводников и моих друзей: и Серого, и Вана, и Анджея, и тебя, братишка!

Лейтенант подумал, что, вообще-то, о спине он добавил просто так...

— Боб, — подозвал приятеля Хью, — тебе говорю: береги нашего пилота. Его экзоскелет самый лакомый кусок для внешних, ему будет труднее всех. А теперь командуй нами, лейтенант Фред!

Пилот, поколебавшись, притянул здоровяка поближе и сказал:

— Хью, если случится так, что я погибну раньше тебя, постарайся глотнуть хоть каплю моей крови. А лучше побольше. Сделаешь?

Тот испуганно потряс головой:

— Слыхал я всякие байки, внешние — мастера их выдумывать. Типа мы едим мозги. Но чтоб ты...

— Хью, в моей крови концентрат с информацией об эксперименте.

— Так что ты молчал? Давай прямо сейчас! — предложил Хью.

Фред, глядя на катившую по дороге гоньбу, решил, что здоровяк прав.

Пустил себе кровь.

Хью без энтузиазма, но старательно сглотнул.

— Маленького глотка точно хватит? — спросил он, страдальчески морщась и облизывая губы.

— Должно хватить, — ответил Фред, прикидывая, что кровоток за это время должен был успеть разнести информацию во все клетки организма.

— Боб, иди и ты, позавтракай нашим пилотом! — распорядился Хью, прозорливо решив, что двойная подстраховка в их положении не помешает. — Ещё кого кликнуть? — участливо глянул он на Фреда.

— Хорошо бы, да некогда. Уж вы, вампиры Силью, сами устройте пирушку на моём свежем трупе, сделайте одолжение!

Они наблюдали, как оживились переговоры по радиоции между карабинерами и отрядом охотников, те не хотели терять время и выясняли рекогносцировку на ходу. Когда самоходка подняла пыль на послед-

нем вираже дороги, карабинеры, как по команде, уселись в свои внедорожники и рванули прочь. Это не их игра, и пешки поспешили освободить доску для крупных фигур.

Криминального вида крепыши на эм-ро, бывалые охотники, съехали с дороги, принялись кружить по альтiplano, внимательно изучая высотку, которую облюбовал маленький отряд беглецов.

Описав пару кругов на безопасном расстоянии, оценив обстановку, головорезы решили выкурить свои жертвы и стали обстреливать их, вынуждая солдат Моря перегруппировываться вокруг каменной кульпы. Те и головы не могли поднять. Благо невысокие камни и остов искорёженного о-вэ служили хоть какой-то защитой.

* * *

Кассий Борджия поглядывал на небо.

Вскоре ему пришла мысль поднимать объектив камеры, делать снимки безмятежной утренней синевы, начавшей затягиваться облаками, и как можно чаще их просматривать.

«Кто-то сдохнет сегодня под таким вот счастливым небом!» — подумал он.

Высотка впервые плюнула огнём.

Короткая очередь из автомата лейтенанта Фреда подловила сразу два эм-ро: нарезая круги, те съехались слишком близко. Стрелок метил в технику, чтобы наверняка, понапрасну не тратя боевой запас, не

пополненный перед этим, последним, вылетом, предполагавшим короткий и безопасный перелёт с базы и на флагманский корабль.

Водители эм-ро кувыркнулись через руль на всём ходу. Но эти молодцы оказались в отличной форме: умело приземлились, перекатились на спине и лихо вскочили на ноги. Остальная банда обрушила шквал огня на высотку, прикрывая спешившихся приятелей. Те несколько секунд поколдовали под своими моторо и поволокли стальных коней прочь, на безопасное расстояние.

— Что дальше? — спросил Хью, проводив глазами два подбитых эм-ро.

Фред сосредоточенно прилаживал оружие, снятое с геликоптера. Поднять его мог только он да верзила Хью. Никому из ослабленных ребят это было не под силу. Фред ответил, ощерив зубы:

— А ничего! Нарастят жидкую резину на пробитых колёсах, на это понадобится минут двадцать, и вернутся.

— Зачем стрелял низом?

— У меня зарядов — как пузырьков в стакане.

— Внешние сказали бы: «Кот наплакал».

— Кот?

— Наш нанокити, только крупнее раза в два. Их тут без счёта, этих котов. Живут даже без хозяев.

— И плачут помаленьку?

— То-то и дело, что не плачут. Никогда.

Фред вдруг расхохотался. Хью тоже засмеялся, обнажив гнилые дёсны.

«Год плена!» — ужаснулся пилот и закрыл рот, оборвав смех.

— Что делать будем? — со стороны поинтересовался Боб.

— Пока — лежать, не поднимая головы. При перемещениях прикрываться щитами. Скоро они поймут, что мы тянем время, вот тогда держитесь: начнут выкуривать.

Огнемёт внешних заработал быстрее, чем ожидал Фред.

Иштвану не сиделось; его и полили огнём, испытав на прочность прозрачный полимерный щит. Ишти присел от неожиданности, когда в нескольких дюймах от носа взметнулась и остановилась оранжевая стена пламени, жаром облизав кусок обшивки о-вэ. К счастью, он не выронил щит, но был близок к этому: сильно сдвинул пластик. Через отверстие от выдраных заклёпок в верхней части щита пламя прорвалось и опалило ему ресницы и брови.

— Делайте выводы! — крикнул Фред остальным, краем глаза увидев, что случилось с Ишти.

И понял, что пора выпустить все заряды, пока охотники не спалили его огнестрелы. Высотка плюнула огнём сразу по трём направлениям: это с оружием с разных сторон кульпы засели Фред, Боб и Хью. Невозмутимый Боб расстрелял одного охотника. Тот свалился с эм-ро, покатился по земле, и стало очевидно, что выбыл из игры навсегда. Коротко вскрикнула сирена с самоходки, оплакав убитого бойца. Охотников словно подстегнули, они опять перегруппировались, каждый навесил на пузо тяжёлый огнемёт, и кольцо вокруг высотки стало сжиматься. Сделалось жарко, меж камнями темнела спёкшаяся корками

почва, горела синтетическая одежда на солдатах, оплавляясь и прилипая к коже несчастных. Боль облегчили бы талисманы, но талисманов у ребят не было. Фред обругал себя за то, что не успел пустить в ход парализатор: бить импульсом против стены огня теперь не представлялось возможным.

— Хью, отправь кого на верхушку кульпы, пусть берёт сдохшую пушку и хоть пошевелит ею там. Надо отвлечь огнемётчиков. У меня ещё в парализаторе оставался один разряд...

— Понял. Я полезу. Возьму свой ствол, у меня тоже осталась обойма.

Взобраться на кульпу незамеченным ему не удалось: внешние на юрких эм-ро шустро кружили. Автоматные очереди били по человеку, карабкающемуся в каменный цилиндр. Рухнул с простреленной грудью ещё один солдат, прикрывавший отход Хью своим щитом.

Охотники не сутились.

На безопасном расстоянии кружились два эм-ро с парным экипажем. Фред и Боб давно обратили на них внимание. У одного пассажира часто поблескивал объектив камеры, которой он вертел во все стороны.

Фред подумал, что, пожалуй, пора пожертвовать о-пластом, настроив его на далёкую цель: вряд ли личное оружие понадобится в ближнем бою. Да и будет ли он, ближний бой? Один выстрел на расстояние до тысячи футов обесточит о-пласт, но зато пуля наверняка дотянется до того, кто наблюдает за смертельной игрой, чувствуя себя в безопасности...

Кассий увидел тонюсенькую иголку, на долю секунды вспыхнувшую ярче солнечного дня. Микровспышка была внушительной даже через объектив, который он как раз нацелил на холм с кульпой.

Внутри всё похолодело — это выстрелил о-пласт последней модели. Раз вертолётчик пустил в дело личное оружие, прекрасно зная, что тем самым обеспечит его, значит, у подводников выдохлись огнестрелы. А о-пласт бьёт без промаха. Даже по движущейся мишени. Этакая разовая самонаводящаяся карманная ракета. И сейчас заряд летит по его душу. Или к серебряному барону. Или к самоходке с подружками охотников...

Кассий на всякий случай простился с жизнью.

Моторо хозяина шахты занесло: на руле безвольно обвис водила.

Борджия изо всех сил вцепился здоровой левой рукою в дужку поручня и напряг мышцы ног, сжимая бока стального коня. Его водитель чудом успел вильнуть в сторону, предотвратив столкновение. К счастью для Борджии, поворот вправо позволил ему удержаться левой рукой и не свалиться.

Гижермо Браво, падая, умудрился подмять под себя мёртвого водилю и благодаря этому остался невредим.

Кассий и его водитель подбежали к боссу и помогли тому подняться.

На челюсти хозяина кровоточила содранная, как наждаком, кожа. Гижермо морщился; неглубокая рана оказалась очень болезненной. Серебряному барону не хотелось отвлекаться от охоты, но пришлось немедленно обрабатывать подбородок и скулу: рана

была бурой от пыли. Кассий не мог не заметить на тюбике ранозаживляющего спрея знак волны и буквы ФМ (Флот Моря) в круге с двойной обводкой.

Высотка молчала.

— Расстреляли весь запас! — констатировал Браво, с трудом шевеля ртом и поглядывая на часы. — Пора, выпускаем нашего друга Кортеса, — скомандовал он по радио. — Вот сейчас начнётся самая потеха, сеньор Борддия! Кстати, можно подобраться поближе: зверь обломал зубы.

Борддия удивлённо смотрел на Браво: заряд из о-пласта должен был пробить навылет и водителя, и пассажира... У серебряного барона на теле что-то ещё, кроме обычного бронежилета...

— Стальной пояс — часть доспеха моего предка. Передаётся по мужской линии пять столетий. Талисман рода Браво, — подмигнул Гижермо, ткнув пальцем в пробитую на животе дырку в бронежилете.

Кассий не поверил.

Удар в стальную пластину на животе должен вырубить ездока и выбить его с сиденья эм-ро. «У тебя под бронежилетом фрагмент экзоскелета солдата Моря, тот действительно амортизирует за счёт коллагеновой прослойки. Хреново!» — подумал он, не совсем отдавая себе отчёт в том, что именно плохо.

* * *

На высотке в мрачном ожидании пластались семь оставшихся в живых солдат во главе с пилотом. С вершины кульпы не отзывался восьмой — Хью.

Попытки дозваться здоровяка были безрезультатны. Похоже, Хью замолчал навсегда...

Фред запретил лезть в кульпу. Рядом с ним и так остался лишь крепыш Боб, остальные бойцы слишком ослаблены. Солдату, страдавшему от ожогов, лейтенант успел ввести последнее лекарство, но оно не помогло: парнишка скончался на руках товарищей.

Щитов теперь хватало на всех. Восемь кусков пластика на восьмерых. Кроме того, тело лейтенанта Фреда бережёт экзоскелет, Хью в башне защищён камнями или похоронен среди них...

— Кто из вас высунется из-за щита, будет побит камнями мною, собственноручно! — пригрозил Фред своей команде, чтобы поддержать боевой дух.

Самоходка, до этого сделавшая несколько абсолютно бездарных выстрелов с огромным перелётом, словно кто-то нарочно не хотел попасть в цель, ещё раз изрыгнула огонь. Этот выстрел снес половину кариесного зуба кульпы. Стены расширяющейся кверху башенки обрушились вниз.

Фред упал плашмя, прикрывая собою двоих солдат. Его доспехи выдержат удары камней, а вот ребята просто не успевают переместить щиты...

Хью, решивший не выдавать своё местонахождение ни словом, ни звуком, деловито соображал, как с большей пользой потратить оставшийся заряд? Но после выстрела самоходки, разворотившего кульпу, стал прекрасной мишенью. Он оглянулся и, не увидев стены, только что прикрывавшей его тыл, нажал спусковой крючок. Его расстреляли в спину, но па-

лец Хью ещё несколько секунд продолжал держать спуск, пока не кончились патроны в по-снайперски, основательно нацеленном оружии.

И ещё один охотник, расстрелянный умирающим Хью, вышел из игры: упал с эм-ро, и алое пятно расположилось из-под его шеи и растекалось по земле.

Второй охотник схватился за простреленное плечо.

Загонщики несли нешуточные потери...

— Сохрани мою кровь, Боб! Не смей умирать! — попросил пилот.

— Береги себя, Фредди! — со стоном ответил тот: его ноги завалило упавшими камнями.

— Боб, я оставлю тебя под щитом, привалю камнями — выдерзишь? Нужно спасти информацию. Нам не дождаться помощи.

— Проверь мою голень, — попросил Боб.

На ногах парня дрянная стоптанная обувь, вид которой красноречиво говорил об условиях, в которых держали несчастных пленных. Фред осторожно взялся за обнажённую костлявую щиколотку.

Боб вскрикнул от боли:

— Бездна! Нога сломана. Я уже не боец. Хорони!

Фред вдвоём с оставшимся в живых солдатом торопливо, стараясь быть незамеченными снизу, примостили камни поверх пластика, прикрывавшего бойца. Ноги Боба и без того наполовину были засыпаны пылью и обломками рухнувшей кульпы. Последнее, что видел Фред, когда нагребал пыль: Боб сильно зажмурил глаза, лицо его кривилось и дрожало от немого плача.

Пилот оглядел небо:
 — Что ж, в одном я уверен: нас похоронят свои.
 Они уже где-то близко.

По склону приближались внешние. Первый ступал уж как-то совсем неуверенно, спотыкаясь и ходулями ставя негнущиеся ноги.

«Идёт так, словно наделал в штаны», — подумал лейтенант.

Солдат рядом с ним сказал:
 — У меня хороший нож.
 — Колоть в бронежилет бесполезно, — напомнил ему пилот, — но шея-бёдра твои. Можно попробовать финт с падением и снизу — в живот или в пах.
 — Бррр.... — перекосился солдат Моря.
 — Ты хоть раз резал человека?
 — Ключевое слово «резал». Нет. А ты?
 — А то не знаешь. У нас не принято готовить к рукопашной. А с этими, с охотниками, надо бы. Выживу — так и скажу. Значит, лежим и не двигаемся, братишка. Приблизятся — бьём снизу под бронежилет. Если нас не расстреляют на подходе.

— Думаю, пока стрелять не станут, — шёпотом ответил парень; наступающие уже подошли близко. — Охотники любят кураж. Ещё они любят фотографировать свои подвиги...

«Я заметил!» — подумал лейтенант Фред.
 Прикрыл глаза, так, чтобы видеть врага, и подобрался, готовый к последнему рывку. В недрах его экзоскелета сработала чуткая электроника, настроив все системы на троекратное увеличение мышечного усилия.

* * *

Кассий бегло просмотрел последние несколько снимков, причём его интересовало больше небо. Задорал в ухо водителю:

— Быстро, к боссу! Это важно! Гони!

Безумный вид Кассия подействовал на водилу, он рванул так, что пассажир едва не слетел с сиденья.

В самый напряжённый момент охоты к Гижермо Браво с противоположной стороны высотки, решительно и наперерез, стал приближаться моторо, нёсший Борджия. Борджия загребал рукой в сторону самоходки. Жесты были красноречивы и означали: «Немедленно уходим отсюда!» Вскоре до Браво донеслись слова.

«Что случилось?» — прокричал Браво против внезапно налетевшего ветра, яростного, холодного.

Кассий Борджия отчаянно жестикулировал здоровой рукой, рискуя свалиться на землю. Два моторо съехались и покатили рядом. Борджия показал пальцем себе за плечо, на запад, в пустое небо. Увидев недоверчивую мину серебряного барона, Борджия крикнул: «Скоро..!»

Последние слова Гижермо Браво не разобрал.

Борджия скомандовал своему водиле, тот заложил крутой вираж, и моторо с гостем помчался в сторону самоходки, в которой укрывались девушки.

Гижермо Браво не был бы так успешен, если бы презирал осторожность. С огорчением глянув на охоту, которая закончится без него, он поспешил за

странным гостем, на ходу придумывая, что сделает Кассио Борджа, если тот поднял ложную тревогу.

Самоходка с эскортом из двух моторо успела развернуться и выскочить на дорогу.

Кассий настаивал, чтобы охотникам немедленно дали сигнал к отступлению.

Гижермо медлил — те уже сжали кольцо вокруг развороченной кульпы на вершине холма.

Наконец сирена звякала.

В небе что-то сдвинулось: словно на фотографии облаков вырезали овал и сместили так, что края уже не совпадали с окружающей панорамой. Гижермо Браво в смятении глядел, как овал теряет свою защитную маскировку, и платформа, показавшаяся размером со стадион, не меньше, и почти плоская с виду, стала надвигаться, закрывая собой зенит.

* * *

Неуклюжий и с негнущимися ногами, охотник шёл туда, где лежал под щитом Боб.

Лейтенант Фред зло сцепил зубы: засранец своими ходулями сейчас наступит на покалеченного парня. Фред плонул на тщательно продуманный алгоритм действий и вскочил: сначала нужнонейтрализовать этого... Внезапно выпрыгнувший из-за камней пилот вызвал ужас, таким сверхчеловеческим был прыжок. От неожиданности охотники дёрнулись, как ужаленные; пальцы, сжимавшие оружие, побелели, глаза выкатились, рты открылись. Они непроизвольно отшатнулись, повернув стволы кто куда.

Фред набросился на того, кто шёл прямо на Боба. В распоряжении лейтенанта было немного времени: экзоскелет не творит чудеса, лишь помогает телу, принимая на себя часть напряжений. И ещё Фред понимал, что он пилот, а не спец, что это первый его бой, что тело и экзоскелет впервые взаимодействуют в экстремальном режиме...

Подняв внешнего, как тряпичную куклу, лейтенант в ярости встряхнул человека, отметив периферийным зрением, что охотники не решаются ударить очередью, пока он держит их дружка... И увидел перед своим забралом обезумевшие от ужаса карие выпученные глаза с жёлтыми прожилками в уголках. Человек трепыхался, истерил и кричал без остановки по-испански: «Я журналист! Журналист! Журналист!»

Краткого курса испанского, пройденного в учебке, оказалось достаточно, чтобы понять свою жертву. Фред пожалел, что так бездарно потратил первый импульс. Волоча за собой журналиста с мокрыми штанами и соплями, которые можно было наматывать на кулак, рванулся ко второму охотнику и размозжил ему голову одним ударом, прежде чем почувствовал, что мышцам уже не помогает электроника. А состояние аффекта с мощным выбросом адреналина у рассудочных людей Моря наступает крайне редко — главный их недостаток в рукопашной...

Охотники, меньше всего жалея журналигу, открыли огонь по лейтенанту. Но засранец Кортес родился в рубашке и успел свалиться к ногам пилота, которого сейчас поливали огнём.

Стреляли со знанием дела: трассирующими пулями, стремясь попасть в одну линию и выстрелами разрезать экзоскелет.

Пилот рванулся к парализатору, хотя понимал, что вряд ли ему подарят несколько секунд, чтобы развернуть и нацелить снятый с о-вэ массивный генератор импульса. Он-то надеялся, работёнку сделали его ребята... Но всё говорило за то, что возле последнего орудия в живых не осталось никого.

...Охотник внизу нацелил огнемёт на трупы у подножия холма.

«Не сейчас!» — подумал лейтенант и бросился на перерез огнемётчику.

...Экзоскелет разошёлся чуть выше коленей, не выдержав плотной стрельбы. Обнажилась плоть. Парень рухнул, как подкошенный, лицом кверху, разметав руки, не добежав нескольких шагов до своих мёртвых пассажиров.

Охотники издали победный клич.

Фред видел: к нему подошёл кареглазый, назвавшийся журналистом и, ухмыляясь, прицелился в лицо. А с высокого неба прозвучал грозный аккорд.

* * *

По петляющей дороге прочь от Сильюстани мчалась самоходка. Резко остановилась, а затем дала залп по плоскому овалу, обозначившемуся среди облаков в небе над Силью.

Ровно ничего не случилось, если не считать того, что летающая платформа подводников стала терять завесу.

— Они сошли с ума! — крикнул Кассий. Его водитель покрутил головой, выражая непонимание. — Теперь самоходке конец, этого им не простят!..

Водитель кивнул.

Моторо ушёл в сторону от самоходки. За спиной Кассия в небе раздался короткий торжественный аккорд, затем ещё один. Он знал: это вокруг разбитой кульпы добивают охотников. Семь аккордов, семь прицельных попаданий — и тишина. С охотниками покончено.

— Велите девушкам срочно покинуть самоходку! — кричал Борджия. Двигатели моторо ревели, но наконец серебряный барон расслышал его.

— И?! — ответил недоумением Гижермо.

— Прикажите всем покинуть самоходку! Женщины пусть распустят волосы, снимут шлемы и куртки и могут подождать на дороге приезда каратинеров, подводники женщин не тронут, — на ходу объяснял Борджия, — но машине конец!

Гижермо, озабоченно сузив глаза, дёргая лицевыми мышцами из-за разбитого в кровь подбородка, отдал приказание по радио.

Они уже отъехали на пару километров; диск подводников завис в отдалении и начал спускаться ниже. Кассий Борджия не знал эту модель летательного аппарата. Подумалось: он многое упустил за последние пять лет, живя вдали от баз Моря.

Маленький караван остановился. Два моторо и самоходка — вот и всё, что осталось от гоньбы, всего полчаса назад крутой и безжалостной.

Анита высунулась из люка, вид у неё был разухабистый. Кассий мог поклясться, что сиськастая нали-

заялась вусмерть. Она схватила в горсть свои роскошные кудри, ветер растрепал их и закрыл ей лицо.

— Гижермо! — верещала Анита. — Это я стреляла! Водила был против, но я выстрелила! Уволь его! Этому парню с нами не по пути! Ты видел, я сделала это! Давай ещё пальнём!

— Не смей! — рявкнул Браво. — Выходи и пересаживайся ко мне...

— Разбежалась! Катись ты!.. — Анита подкрепила слова выразительным жестом и свалилась в чрево самоходки.

Из машины вылезли только две девушки и стояли на дороге, не зная, что делать дальше.

Кассий Бордзия жестом показал одной садиться ему за спину. Её приятельнице кивнул на моторо Гижермо Браво:

— Сеньор Гижермо, возьмите девушку к себе. Скажите, чтобы распустила волосы. Так. Постарайтесь не потерять её, сеньор!

Кассий был зол и раздражён. Зловеще свёл брови над переносицей и снова распорядился:

— А теперь — сматываемся отсюда на полной скорости, и, что бы ни случилось, не останавливайтесь!

Отставшую самоходку накрыло выстрелом.

Жаром опалило волосы девушек, прикрывавших спины пассажиров моторо.

Смерть прилетела со стороны трижды проклятого селения Сильюстани.

* * *

Экипаж электо убедился, что противник разбит. Оставили без возмездия лишь несущиеся прочь эмро, увозящие девушек. Летательный аппарат под-

водников стал спускаться. Внушительная карусель, лишь отдалённо напоминавшая гигантский плоский диск, какой казалась в небе, плавно приземлилась. Из электо выпрыгнули солдаты Моря, быстро перенесли в кабины трупы своих ребят. Внешних оставили лежать там, где их застала смерть.

Обнаружили ещё одного парня под завалом из камней и крошева. Солдат бредил: он провожал друзей звёздной дорогой.

«Фред во мне! Меня надо расшифровать!» — твердил он без остановки, пока его переносили внутрь электо.

Над ним склонился медбрать, вдавил под кожу крохотную колючку — шприц; наклеил на тело несчастного пузырчатые пластыри с инъекцией. Если кому-то из внешних довелось увидеть подводника, заклеенного этими пластырями, то понятно, откуда пошла презрительная кличка для людей Моря — «жабы»...

...Пластыри-дозаторы позаботятся о том, чтобы лекарства непрерывно поступали в кровоток.

«Спокойно, парень! — пообещал врач. — Спасём мы твоего Фреда. Пилот единственный из вашей команды, у кого с собой был талисман. Спасём обязательно!»

Уголки губ солдата дрогнули улыбкой. Он погрузился в сон.

Тем временем на пластырях на теле парня пропал штрих-код — сигнал того, что биохимия крови сложнее, чем должна быть в норме. Врач поспешил идентифицировал символы, подозревая, что обнаружит радиоактивный след. Результаты оказались сложнее. Сравнил с показателями крови тяжелора-

неного пилота. Пришлось сделать дополнительный запрос в центральную базу данных. Пришёл ответ: кровь обоих парней являлась хранилищем для мегабайта информации.

«Закачать столько информации в жидкость тела за один раз? Кто теперь поручится за психику этих ребят? И вообще, нововведение малоизученное, практически на стадии эксперимента. Неужели на этом каменном столе могло произойти что-то настолько серьёзное, что понадобились крайние меры предосторожности? На то, чтобы извлечь информацию, не навредив при этом, уйдёт несколько дней», — подумал врач и приготовился дождаться на базу о таинственных кодах в крови двоих тяжелораненых.

ПАУТИНА

ы спасли мне жизнь, сеньор Кассий! — серебряный барон Браво постарался изобразить сердечность. Он действительно был благодарен своему гостю до зубовного скрежета. Самоходка разбита, лучшие, самые преданные бойцы, не раз прикрывавшие зад своего хозяина, мертвы... Хорошенькое вышло развлечение! Чёртова шахта — такое начало!

— Я благодарю небо за то, что вы из-за травмы не принимали участия в охоте и находились рядом. Дьявол меня побери, сеньор Кассий, вам удавалось всё время быть на шаг впереди событий!

Кассий Борджия за утро несколько раз прощался то с жизнью, то с репутацией. Лишь полная лояльность обеспечивала ему, пусть и с некоторыми формальностями, доступ на базы Моря. От мысли, что невозвращенец Борджия будет замечен среди охотников банды Браво, ему становилось плохо: это означало, что все мосты будут разом сожжены, и собственное прошлое придётся похоронить. Пожалуй, легче потерять жизнь, пусть и перевалившую за по-

ловину, учитывая, что здесь доживают — в лучшем случае — до семидесяти...

Он никогда не обманывался насчёт своего отношения к внешним. Внешние годились лишь для того, чтобы служить основой для хитроумной паутины, которую Борджия плёл неторопливо, медленно, терпеливо, заново соединяя рвущиеся время от времени нити и испытывая удовольствие от самого процесса.

После охоты на подводников Борджия впервые всерьёз задумался: а правильно ли проживает эту свою одну-единственную жизнь? Лицо Марии Хосе Агилар и её ребёнка возникло перед глазами: приятное видение, одно из немногих, с недавних пор способное примирять с существованием, когда становилось нестерпимо паршиво...

Нужно быть начеку, закрутить разговор как можно скорее и смотаться из этого дьявольского места.

Кассий сказал:

— Вы были слишком увлечены охотой, сеньор Гижермо, иначе сами приняли бы нужные меры. Да спасибо вашей видеокамере: отличная вещь! В её объективе я и разглядел миракль морских в небе. А про то, что подводники щадят женщин, когда им удаётся идентифицировать их, вы знаете из прессы. Я всего лишь позабочился о том, чтобы морские разглядели девушек, прикрывавших наши спины во время отступления.

Местная пресса не станет распространяться о женолюбии подводников. Но ни доказать это, ни

опровергнуть хозяин сейчас не в состоянии, и значит, утверждение вполне пригодно, чтобы на него сослаться.

— Как у вас легко всё получается! — нервно рассмеялся серебряный барон, нюхом чуя, что гость не прост. — Вы знали и то, что подводники взорвут мою самоходку?

— Представьте, вы прилетели за сотни миль на сигнал бедствия спасать своих людей и получили разрывной из ствола самоходки. К тому же вражья техника намерила удратить и остаться безнаказанной. Что бы вы сделали в ответ, сеньор Гижермо? По-моему, самоходка была обречена просто по факту участия в охоте на людей Моря.

— Как бы то ни было, сеньор, я перед вами в долгу.

«Чем расплатишься?» — съехидничал про себя Кассий, умело спрятав презрительный блеск в глазах.

«Чем расплачусь?» — размышлял Гижермо.

Судьба тем временем задумала ещё увеличить его долг перед Борддия.

Кассий окинул взглядом не самое роскошное жилище — явно временное пристанище владельцев шахт, постоял у окна, выходящего на запад, в сторону далёкого океана.

Пальцы на левой его руке беспокойно сжимались, впиваясь в ладонь, онемевшую от напряжения во время бешеной езды по альтiplano. Неприятно чесался здоровый безымянный палец, который Борддия, перестраховавшись, упрятал под бинты.

Он произнёс в задумчивости:

— Извините, что вынужден снова выступить с мрачным прогнозом. Не следует задерживаться здесь. Если вы другого мнения, сеньор Браво, или вас держат дела, то позвольте мне попрощаться с вами. Было очень... назидательно.

Борддия достаточно осторожен, чтобы позволить себе неприкрытую иронию после того, как погибли четырнадцать мужчин и пять женщин, — последняя фраза прозвучала скорее смиренно-философски. Но у Гижермо Браво заходили желваки.

— Ну, что ещё вы видите в окне, мой ангел-хранитель? — буркнул серебряный барон.

Кассий резко развернулся:

— Уезжайте отсюда, и немедленно! Вернётесь домой, обсудите в деталях с юристами, как будете отпираться, если вдруг найдутся обвинители от прессы или общественных организаций в том, что вы замешаны в торговле людьми. Не удивлюсь, если такие объявятся и будут хорошо проплачены и против вас и вашего предшественника всплынут самые разные факты, но больше всего будет жареных.

— Вы предполагаете, таким образом подводники будут мстить? Подводные Колонии, насколько мне известно, принципиально не считают Сушу территорией своих интересов...

— Всё меняется в этом мире, сеньор Гижермо, — загадочно произнёс Кассий. — Я тоже до сих пор не слышал об охоте частного лица на солдат Моря с таким размахом и применением боевого оружия. А источники у меня, уж поверьте, разнообразные. Да, вот ваша камера, проследите, чтобы

ни один кадр не попал в случайные руки и не сыграл против вас.

Гижермо живо подхватил протянутую камеру, покраснев от досады на собственную нерасторопность: этого он действительно не предусмотрел...

Отдал распоряжения насчёт отъезда.

Задуманные кадровые перестановки отменил, решив, что сейчас не время.

Мчась по скоростной трассе, серебряный барон принял звонок с шахты. Доложили, что подводники заняли одновременно телефонную и радиолинию, объявив, что прииск, на котором держали в плену солдат Моря, будет взорван через сорок минут. На шахте царила паника, ждали указаний от нового босса.

Гижермо вспомнил быстрый и как будто испытующий взгляд Кассия Борддия, брошенный гостем при расставании. Тот даже не стал дожидаться, пока сеньор Браво разберётся с делами, не побрезговал лезть в старый драндуплет — местное такси — и умчался к шоссе, навстречу автомобилю, вызванному из аэропорта. Обещание гостя всегда быть «к услугам» сейчас казалось издевательством.

«А перец крут!» — озабоченно подумал серебряный барон.

— Прикажите людям выйти из штолен. Всем немедленно покинуть шахту! — рявкнул Браво и бросил трубку в крайней досаде, побагровев так, что глаза налились кровью.

Вскоре территория, удалённая от береговой черты на две мили, испытала на себе мощь межконти-

нентальных ракет подводников: несколько взрывов, точных, как укол шприца в вену, аккуратно разнесли перспективный прииск, где год работали пленники, превращённые в рабов.

В одночасье Браво был разорён, унижен и растоптан.

Он решил нализаться как следует, а назавтра вызвать Кассия Борджа. Пора или убрать гостя как свидетеля, или отблагодарить. Чутьё крупного воротилы подсказывало, что именно через посредничество Борджа есть шанс поправить сильно пошатнувшиеся финансовые дела. Настал наилучший момент слить небезопасную информацию, и Кассий, пожалуй, единственный, кто способен извлечь из этого выгоду. Выдав секретные материалы, Гижермо расплатится за спасение своей жизни, которую он оценивает в весьма немалую сумму. Но значение документов так велико, что можно ожидать ещё и доходов сверх того, если у Кассия Борджа хватит сметки продать их тем, кому они ещё нужнее, — подводникам.

Гижермо Браво с радостью распорядился бы секретными материалами без посредников, но сдерживал печальный опыт их предыдущего владельца. Тот расстался с жизнью при весьма загадочных обстоятельствах, как только намекнул, что пакет у него.

* * *

После охоты в альтиплано Кассий всем нутром ощущал, как начало сжиматься время и стремительно завертелись события, неумолимо втягивая его в свой водоворот.

Второе приглашение от Гижермо Браво дожнало его в Бу-Айсе. Кассий мысленно чертыхнулся и добавил пару русских ругательств, которым прозорливо научился, стремясь вытравить опасную на Суше привычку в минуты раздражения вспоминать безду.

Гижермо Браво осведомился, есть ли у сеньора Борддия свои проверенные люди. Если нет, он может предоставить в его распоряжение пару надёжных парней.

«Таких же тугодумов, как сам!» — ухмыльнулся Борддия.

Понятно: у основательно потрёпанного подводниками Гижермо Браво есть резервы, и он желает видеть участником новой авантюры Кассия Борддия. Очень некстати. Кассий занят выяснением другого вопроса. Нужно проверить личность юнца, притаившего букет для Агилар.

Кассий, как агент певицы, обратился в военную полицию «Лос Анхелас де ла Венгаса». Предлогом стало частное расследование угрозы жизни подопечной и музыкантов группы.

Его интересовало всё: был ли мальчишка со спасительным букетом частью чьего-то плана? Кто этот паренёк и как он оказался на концерте, устроенном на территории, подготовленной военными Моря, — понтонном острове? Почему запрыгнул на сцену, точно подгадав время разрушения декораций? Кто продал букет цветов, укреплённых на плоской плюшёной основе? Почему был выбран именно такой букет? Все эти вопросы, не слишком важные сами по себе, прикрывали главный интерес: вытащить на свет биографию парня.

Вскоре пришлось признать, что он, Бордзия, прошляпил не только изменения в инженерии воздушных судов Моря, но и в цветочных композициях Суши. На аргентинском побережье на пике моды оказались именно дорогие букеты, закреплённые в плетёном каркасе. Дороже их были только корзины, вмещавшие такое количество цветов, что в них при желании мог спрятаться целый взвод. А парня звали Такеда Такеда. Сыщики выяснили подразделение, в котором он служит, и чем занимается. «Его профессия называется «посредник по связям командного и рядового состава», — доложил Кассио полицейский. Увидев, как иронично дёрнулись уголки губ агента, добавил: «Проще говоря, информатор-пропагандист, сеньор. Пропагандист для рядовых, информатор для командиров. Должно быть, парнишка — пройдоха ещё тот: эта работёнка не каждому по плечу. Нет, не каждому!»

«Имя повторяет фамилию, — размышлял Бордзия. — Такие имена дают разве что приёмным детям». И спросил наугад:

— Парень попал к «Ангелам Мести» не с призывающего пункта?

— Да, сеньор, именно так! — слегка удивился сынщик, решив, что заказчик проверяет его работу. — «Ангелы Мести» два года тому назад, хм, как бы вам сказать, приобрели Такеду для особых утех. Мальчишка был контужен, не помнил прошлое, не мог сказать, кто он и откуда. Попользоваться не удалось, мальчишка оказался не промах и сумел постоять за себя. Кстати, по слухам, его появление у «Ангелов» не случайность. Говорят, след тянется к капитану Серхио Крабу, местному криминальному

авторитету. Скорее всего, выловил мальчишку именно Краб, а затем предложил его «Ангелам». Думаю, что капитан таким образом сводил старые счёты с одним знакомым в роте: научил пацана паре-тройке приёмов и подсказал, к чему готовиться и как поступить в случае, если к нему кое-кто проявит особый интерес. Мальчишка не подвёл своего, так сказать, учителя. В общем, дело дошло до командования, те нашли шуструму подростку лучшую компанию и полезное применение.

— Как он оказался на концерте Агилар?

— Закинул командиру мысль, что это ему необходимо для работы: поднимет его престиж среди новобранцев. А сам заключил пари чуть ли не с половиной дивизии, что красотка Агилар бросится к нему в объятия. Букет купил, спустив всё жалованье и свои накопления; всё потратил на цветы, чёртов портьерос. Пропуск для него выхлопотал старший офицер. Не за бесплатно, естественно. Эта нынешняя молодёжь просто куёт деньги из воздуха — такие расходы не каждому по карману! Да, под букетом у него была фотокамера. Подводники фотокамеру не разрешили...

— Пари хоть выиграл? — спросил Борджия, неожиданно отметив у себя тень лёгкой неприязни к юнцу.

— Ещё бы! Он сейчас герой дня и пожинает лавры! — осклабился офицер.

Похоже, разгадка близка. Несколько косвенных, но красноречивых деталей биографии говорило о том, что юный Такеда и есть мальчик Йон, спасшийся с ТОГО судна...

В события, за которыми последовало начало войны между Сушей и Морем, Кассий был посвящён даже лучше, чем ему бы этого хотелось. И предпочёл бы забыть их. На Суше сделать это было проще: всё, что произошло на палубе корабля в тот свежий и ветреный день, для внешних не имело значения...

Оставалось лишь найти и сравнить фото Йона с фотографией Такеды, но, чтобы дать запрос на фото, надо попасть на базу Моря. И покрутить мозгами, как обосновать свой интерес.

Кассио пришла в голову удачная мысль: а ведь можно поступить проще. Бывшая супруга, Зелма Даугава Вилкат, не подозревая, кто заказчик, пишет статьи о жизни в Подводных Колониях для его журнала. Что, если действовать через неё и заказать текст о ребятишках Моря? И распорядиться вложить среди других-прочих и фото погибших на «Касатке» детей? Вряд ли Зелма способна разразиться серьёзной обличающей или политической статьёй. Наверняка у неё, как обычно, получится лёгкая дамская проза, полная сантиментов. Это может прокатить, даже с вложением портретов детей — первых жертв войны, и тогда уже послезавтра фото Йона будет у Кассия на столе. Параллельно надо порыться в прошлом Марии Хосе Агилар, а пока через помощника справиться о её здоровье и готовности к новым концертам. Пора делать деньги. Кассий Борддия несёт нешуточные расходы из-за своего любопытства...

Какой сюрприз ожидает его у Гижермо Браво?

Браво, с лицом, опухшим от ночной пьянки, и с пластирем телесного цвета, нелепо контрастирующим с иссиня-чёрной щетиной подбородка, встретил гостя. Серебряный барон уже вернул себе привычную самоуверенность и вручил гостю пакет, не скрывая, какого рода материалы доверяет Кассию, их значение для хода войны и, соответственно, стоимость в определённых кругах.

В пакет был вложен закодированный электронный носитель подводников, к нему обычный альфа-флеш с перечнем документов, скрытых от прочтения под кодами. Кассий Борддия познакомился с перечнем секретных вложений, и его охватила лихорадка действия. Он торопливо опрокинул в рот бокал неплохого вина. Плохое и даже условно хорошее бырло, оголтело рекламируемое, Кассий не принимал, нюхом чуя подделку. Но вино в баре Гижермо было настояще. Немного расслабиться сейчас было необходимо: после получения пакета с документами у Борддия даже шерсть на холке стояла дыбом.

Он вытряхнул на стол всё, что лежало в пакете, — несколько принтерных распечаток со столбцами цифр, посмогражал, что бы это значило, и решил, что двунадесять цифр — коды, помогающие добраться до закрытой информации. Были фотографии военных и штатских и один бытовой кадр, с непонятной целью оказавшийся среди секретных материалов. Фотография, датированная двумя месяцами ранее, снята явно в каком-то рифе во время Дня Морской Волны: перспективы в кадре не было, словно снимок делали в помещении, и на плечах людей и вокруг них

лежала и порхала цветная мишуря в виде рыбок и осьминожек...

Хе!

Хе-хе!

Пожалуй, он может точно назвать место: это столичный риф Союз. Борддия даже заёрзal, когда увидел, кто так эффектно запечатлён в жарких объятиях незнакомца с причудливым окрасом локонов и косицей на затылке...

«Оп-ля, дорогуша! Рад за тебя, рад!...»

Он степенно вернул фотографию в конверт, а разъезжавшиеся мысли — к разговору с серебряным бароном.

Тот у стойки собственного бара заливал крепкими коктейлями расставание с опасными секретами.

Но для Кассия риск был пустяком по сравнению с открывавшимися перспективами. Ему с трудом удалось скрыть лихорадочное волнение. Не терпелось познакомиться с содержанием записей и обдумать таинственные пометки на обратной стороне фотографии влюблённой парочки.

Гижермо Браво прав, путешествовать без охраны теперь было бы опрометчиво. И Кассий прямо из резиденции нувориша стал улаживать формальности с отбытием на ближайшую базу Моря. Доверенную ему информацию нужно сохранить во что бы то ни стало, и чем скорее он передаст документы представителю Подводных Колоний, тем лучше.

Его кипучая деятельность не ускользнула от Браво. Серебряный барон понял, что не ошибся: долг Кассию Борддия оплачен достойно, оставалось ждать дивидендов.

* * *

Борддия недолго думал, какой повод указать как причину визита на военную базу. Диспетчеру подводников он представился агентом певицы Марии Хосе Агилар и выразил горячее желание лично передать благодарность офицеру, предотвратившему трагедию на сцене.

Ему выписали пропуск.

Парень, толкнувший лист пексила в глубь сцены, оказался магистром. Ничего особенного: магистр Артемий Валевский, эксперт-аналитик Главного Управления Подводных Колоний, стратег, обер-лейтенант — титулов набралось на две строчки визитки.

«Удачнее и быть не могло! Прямо в яблочко!» — ликовал Кассий, предвкушая встречу.

Любой офицер штаба по своему рангу подходящая кандидатура для того, чтобы начать переговоры насчёт секретных материалов. Но чиновник Главного Управления не просто подходящая кандидатура — это ферзь. Хорошее начало!

Он прибыл на базу и, томясь в ожидании визита, зашёл в электронную почту Подводных Колоний. И обнаружил среди обычных рассылок несколько старых писем. Кто-то в рифе Союз ещё пишет Борддия? Оказалось, его давешний подельник, соглашившийся носить корректирующий браслет и вполне довольный своим положением, сейчас работал с уведомлениями населению, вспомнил о нём, и время от времени слал письма. Бывшая Кассия — куколка Зелма — разом похоронила троих братьев. Недавно её видели в компании чиновника Главного Управ-

ления на грандиозном митинге. Есть даже фото: об этой масштабной акции говорили все газеты и не- мало трещали по о-кубо. Кассий, собрав весь свой стоицизм, уже ничему не удивляясь, пялился в кадр видеохранники, запечатлевший в толпе бывшую супругу за руку с представителем ГУ, офицером, пропуск к которому лежит в кармане... Ошарашенный агент на всякий случай увеличил масштаб и прочёл на нагрудном бейдже имя служащего: «Артемий Валевский».

«Только очень высокий ньюджишник носит хакама. Он разок-другой заезжал к Зелме и увозил куда-то, я ведь по-прежнему живу по соседству...» — писал подельник, ничуть не смущаясь, что, возможно, будит в своём адресате угасшие воспоминания о бурной любви, потянувшей его приятеля даже на регистрацию отношений. По старым делам он знал, что Кассий не из тех, кого нужно щадить, фильтруя информацию. Наоборот, тот всегда был жаден до самых ничтожных подробностей и умудрялся любую новость поставить себе на службу...

Бордюжия явился на встречу с Валевским, чувствуя себя, как сказал бы серебряный барон, на шаг впереди.

В голове сложился изощрённый план.

Давно Кассий не испытывал такого щекочущего предвкушения красивого развода на бабки плюс добивание клиента точным попаданием в трепетное сердце.

Он даже покрутил головой, настолько приятны были эти мысли.

* * *

Валевский призвал на помощь всё своё самообладание.

Бывший Зелмы, Валентино Кавалли, состряпавший у внешних документы на имя Кассия Борддия, — скользкий тип. Его появление не сулило ничего хорошего, а если не врать себе, было неприятно до зубовного скрежета. Профессор Савельев прав: инстинкты продолжают править плотью.

За Кавалли тянутся откровенно мутный след, мутный ещё и потому, что никто толком не может сказать, в чём его грешки. Арт в состоянии узнать, но это не по его ведомству... А грешки есть, и нешуточные. Кавалли приписывают шпионаж на Суше, незаконную торговлю под прикрытием бизнеса в сфере развлечений, издательскую деятельность параллельно с нечистоплотной рекламой, построенной на откатах, — всё, за что ни берётся этот парень, на поверку оказывается с душком. Впрочем, он всегда был таким, потому и вылетел из Колоний без права вернуться. Следующим шагом для невозвращенцев становится лишение гражданства, и тогда даже искусственные острова, а также автономные территории Моря закрыты для них, и ребятам остаётся одна дорога — к внешним, и отнюдь не в университеты...

Невозвращенцы почти всегда, за редким исключением, продолжают ходить по краю. И не брезгуют никаким способом перехватить морских кредиток или «зелёных» — международной валюты Суши.

— Привет! — фамильярно осклабился визитёр, разворачивая кресло местной работы, стоящее напротив стола Валевского.

Чуть щербатые белые зубы придавали гостю несколько плотоядный вид. Агент Марии Хосе Агилар производил впечатление хищника: потяжелевшего (известное дело, продукты Надмирья — в основном низкокачественная несбалансированная дрянь), но подобранныго, настороженно осматривающего всё быстрым взором. Самоуверенного хищника.

«В рукаве припрятан козырь, — сделал вывод Валевский. — Но Кавалли хитёр, придержит его до последнего. А пока козырь греет ему душу и накачивает самоуверенностью так, что ещё немного, и пар пойдёт из ушей».

Артемию стали понятны тревога и брезгливость Зелмы, когда она вынуждена была вспоминать о бывшем.

Подобный тип мужчины должен вызывать беспокойство у чуткой женщины — это естественная реакция, на клеточном уровне сигнализирующая об особи, щедро наделённой лишь инстинктами выживания самого низкого, первого порядка. Как случилось, что Зелма Даугава на два года стала добычей этого предприимчивого бабуина?

Следующая мысль чуть не вогнала Валевского в краску: отчётливо представилась другая Зелма, какой она была наедине с ним: длинная узкая спина, бёдра и ягодицы, округлее и сочнее, чем можно ожидать у танцовщицы с такой тонкой и гибкой фигурой.

У Валевского на миг замерло сердце, глаза полузакрылись. Усилием воли он взял себя в руки, про-

контролировал дыхание и вперился взглядом в лицо гостя, приказав себе сосредоточиться на разговоре.

Кассий правильно уловил эмоцию в мимолётном движении век обер-лейтенанта:

«А ведь ты должен ревновать чёрненькую сучонку к её прошлому!»

Мысль его позабавила.

Ревность нынешнего хахаля Зелмы может сослужить ему хорошую службу. Зачем тянуть, если можно уколоть Валевского прямо сейчас?

«Хе, — подумал он не без сарказма, — хе! Здесь хватает девочек для тех, кто настойчиво ищет встречи с ними. Подслеповатый цифроед небось и не думал об этом. Сколько месяцев ты без бабы, недоспавший бычара? Ты трахаешь свои сводки и рыкаешь распоряжения подчинённым, пряча воздержание под деловитостью. Ну-ну...»

— Обер-лей Артемий Валевский, — официально начал Кассий, он же Валентино Кавалли, собрав лоб в складки и саркастически подняв брови, — рад возможности встретиться с вами. Вспоминаю, — Борддия не удержался от пошловатой усмешки, — нашу общую знакомую Зелму Даугаву Вилкат. Может быть, вас не затруднит передать сеньоре мой привет и наилучшие пожелания? — Он сделал жест рукой вниз. Люди Суши используют этот жест, когда имеют в виду рифы подводников.

«Подводники в представлении внешних сейчас заняли место древних демонов Нижнего мира», — подумал Валевский, чтобы не думать о другом.

Вернее, о другой.

Он отделался официальным кивком. Самое лучшее в его случае — это расслабиться и слушать.

— Приветствуя вас. Чем обязан?

Ответ ему удался. Вежливый деловой разговор, и не более.

Даже у Кассия мелькнуло сомнение: а не ошибся ли он, недооценив противника? Аналитик как будто достаточно толстокожий...

— У меня есть несколько новостей для вас, причём одна из них личного характера...

Валевский снова невозмутимо кивнул.

«Вот твой козырь!»

Игра начинала ему нравиться.

Сидящий перед ним пасует перед низкой эмоциональностью. «Страсти — стихия подлого мужа», — прозвучала в голове древняя китайская мудрость.

— Слушаю.

Арт, начиная чувствовать превосходство борца, нащупавшего единственно правильную тактику, уселся поудобнее и расположил левую руку ладонью вверх на столе, заваленном бумажными документами внешних. В правой руке, развернув ладонь, держал тонкое стило, слегка покачивая им. Он знал, что руки выдают эмоции подводника: сказывалась привитая с детства привычка всех людей Моря снимать психологическое напряжение манипуляциями пальцев. Пришедшего не с миром, но с войной, неподвижные открытые ладони должны обезоружить.

Кассий-Валентино действительно слегка смешался. Офицер перед ним имеет усталый вид, но слишком самоуверенный.

Подкралось и когтистой лапой сжало сердце сожаление о родине, потерянной навсегда, — о мире

роскошном, сытном, здоровом, безопасном и полном развлечений. А следом накатила ненависть ко всем подводникам. Особенно к этому — успешному, влиятельному... К её нынешнему...

Кассий принял решение: не продешевить.

— У меня сенсационный материал о причинах гибели «Касатки».

— Учебной базы КС-19-3?

— Именно.

— Вы в курсе, что это дело проходит под грифом секретности «индекс десять»? То есть, окажись сведения правильными, мне нужно будет указать на вас как источник информации. Если вы добыли дезинформацию, вами будут интересоваться вплотную, и отнюдь не военные патрули.

— Обер-лей, я понимаю, что по инструкции вы должны сообщить мне эти жутко интересные сведения. Но, поверьте, здесь выживает тот, кто знает всю карточную колоду наизусть и зря не крутит в воде пальцем. Повторяю: я хочу слить информацию, и как можно скорее. Одному владеть ей совсем не безопасно. Я же не могу, как вы, сесть в о-тэ и залечь на дно. Жизнь на Суше, поверьте, очень даже привлекательна, что бы в рифах ни думали на этот счёт, но, чтобы жить хорошо, не мешает иметь некую, знаете ли, круглую сумму.

Кассий произнёс свою тираду, не глядя в лицо аналитика, с брезгливым видом оценивая спартанскую обстановку палатки. Он знал цену своей инфо и знал, что Валевский — один из немногих, кто заинтересован в ней и, главное, в состоянии кошельком Главного Управления расплатиться за сведения. Можно предложить документы любому из высшего

офицерского состава. Но подставить именно бой-френда бывшей жены — особое удовольствие...

— Сколько? — Валевский прервал приятные мысли Борддия.

— Три тысячи кредиток или по курсу зелёными, — не моргнув, ответил визитёр.

— Вы не поднимете столько зелёных.

— Я заеду за ними на экскаваторе фирмы «Агуако». Это такая большущая машина, загребающая землю ковшом. — Верхняя губа Кассия вызывающе растянулась, обнажив хищный оскал.

— Кому принадлежали документы?

— Большая их часть — внутренние приказы Военных сил Моря с пометкой «Новый мир».

— «Новый мир»? Что это значит?

— То, что в Армии Моря благополучно действует хорошо организованная структура, сама себе отдающая приказы и сама приводящая их в исполнение, ххе!

— Остальные документы?

— Переписка тайной агентуры Суши, в частности последнее дело Гипноса. Как по мне, эта часть самая интересная.

— Почему вы решили предложить документы?

Кассий Борддия решил, что разыграть карту патриота никогда не мешает:

— Судьба Колоний мне небезразлична.

«Да за такую информацию ты мог просить разрешение вернуться, брахицефал. Но ты выбрал деньги. Ещё бы: прекрасно знаешь, что в Колониях не получишь за сведения ни полушки, а ты патологически корыстен. В рифах, в отличие от Суши, многое принадлежит к категории непродаляемого,

да только мораль и нравственность нужны тебе как осьминогу птичьи перья. Это первое. А второе: даже вернувшись, через год-два, порочная натура снова вынудит сделать выбор между смирительным браслетом и возвращением на поверхность», — подумал Валевский.

Размышлять нечего: Валентино Кавалли — Кассий Борджия слишком крупная рыба, чтобы пытаться за тридцать тысяч кредиток вручить представителю Главного Управления стопку рекламных буклетов африканских зоопарков.

И дело даже не в том, что этому невозвращенцу в случае подлога придётся бегать не от ГУ, но от внешней разведки Моря. А у той руки ещё длиннее. В сделке он явно преследует двойной и даже тройной интерес. Избавившись от документов, прежний Кавалли не выиграл бы ничего, но Борджия!.. Борджия, пустивший корни на Суше, найдёт способ расшуршать о том, какие сведения прошли через его руки. И тем самым качнёт себе сумасшедший рейтинг в определённых кругах. А это больше, чем просто деньги. Для такого, как он, гораздо больше.

— Я должен увидеть документы, — сказал Валевский.

— Хо, офицер, я должен увидеть вознаграждение.

— Вы покажете мне документы, или сделка не состоится.

— А вы гарантируете мне оплату вашего любопытства?

— Я не гарантирую вам ничего. Мы в одной связке, мистер Кассий Борджия. — Валевский впервые назвал визитёра внешним именем.

На лицо Борддия упала хмурая тень. Сказанное следовало понимать однозначно: или он дарит пакет, как поступил бы истинный патриот, или состоится их сделка, но после... После имени Валентино Кавалли будет вычеркнуто в Подводных Колониях, останется только Кассий Борддия.

— Я — не в связке с вами, сеньор Валевский! — Борддия произнёс это по-испански. Подчёркивая пренебрежение, перешёл на дурной английский, выплёвывая фразы, которыми изъясняется половина внешних, свидетельствуя о недоступности хорошего образования и образования вообще. Он прекрасно знал, что подводников раздражает скудоумный сленг:

— Сильно рискуешь. Толкну чётче: я их тебе нёс, чек. Окей? Въезжай скорее: вас в рифах отвлекают от реального толка. Но ты же чек хай-статуса, ты просекаешь: ещё не поздно спасти себя, и родаков, и чиксу, ту же Зелму, всех, кого ты хочешь спасти. Со дня на день в Колониях может случиться ластный торч: переворот — для тебя втыкаю. Кульные пиплы, ясно, не готовы, всё сделают за них и быстро. Воткнись? Всё, чек, финишируем.

— Переворот? Вы серьёзно? Теперь я сильно сомневаюсь в ценности вашей инфо, — наигранно-самоуверенно съязвил Арт, вытерпев поток словесного мусора. Кольнуло опасение, что перегнул палку и сейчас рыба сорвётся...

— Не верите?!

«Мир благополучных непуганых идиотов!» — Кассий едва сдержался, чтобы не произнести вслух всё, что думает о Валевском и обо всех подводниках.

— Уберите освещение, сеньор офицер!

Портативный штабной проектор заработал, проецируя на стену трёхмерную серую рябь. Валевский, немного подумав над столбцами цифр, вломился в секретные электронные коды; изображение пошло. Стены палатки, изнутри обтянутые рулонными противоударными листами, служили отличным экраном. Бордюрия быстро, страница за страницей, листал фотокопии. Как и все нью-джишники с низким индексом, имея весьма приблизительное представление о возможностях интеллекта, он не учёл, какими способностями обладает человек, отобранный Главным Управлением среди тысяч студентов. Пять килобайт текста Валевский считывал и запоминал мгновенно и навсегда, с поправкой в десятые доли секунды в случае нечёткой проекции.

Но изображения на экране были качественные.

У аналитика, успевшего запомнить содержание страниц с первого до последнего слова, мороз пробежал по коже. Если всё это правда, то Подводные Колонии действительно ждёт серьёзное потрясение.

Сразу заполнились провалы в информации и недостающие звенья, так мешавшие работать Валевскому. Сложная мозаика сложилась в ужасающую в своей целостности картину нового мира, в котором к власти рвалась новая сила... И эта сила крепла в глубинах океана!..

«Хотел бы видеть эту щербатую рожу, когда её хозяин услышит, как я наизусть цитирую содержание всех документов!» — Артемий погасил искру в глазах, не позволяя себе забыть, что на демон-

страцию преимуществ интеллекта для людей его ранга существует строгий запрет. Табу соблюдаются тем ревностнее, чем выше индекс нью-джи у человека.

Информация действительно стоит любых денег. Теперь вопрос: каким способом расплатиться и что последует за этим? Если правительство и военщина повязаны, то Валевский всерьёз должен задуматься о своей судьбе.

Борддия как бы невзначай выронил из пакета фотографию девушки.

...Счастливая смеющаяся Зелминь выгнулась в руках влюблённого Эйджи.

Арт, чувствуя холод и пустоту в груди, негнущейся рукой взял карточку за угол, повернул... Непонятные для Кассия Борддия символы с обратной стороны фотографии, как раз над головой улыбающегося инсуба, всё сказали Валевскому. Окажись Эйджи на Суше, его поджидает неминуемая смерть. Эти коды ставила могущественная внешняя разведка Моря.

Валевский, позволив себе паузу в три секунды, аккуратно отложил фото — скрывать, что он знает этих людей, было бы предательством. Придвинул к себе пропуск Борддия и демонстративно стал водить ручкой по строкам, в которых была указана цель визита: «Агент певицы Марии Хосе Агилар ищет возможность лично поблагодарить офицера Армии Моря, спасшего людей на сцене во время чрезвычайного... и т.д. и т.п.»

Он поднял глаза на визитёра.

— Вы устраиваете концерты певицы Марии Хосе Агилар?

— Да, — кивнул Кассий и внутренне скривился: «Кальмар, весь кайф обломал!..» До этого момента он испытывал тайное удовлетворение, проехавшись по чувствам влиятельного представителя ГУ, вежливого и терпеливого, как офисный клерк во время испытательного срока. Меньше всего ему хотелось сейчас петь обещанные в пропуске дифирамбы.

Но хозяин кабинета, выжиная, смотрел на него и улыбался одними глазами.

Пришлось, скрипя зубами, благодарить и восхищаться недюжинной ловкостью и силой обер-лейтенанта Артемия Валевского.

Борджия не ожидал такой тонкой игры; соперник слишком быстро оправился от неприятного известия. Обер-лейтенант словно не замечал состояние своего гостя и, кивая головой, изображал удовольствие от похвал, вынуждая фонтанировать комплиментами. Борджия даже пошёл багровыми пятнами.

— Я бы хотел — если, конечно, в моей просьбе нет ничего трудновыполнимого — получить билет на концерт Марии Агилар, — сказал Валевский. — Уверен, мне больше не придётся крутить сальто среди прожекторов.

Борджия вывалился из штабной палатки, совершенно озверевший:

«Мне всё равно, как ты развлекался с моей бывшей. Но если ты попробуешь подбивать клинья к Марии, как на том концерте, клянусь, я зарежу тебя на месте! Всё равно терять уже нечего! Хр.н, хр.н, бля..!!!»

Он прикидывал, не продешевил ли. Утешала мысль, что, скорее всего, Валевский расплатится личными сбережениями. Он не рискнёт, находясь на поверхности, доверить электронному каналу связи содержимое пакета. К чему к чему, но к государственному перевороту Колонии не готовы, за это Кассий мог ручаться. Придётся аналитику вывернуть кошелёк и выворачиваться из щекотливой ситуации гонца, принёсшего недобрую весть.

Теперь пришло время узнать кое-что о прошлом Агилар.

БОТ «ТРИТОН»

айл с фотографиями пришёл вместе с короткой статьёй. Кассий специально ограничил полёт пера своей корреспондентки, настаивая на срочном исполнении заказа.

На фото были дети в рифах разных диаспор: рисующие, лепящие скульптуры из пластичной пены, дети на спортивных площадках... фотография четырнадцатилетнего Йона. Он здорово изменился за эти два с половиной года. На причале «Касатки» в мягком вечернем свете запечатлён дубоватый подросток, попробовавший, наверное, в первый раз, как взрослый, красить волосы в модный цвет; серёзное лицо и неподвижный взгляд. Разрез глаз выдаёт монголоидное происхождение. Борджия показалось, у мальчишки аутизм в лёгкой форме. Впрочем... наверняка не скажешь. Судя по его нынешней изворотливости, он прекрасно обходится теми мозгами, которые имеет. Сейчас мальчик Йон превратился в невысокого, по меркам подводников, но достаточно рослого для компании вишей подтянутого парня. Выражение лица, бесстрашное и вызывающее, делало его старше. Борджия не удив

вился, что к возрасту Йона прибавили два года: он действительно мог сойти за восемнадцатилетнего аргентинского парня. Лицо загрубевшее, щель плотно сомкнутых губ, съехавших на сторону в раскованной ухмылке. Глаза сощурены (к яркому солнцу Надмирья, к запахам, к пугающему напряжению воздуха под названием «сильный ветер» привыкают не сразу — Кассий знал это по собственному опыту). Волосы парня коротко стрижены, сетка выбритых пересекающихся дорожек, украшающих череп, говорит о том, что юный вояка может себе позволить расходы больше обычных солдатских: на Суше дороги любые заботы о внешности.

Среди фотографий нашёлся ещё один кадр, задержавший взгляд агента: мальчик с матерью. Женщина возле витрины выбирает ребёнку тетру, светящуюся вертушку на длинной палочке. Дошкольники любят эти игрушки; тетры, маленькие карусели, оживают вблизи вентиляторов и на скоростных лентах тротуаров, радуя феерией разноцветных бегающих огней. Женщина подняла голову и слегка отвернулась от фотографа, её движение красиво и естественно, она очень похожа на Марию Хосе, но из-за сложного ракурса поручиться за это нельзя. Пухлощёкий мальчик, которого она держит за руку, с любопытством смотрит прямо в фотообъектив.

«Эмилия и Пол Склодовски, первые жертвы войны. Пропали без вести», — гласила надпись под фотографией, увеличенной до размеров плаката. Видно, как эту фотографию несут митингующие.

Кассий порывисто отвернулся от экрана монитора и, заложив руки за голову, потянулся до хруста в суставах.

Задумался.

«Эмилия и Йон. Йон и Эмилия с пятилетним сынишкой — жертвы расправы на корабле подводников «Тритон».

Стоит ли устраивать этим двоим встречу с прошлым?

С прошлым, отдельные моменты которого сам Борджия предпочёл бы забыть. Сейчас все, включая и его, живут на Суше, и не сказать, что живут паршиво. Случайность ли это? Что происходит сейчас в рифах? И прежние ли это рифы — те, которые они покинули несколько лет назад? Что, если Йон и Эмилия не смогут вернуться к прежней жизни? Не лучше ли оставить всё как есть и самому оставаться сторонним наблюдателем?.. Тогда почему ребёнок Эмилии — Марии Хосе Агилар... стоп. Ребёнок зачат на корабле «Тритон»? Возможно. Слишком много совпадений, Касс... Не тешь себя пустыми надеждами, старина! Третий человек мог бы подтвердить или опровергнуть подозрения Борджия, но его нет в живых.

Что голову ломать? Хороший медик — всё, что нужно, чтобы удостовериться. Тебе ведь, Касс, будет свербеть, пока не узнаешь: или-или. А на услуги медика нужны зелёные. И значит, надо вертеться. Три тысячи обещанных кредиток — хороший задел, но на всю жизнь их не хватит», — думал Кассий, ведя авто по улицам Большого Бу-Айса и проклиная дрянной местный климат, одуряющее жаркий и влажный летом и промозглый и ветреный зимой от ветров, ду-

ющих из Антарктики. Кассия постоянно что-то беспокоило с тех пор, как он выбрал жизнь на Суше. Вакцины и профилактика не стали панацеей. Хотя как сказать — пока ведь не загнулся...

«Дело Гипноса» — первый прецедент. И не последний. Не понимать это может только конченый идиот. Кассий видел, как тяжело прикрыл глаза веками обер-лейтенант, отсмотрев мелькавшие кадры... Там, в глубине, по-настоящему задумались, что будет с Подводными Колониями, если не развернуть масштабное контрнаступление. И развернули. А когда рубят большое дерево, никто не считает щепки, — говорят в Надмирье».

Он выругался: впереди встретилась баррикада, перекрывшая проезд, снова бастовали. Кто и какие требования выдвигал, ему всё равно. Здесь забастовки — перманентное явление. Демократия от внешних сильно смахивает на анархию, такую мать! Сейчас придётся сделать крюк по кварталам южного сектора, чтобы попасть на встречу. Профессор Фредерик Свенсен и профессор Лукреция Фольк, американцы, просят уделить им внимание в приватной беседе. Видимо, снова будет просьба о пожертвованиях на какой-нибудь военный госпиталь, на исследование, на больных детей... А вот на лечение детей Кассий даст денег! Пока Суша — место жизни дочери Марии Хосе Агилар, он будет отстёгивать некоторые суммы в пользу детей. И, хе, как это он сразу не сообразил: врачи сами ищут встречи с ним! Очень вовремя!

Бордюжия запальчиво стукнул кулаком по рулю. Ему сделалось весело. Паутина плелась...

* * *

«Никогда не копай слишком глубоко!» — повторял Кассий, но довольная улыбка не сходила с его лица.

Малютке Еве Агилар пришла пора делать прививки, и Кассию, подмазавшему свой путь деньгами, удалось получить кровь ребёнка для генетического исследования.

На ходу, не останавливая автомобиль, он вынимал из папки лист и косился на результаты медицинского заключения. Исследование выполнил некто доктор Хорхе. Местного спеца-эскулапа посоветовали эти американцы, Свенсен и Фольк.

Борддия сам вызвался преподнести дар детскому отделению госпиталя и оплатить прививки детишкам округи. Пора становиться солиднее, и реклама благотворительности — то, что надо. Он пропустит эту информацию через свой журнал и сделает так, чтобы о благотворительных взносах Борддия узнали на концертах Агилар.

Стоивший немалых денег генетический анализ, в Подводных Колониях заурядная процедура, выдал результат. Борддия — отец ребёнка Марии Агилар, а Ева — его первенец.

Аве, Мария!

До сих пор Кассий никогда не испытывал приступов латентного отцовства. Но эта новость всё изменила: он сиял. Предстояло навести мосты к матери своего ребёнка. Дочурка вызывала гордость, мать нравилась ему ещё больше. Улыбка Борддия становилась шире и шире.

Он в одиночестве отпраздновал в ресторане своё отцовство. После его ухода на столе осталась целая флотилия корабликов из тугих бумажных салфеток. Кассий в задумчивости складывал фигурки одну за другой. Каждый новый кораблик получался всё быстрее. Пару хрупких поделок он смял в кулаке и оставил лежать посреди — словно напоминание.

...Он застрелил двоих детей: одиннадцатилетнюю девочку и пятилетнего сына Эмилии. Приказ капитана прозвучал в голове, заставив встрепенуться и выполнять команду, дальше Валентино помнит мерзкое чувство — чувство долга, любимую выдумку подводников, внушающих его уже не первому поколению...

Содрогнулся от ужаса, поняв, что по меньшей мере дважды не промахнулся.

Валентино в своё время прошёл отличную стрелковую подготовку... Он с ненавистью взглянул на свою руку: рука дрожала, волоски на запястье стали дыбом, как от озноба. Валентино поднёс о-пласт к своему виску, чувствуя, что не сможет жить с этим... И понял, что не нажмёт на спусковой крючок. А это значило только одно: им управляют.

...До этой минуты слово «невозвращенец» не было клеймом, лишь подводило итог череде свободных выборов личности, так и не вписавшейся в жёсткие рамки общества подводников. Для Валентино Кавалли слово не было постыдным, наоборот, дышало вольнолюбием и независимостью.

Проклятый романтизм!

Цветы его прекрасны, но когда тебя бросают мордой вниз, и ты начинаешь видеть, на каком дерыме они растут, и перепачкиваешься в нём по уши, и понимаешь, что цветы не стали хуже, но они уже не для тебя, а для тех, кто пока ни разу не падал от пинка под зад, такого болезненного, что раскалывается хребет, голова трещит, — ты перестаёшь осознавать, кто ты, откуда, и кто твой прапредок, и есть ли он у тебя, или ты рождён почкованием, и, жалкий червь, сейчас лежишь, распластанный, выжатый, как губка, и расплачиваешься за своё неведение, и внутри тебя всё, что ещё живое, корчится в муках, а ещё нашёптывает: «Это я, твоя совесть!»

Невозвращенца использовали для грязной работы. Какой пустяк!

Открылись глаза на его новый статус вне рифов. Он почувствовал себя подранком и понял, что уже никогда не будет прежним: иллюзия равенства и братства людей Моря развеялась вместе с мираклем, скрывавшим палубу военного бота «Тритон».

Три года, проведённых на базах Моря и среди внешних, вселили в него уверенность в своих силах; три секунды с о-пластом в руках на «Тритоне» растоптали, сделав орудием в чужих руках.

Он не видел, как поднимали на борт тела несчастных жертв великой мистификации. Как судовой врач извлекал у ребят микрочипы-талисманы, которые предназначены хранить информацию о теле. И через другой микрочип, который вживили на затылок сразу после того, как завербованные поднялись на корабль, через этот перепрограммированный злой волей чип, такие невозвращенцы, как Кавалли, полу-

чили приказ, построились на палубе корабля и участвовали в спектакле, задуманном капитаном, в роли пиратского экипажа.

Некто — капитан — властный, непреклонный, шёл ва-банк, один за другим нарушая незыблемые законы Подводных Колоний.

Он использовал их, прикрывшись короткими контрактными обязательствами, и высадил в австралийском порту сразу же, закончив патрулирование вокруг уничтоженной базы КС-19-3.

Валентино не знал даже, был ли там настоящий экипаж? Возможно, корабль действительно захвачен внешними? Это хоть как-то объясняло происходящее и не давало сойти с ума.

По совету корабельного врача Валентино тогда рванул не в Кейптаун, где думал обосноваться, но самолётом в обратную сторону, в Чили. Из Чили в Аргентину, где и остался, сменив имя. Внешняя разведка Моря моментально дала о себе знать, прозрачно намекнув на то, что попытка заняться шпионажем в пользу Суши будет стоить ему жизни. Он понятливый. Бывшему подводнику и без этого есть чем заняться на поверхности. Да и начавшаяся война между Сушей и Морем сделала неважным пребывание в Надмирье таких фигур, как Валентино Кавалли, он же Кассий Бордия.

Этот док...

Кассий не знает его имени, старик не носил бейдж...

У странной команды вообще было по минимуму опознавательных знаков.

Док сказал ему, бросая извлечённый из тела чип в крохотную ступу, где чуткую электронику на глазах у её хозяина в момент ока раздавил хлопнувший сверху поршень:

«Вы удручены, молодой человек. Я вижу. Мой опыт позволяет видеть людей насквозь.

Послушайте старого доктора: каждое событие даровано человеку для опыта. Добро приятно и желанно, но только зло обладает способностью расставлять всё на свои места. Зло вообще необыкновенно энергичное и деятельное состояние. Да уж, поверьте старому наблюдателю. Вы столкнулись со злом лицом к лицу. Согласитесь, то, что вы извлечёте из этой ситуации, будет едва ли не самым важным для вас. Эта планета непроста для жизни, как и миллионы лет назад. Она создана для сильных, а вы — из их числа. Действуйте: живите, ошибайтесь, выигрывайте и проигрывайте — живите! Благоволите и любите — живите! Предавайте и презирайте — живите! Грешите и кайтесь — живите!

Как только мне стала известна дата моей смерти я, представьте, сделался невероятным жизнелюбом. Я хочу успеть как можно больше. И вас призываю к этому».

«Я не в порядке?» — безразлично переспросил Валентино.

«Почему? — удивился тот. — Что за ипохондрия? Вы в полном порядке. У вас отменное здоровье. Я говорю о жизнелюбии — присоединяйтесь. Дышите воздухом — он благословенен. Пейте воду — она удивительна. Ешьте пищу — она свята. Столько да-

ров каждый день! Плюс вдохновение творчества, радость дружбы, восторг любви, счастье продолжить себя в детях! Каждый из нас сказочно богат, и с каждым прожитым днём богатство это прибывает!»

Валентино исподлобья глянул на восторженного старика. Не похоже, что он находится под действием наркотиков. Впрочем, Суша славится многочисленными методиками вхождения в изменённые состояния сознания. В Колониях они презираемы, но среди внешних Валентино довелось видеть всякое.

Как бы то ни было, слова доктора сработали. Кавалли почувствовал, что хочет пить. Выпив стакан воды, понял, что голоден.

Старик ему нравился: открытый, бесхитростный, как ребёнок, хлопотливый, предан своей работе и... Валентино искал подходящее слово и нашёл его: добрый.

Добрый человек.

Как странно называть кого-то добрым в этом мире. Странно после всего, что произошло, быть готовым примерить к кому-то это слово: «добрый»...

Валентино задержался в медчасти. Просто отказался покинуть койку и лежал, заложив руки за голову. Док был не против его присутствия. Потом Валентино ещё раз приходил к доктору с бутылкой «Шторма».

Они вместе распилили вино, причём старику сумел всё устроить красиво.

Он заставил Кавалли вымыть два медицинских стакана и вытереть стекло салфетками до блеска; потом мужчины вместе заправили салфетки за ворот, разложив их по груди, что было бы комично с другими людьми и в другом месте, но только не в компании

старика. Док благоговейно наливал густо-бордовую жидкость, бережно, как изысканный хрусталь, поднимал строгие медицинские стаканы, любуясь вином на просвет. Он учил Валентино находить пять, не меньше, оттенков цвета, утверждая, что искателю затем откроются пять оттенков вкуса.

«Делайте пять маленьких глотков. Тогда каждый глоток вино обменяет на мысль. Спешить неразумно, друг мой!»

И после:

«У вас есть ребёнок?»

«Нет», — отрубил Кавалли, дав понять, что тема закрыта. Никогда ещё не думал о детях.

«Это дежурный вопрос. Я задаю его каждому здоровому молодому мужчине перед тем, как предложить поместить его сперму в наш банк. Я оказываю эту услугу совершенно бесплатно, из любви и благоговения к жизни. Можно сказать, я коллекционер полноценного мужского семени. Донор может сам назначить условия: хранить священную субстанцию или продать её тем, кто в ней нуждается. Во втором случае донор получает причитающуюся долю».

Предложение Кавалли понравилось. Деньги никогда не помешают, решил он и подписал второй вариант, с продажей спермы. Вскоре, он только высадился в порту, на электронный счёт легла небольшая сумма со странной припиской: «Ваш невольный долг перед жизнью частично уплачен. Да будет счастье всем живущим под солнцем и в океанских глубинах! Амины! К этой минуте благополучно почивший доктор И. С.»

Мир тебе, доктор!

* * *

«В медчасть на моё попечение поступили четыре жертвы трагедии на учебной базе «Касатка». По слухам, их подобрали внешние.

Я немало послужил на патрульных кораблях, но таких порядков не было нигде. Кэп, с которым знаком давно, — с ним произошли перемены... Я подозреваю, что бот «Тритон» стал территорией конфедерации. Генераторы корабля обесточены наполовину: создание завесы такой плотности, чтобы уже на расстоянии нескольких футов декорация не отличалась от реальности, — на это нужны немалые мощности.

Мой помощник вернулся с верхней палубы, и губы у него дрожали. Он наотрез отказывается говорить, что произошло. Но, когда на корабль подняли выловленных в море: девочку лет одиннадцати, мальчика чуть постарше, мужчину в форме наставника и молодую женщину, мой помощник с жаром принялся помогать спасать тех, кого ещё можно было вернуть к жизни. И я почувствовал: с его стороны это был даже не медицинский, но человеческий долг.

Трупы мужчины и девочки я приказал упаковать согласно обряду. Женщину и подростка мы поместили в биосреду.

Медицинские капсулы пусты, «Тритон» ведёт патрулирование, а не спасательные работы, и нам не придётся делить время в биосреде между пациентами. Переговоры в сети свидетельствуют: на месте трагедии нет недостатка в спасательных средствах. Великая глубь, — выживших там мало. Нужно спасти хотя бы этих двоих: женщину и подростка.

Возраст лишил меня расторопности и многих других качеств, но, к счастью, оставил способность иронизировать над собой. И в приступе старческого маразма я, как чаша, наполнился благоговением и воздал хвалу Всемогущему, разным ликам которого поклоняются на Суше. Я благодарил его за то, что мне дана возможность спасать жизни.

Не так давно я добровольно вызвался участвовать в эксперименте по сохранению информации в эритроцитах, и у меня был выбор, что именно закачать в кровь. Я выбрал историю религий Надмирья и не пожалел. Благодать снизошла на меня. Я понял это не сразу. После извлечения из крови информация на-прочь стирается из памяти, иначе эксперимент был бы признан неудавшимся. Формально да, так оно и есть. Чувствительные приборы не врут. Но тогда, скажите на милость, почему проснулся этот интерес, жажда познать ЕГО, прикоснуться к ЕГО тайне? На закате жизни я стал искать себя в вероучениях разного толка.

У женщины и мальчика на редкость гармоничное
сложение.

Прекрасны твои творения, Господь!

Я вздохнул и задумался.

Я просил мёдбрата выяснить хоть что-то о планах капитана насчёт женщины и подростка, и ответ был неутешительный. Их не вернут в риф. По крайней мере, в ближайшее время. Указание после лечения ввести спасённым сильную дозу снотворного, оптимизма не вызывало. Несчастных оставят на берегу, но будет ли этот берег территорией Подводных Ко-

лоний? Всё, что произошло на «Тритоне», подсказывает: скорее всего, нет.

Военные на этом корабле присвоили себе слишком много полномочий. И потому беспокойство не покидает меня. Я стала свидетелем вопиющего нарушения сразу дюжины законов Моря. Вряд ли капитана заботят женщина и ребёнок, побывавшие на «Тритоне» сначала как жертвы, а затем как спасённые. И только сейчас я понял, почему именно мне кэп вдруг предложил эту краткосрочную работёнку, разыскав через столько лет: мы не виделись с тех пор, как родилась его дочь. Собственно, это я настолько сохранил младенцу Мо жизнь. Видно, уже тогда Всевышний чем-то выделил меня и предназначил спасать его создания...

Капитан искал не просто опытного врача.

Он остановил свой выбор на мне из-за последней, заключительной части биографии: через шесть дней искусственный аппарат, поддерживающий состав моей крови, закончит своё действие и я благополучно отойду в мир иной... Я готов. Как хорошо, что осталось только шесть дней. Только шесть. Я не хочу задерживаться в этой юдоли.

Но мои пациенты молоды и полны сил, им нужно жить.

Что ждёт их в Надмирье?

Мальчишка в том возрасте, когда уже не нуждается в опеке и до поры защищён статусом малолетнего. Даже несовершенные законы Суши охраняют детей и подростков. Но женщина... Слишком хороша, чтобы избежать сексуальных притязаний. Слишком здорова, чтобы ей помогли из сочувствия. Её дальнейшая судьба может быть незавидной. Что

корабельный врач может сделать для неё? Шесть дней, которые я оставил себе, — срок ничтожно малый для того, чтобы поучаствовать в чужой судьбе.

Мужчина-невозвращенец, с которым пришлось поработать, прежде чем я убедился, что он не прыгнет в море с корабельного борта, мог бы обеспечить безопасность этой женщине: он лишён предрассудков и умеет постоять за себя, не зря же предпочёл жизнь на поверхности. Но создавать любовные союзы — совсем не по врачебной части...

А может, не надо мистики там, где нужна простая житейская мудрость? — думаю я. — Что грозит красавице? Болезни, которыми кишит планета. Что она потеряла? Своего ребёнка. Вернуть ей ребёнка и обезопасить от половины болезней — это в моих силах, и это уже немало. Отношение к беременным женщинам и младенцам на Суше самое предупредительное: низкая рождаемость и высокая смертность вынуждают внешних опекать каждую молодую мать. А главное, иммунная встряска ей обеспечена, организм мобилизует все свои резервы ради здоровья нового человечка... Почему бы отцом малыша не сделать этого парня, Валентино? В конце концов, он в неоплатном долгу перед матерью застреленного ребёнка. Увы, тело бедного мальчика так и не нашли... Действуй же, старина!»

Через три дня, когда жизнь спасённых была вне опасности, моих пациентов приказали готовить к высадке. Им нужны по меньшей мере ещё сутки, чтобы пройти курс восстановления памяти после анабиоза. Но всё складывается настолько плохо, что я пони-

маю: перечить капитану бесполезно, моего влияния не хватит. Вижу, кэп вообще списал меня со счетов.

А ещё я думаю о том, что память пережитого для этих несчастных может стать ненужным багажом.

Вскоре я узнаю, что молодую женщину и мальчика оставили на маяках в открытом море. И почувствую, что разом постарел на десять лет. Я так и не решился спросить хоть кого из команды: хватило ли милосердия у подчинённых капитана послать с маяков сигнал бедствия? Моряки при встрече со мною отводят глаза в сторону и стараются прошмыгнуть мимо.

Мне осталось привести в порядок свои документы, затем я отправлю несколько писем — до вечера немного времени, но я должен всё успеть. И возможность поторопить свою смерть стала благом: я был свидетелем долгого мира Подводных Колоний и ухожу, как только мир закончился».

* * *

Размышления Кассия прервала резкая, как зубная боль, мысль: стоит признаться Эмилии-Марии в том, что он отец Евы, и когда-нибудь вслывёт, что он же убийца её сына. У Борддия похолодели кончики пальцев.

Грузовик с пьяным водителем за рулём всё решил за него. Тяжелогружёная машина выскочила на перекрёсток, раздался визг тормозов, автомобиль Борддия занесло, и, перевернувшись, его серебряная «Иннес» снесла ограду сквера, прошла юзом по траве и остановилась, вращая колёсами в воздухе.

* * *

— Ты делал для этого Борддия сложный анализ крови? Его девочке два года? Но у агента Марии нет детей!

— Как ты можешь быть такой уверенной, Лу, — хмыкнул доктор Хорхе, — только женщина знает точно, сколько у неё детей.

— Знаю! — упрямилась Лукреция Фольк и ещё раз заглянула в папку с бумагами, найденными в разбитой «Иннес» Кассия Борддия. Медперсонал и полиция, прибывшие на место происшествия, позвонили по первому попавшемуся номеру, а самыми свежими в списке исходящих звонков были переговоры между Борддия и профессором Свенсеном. И супружеская чета принялась хлопотать о судьбе агента, совсем недавно сделавшего щедрое пожертвование в пользу детей. Странно, но у этого влиятельного человека не нашлось других близких.

Лукреция подняла очки, выискивая среди мелкого шрифта имя протестированного ребёнка. На медицинском свидетельстве в графе «Имя» было проанализировано лишь «Х. Х.» и дата рождения, совпадающая с датой рождения Евы.

— Очень странно... — буркнула она. — На нашей первой встрече я спросила агента Кассия, есть ли у него дети? Он отвечал: «Нет. Пока нет». Знаешь, Хорхе, даже самый легкомысленный ловелас не станет бросаться подобными словами просто так. И вдруг — этот запрос на исследование крови ребёнка. Девочки... Ты можешь считать меня сумасшедшей, но прошу, для сравнения сделай

ещё одно исследование, достаточно будет даже результатов общего. Ты догадываешься, кого? Правильно, нашей малышки. И сохрани всё в тайне, дорогой!

— Лу, ты, как всегда, была права, — вскоре отчитывался перед ней Хорхе. — Этот мужчина — биологический отец Евы Агилар.

— Умоляю, никому ни слова! — простонала Лукреция, хватаясь за сердце.

— Но хоть Фредерику ты скажешь? — спросил голос в трубке.

— Фредерику скажу, — пообещала Лу, — но больше — никому! И главное, ничего не сболтнуть при Марии!

— О, к этому нам не привыкать! — рассмеялся Хорхе. — Тебя поздравлять?

— С чем? — простонала Лукреция; её голова раскалывалась от свалившегося внезапно известия.

— У твоей эрзац-внучки есть отец и мать. Не слышу ликования в голосе бабушки Лу?

— Пошёл ты! — буркнула бабушка. — Нет!!! Не клади трубку! Хорхе, у тебя остались ещё сигаретки, те, с синими наклейками, которые привезли из Малайзии? Нет, с зелёными лёгкие. В моём состоянии нужны именно синие. Привези, кажется, я тогда плохо расprobовала...

— Так и быть, передам. Но смотри не втянись! — хохотнул голос в трубке.

BEREG

ставалось закончить отчёт о ходе войны и перспективах для Подводных Колоний и дополнить выкладки информацией, купленной у Кассия Борджа.

Валевский не собирался возвращать в пакет с документами фотографию Хранительницы книг и инсуба Эйджи. Вряд ли у агентов внешней разведки не было других фото Марка. Скорее всего, красивая картинка остановила: парочка на фотографии излучала счастье, и кто-то решил поделиться настроением. Тем более в кадре оказался объект их интереса.

Марку нельзя покидать риф. Это значит, или Эйджи знает слишком много секретов, что не исключено, учитывая специфику его работы в Главном Управлении, или... или он сам их создал. Последнее слишком противоречило образу того инсуба, которого знал Валевский.

Размышления о разведке ненадолго отвлекли от необходимости думать о двойном предательстве, но бросали тень и на Зелму Даугаву. Хранительница книг точно та, за кого себя выдаёт?

Валевский долго не мог уснуть и ворочался на солдатской постели, поражавшей его своей бесчеловечностью. Внешние ничего не знают о матрацах из ортопедической пены, дарующих покой каждой мышце усталого тела. Поняв, что завтра придётся расплачиваться за бессонницу тяжёлой головой, он попытался вспомнить что-нибудь хорошее. Но, бездна, всё хорошее было связано с Марком или Зелмой!

Зелма... Девушка перестала быть желанной. Арт всегда подозревал, что он махровый собственник. Воспоминания о Зелме стали болезненными. Его чувства были ещё очень свежи, а тело помнило то, что хотел бы забыть рациональный ум. Валевский страдал.

Он принялся думать о Марии Агилар.

Концерт доставил ему огромное удовольствие; здесь редко приходится слышать такую гармонию музыкальных ладов и хорошего вокала. Даже рафинированные эстеты, которыми были почти все в Подводных Колониях, непрятворно наслаждались пением Агилар. Столик аналитика был возле самой сцены, и он не просто слушал певицу, но ощущал присутствие красивой женщины рядом, и это приятно волновало.

Она умна. В ней нет ни капли вульгарности — главного недостатка здешних актрис, использующих всё в открытой борьбе за зрителя. Она, должно быть, незаурядна. Ему хочется так думать. У неё небольшой чувственный рот, жемчужные зубы напоказ, и лёгкая косметика лишь подчёркивает красоту приветливого лица с мягкими чертами и совершенным

овалом щёк. «Ты идеализируешь эту женщину, — подумал Арт и вздохнул обречённо: — Ну и что с того?»

«Крепко спи, мой родной, здесь печаль не дognит...» — утешением зазвучал голос Марии.

«Колыбельная» была написана сразу после погружения, и отнюдь не для детей. Эта песня появилась вовремя и невероятным образом примиряла перво-поселенцев с тяжёлой реальностью. Она сравнивала великую глубь с матерью, и не прошло и десятилетия, как слова «Великая Глубь» стали писать с большой буквы. «Колыбельная» к тому времени уже была культовой песней.

* * *

На берегу становилось многолюдно, к месту всплытия омега-транспортов заранее подтягивались зрители. До войны это было редкое зрелище, о-тэ всплывали только возле надводных баз Моря. Но в последние три года всё больше людей могли наблюдать это событие, по масштабам и грандиозности сравнимое с могучим природным явлением.

В небе парили воздушные шары с гондолами, до отказа забитыми людьми. Дельцы Аргентины и Чили, Южно-Африканской коалиции, Малайзии и Австралии сколачивают себе состояния, устраивая на пустынном берегу именно во время прихода транспортов Моря фестивали и праздники, и продают на них билеты, зная, что отбоя не будет от желающих наблюдать появление из пучины омега-тэ. Борджия один из таких дельцов; тем более ему информация о дне и часе всплытия достаётся проще, чем другим.

В штабе Армии Моря шутят, что Подводные Колонии могли бы перекосить экономику Надмирья, собирая зрителей на всплытие о-тэ по всему миру. Но шутка высмеивает повадки внешних, готовых наживаться на всём. Суровые кодексы чести запрещают подводникам торговать Родиной, её престижем, безопасностью и символами могущества. Безопасный путь караванов о-тэ во время войны требует бдительности, и лишь однажды была попытка помешать их всплытию. Больше это не повторилось.

Для внешних так и остались тайной технологии, позволяющие подниматься из зоны глубоководных давлений на поверхность и возвращаться обратно. Многие открытия, сделанные в рифах, невозможно повторить на Суше: они созданы для гидросферы с её колоссальными давлениями и зависят от щедрого источника энергии.

Традиция украшать всплытие о-транспорта возникла сразу после Первого Вдоха. Уникальные инженеры, а только таких собирала СУББОТ, старались превзойти коллег из других рифов и как можно громче заявить о себе. Всплытие о-тэ очень быстро превратилось в праздничное событие для людей, живущих на надводных базах Моря, они с нетерпением ждали долгожданный и редкий тогда транспорт.

Проходили годы; всех поражал размах, сопровождавший приход караванов из рифов Новые Эмираты и Новая Япония. Позже пальма первенства в разное время переходила к инженерам мегаполисов второго поколения: Архимед, Аквасити и Антарктик.

Постепенно всех превзошёл столичный Союз.

Валевскому доводилось видеть всплытие о-тэ из Антарктики; он с затаённой гордостью любовался появлением подводных челноков из Новой России; но, пожалуй, на его памяти Новые Эмираты и Союз так и остались непревзойдёнными мастерами грандиозного шоу.

Перед транспортом Эмиратов море приобретает фосфоресцирующий зелёный цвет, затем в акватории начинают закручиваться по спирали золотые лучи длиною с морскую милю. Постепенно сияние меняет оттенки, скапливается в центре, подсвечивая вырастающий риф омега-пены, пены не тёмно-серой, как обычно, но безупречного белоснежного цвета. Пена бурлит: кажется, неведомая грозная стихия вышла из-под контроля и рождает облако посреди океана. Растекаясь кругами и твердея, пена образует правильные кольца на морской поверхности. Наконец, в середине, в обрамлении колец, внешние из которых до восьмисот футов в диаметре, образуется белоснежная воронка. Из её жерла неожиданно стремительно вылетают о-тэ, гигантские по сравнению с транспортом Надмирья, похожие на рыб, футуристически-жуткие в своей прозрачности. С механическим грозным щелчком и треском раскрываются в полёте их огромные яркие плавники, напоминающие стилизованный парус древней фелюги. О-тэ приводняются, разлетевшись во все стороны, оставаясь в пределах затвердевших кругов, и некоторое время сияют и пульсируют, каждый своим цветом, словно успокаиваясь. Юркие глиссеры, тоже с прозрачными закрытыми кабинами, уже спешат к транспортам со стороны базы, принимающей гостей. Они мчатся

по водному пространству между кольцами, и теперь зрители наблюдают стремительные гонки на воде. Глиссеры забирают пассажиров, пристыковавшись к о-тэ прозрачными шлюзами. Грузы доставят чуть позже: после того как секторы колец, лежащих на воде, разрежут и начнут буксировать на базы, где их используют для арок лёгких конструкций, пешеходных мостиков и просто тротуарного покрытия. Материал на свету недолговечный, но из-за лёгкости и удобства находит себе применение.

В толпе зрителей-внешних немолодой мужчина задумчиво проговорил, обращаясь к своей спутнице:

— Боги и демоны-асуры возжелали добыть амриту — напиток бессмертия — и решили пахтать мировой океан. Мутовкой из космической горы Мандара, к которой был привязан гигантский змей Васуки, много веков сбивали боги и асуры океан, пока он не превратился в молоко и масло. Затем из него стали появляться одно за другим различные чудесные вещества и предметы. И наконец была сотворена амрита. Тут между богами и асурами вспыхнула ожесточённая битва за обладание чудесным напитком, в которой верх одержали боги.

— Что-то из древнеиндийского эпоса, судя по стилю? — отозвалась просвещённая дама.

— Отрывок из «Махабхараты». Я процитировал дословно. Этому тексту как минимум пять тысяч лет. Чтобы делать то, что создают инженеры Моря, нужны практически неограниченные ресурсы и выдающийся интеллект. Если гигантский змей Васуки — образное название, придуманное древними

для обозначения силы и величины энергетического потока, то сегодня мы наблюдаем, как на наших глазах сбывается древнее писание.

Дама оторвала взгляд от водной поверхности, заполненной чужой скоростной техникой, движением и звуками. Взгляд её оставался мечтательным:

— Для настоящего провидца прошлое, настоящее и будущее едины и неразделимы. Он видит любое событие в зеркале времени.

— Да, — ответил мужчина, — не исключено, что древний автор уму непостижимым образом наблюдал всплытие транспортов Моря. И описал событие так, как позволил ему неразвитый, но очень образный язык. Не удивлюсь, если в Подводных Колониях уже близки к решению проблемы бессмертия.

...Риф Союз иначе готовит встречу своих посланцев.

Вы видите, как взрывается миллиардами искр морская вода, искры собираются в скопления, закручиваются в уплотняющиеся сгустки света, — творение Вселенной происходит на глазах изумлённых зрителей. Вот образовались первые галактики, и отодвинулись, и растаяли в морской глубине. В центре проявляется, становясь всё различимее и чётче, земная поверхность: гигантская, великолепная в своём правдоподобии. Словно под вами поворачивается земной шар, показывая свои материки и океаны, то освещённые солнцем, то ночные, в огнях, отмечавших скопления городов. Нижняя часть планеты скрывается в глубине. Никогда невозможно предугадать, в каком ракурсе покажется земной шар: с эк-

ватора, со стороны полюсов, или в сильном наклоне магнитной оси. Наконец и планета погружается во мрак, переливающийся искрами, на её месте возникают, всплывая, шесть фигур: мужчины и женщины, символизирующие шесть первых подводных мегаполисов. Иллюзия настолько сильная, что многие зрители не могут побороть головокружение: океан словно расступился, и люди заглядывают в открывшуюся бездну, заполняющуюся всё новыми видениями. Над головами величественных фигур, стоящих с поднятыми руками, в бешеном вращении зависла модель атомного ядра. Десятки гейзеров бьют из центра, заполняя пространство туманом и влагой. Гейзеры пульсируют в такт торжественным аккордам, в окружении водяных струй всплывает гигантская ажурная сфера, раскальвается, из неё во все стороны брызжут о-транспорты в форме прозрачных снарядов, оставляя за собою радужный хвост инверсионного следа. О-тэ приводняются, разворачиваются, возвращаются в середину акватории, где к их подходу уже готов выросший из пены круглый плоский причал с нишами для каждого посланца Великой Глуби. Войдя в свою ячейку, все о-тэ образуют лепестки цветка, распустившегося прямо на воде по воле инженерного гения.

Музыка, цвет, скорость, техническая мощь не оставляют равнодушным ни одного наблюдателя. Море демонстрирует своё могущество изнурённой войной и лихолетьем Суше. И вызывает преклонение перед величием разума у одних и зависть, смешанную со страхом и ненавистью, у других. Но равнодушных в толпе зрителей нет.

* * *

Валевский отвечал за безопасность всплытия каравана, контролируя берег от точки, помеченной на карте как Аридо, до местечка Уэрхос. В курортный Уэрхос с удобными причалами, как раз по вверенной ему территории, шло неплохое, по меркам Аргентины, шоссе. По нему-то и могла прилететь вполне реальная угроза.

Немало подлодок и кораблей внешних со всем экипажем заплатили своими жизнями, прежде чем на Суше отказались от попыток помешать всплытию о-транспортов; слишком дорогими и безрезультатными были эти вылазки. Море создавало ложные транспортные тоннели и охраняло их как настоящие. Сигнальные буи предупреждения надёжно контролировали акваторию, и все суда, попавшие в запретную зону, уничтожались после первого предупреждения.

Но внешним всегда было недостаточно одного предупреждения. У них игры с живыми фигурами заканчивались, как правило, лишь после того, как противник сметал все фигуры и в придачу разносил в щепки игровую доску.

Бои на побережье с завидной регулярностью сопровождались провокациями. Жестокость, с которой люди Суши это проделывали, наводила на мысль, что времена мракобесия уже наступили. Внешние выводили против подводников женские и даже подростковые взводы. В таких стычках в начале войны погибло немало солдат Моря, не справившихся с психологическими перегрузками. Психологи, сопровождавшие морпехов, сами не в состоянии были

решить, до какой степени война оправдывает жестокость. Был момент, когда Подводные Колонии оказались близки ко Второму Погружению, и отдельные предлагали закрыться в рифах, отгородившись от озверевшего человечества. Но за двести лет ситуация кардинально изменилась: залечь на дно значило бросить на поверхности многочисленные базы и станции, обрекая их на растерзание людьми Суши, и подорвать мощь самих Колоний, развивавших космические исследования и антарктическую атомную энергетику.

Именно тогда и возник на политической арене капитан-полковник Ли Оберманн, прочувствовавший сложность момента. Он сумел найти нужные слова, которые в итоге и привели его на вершину военной карьеры.

В своём знаменитом выступлении Оберманн сказал:

«Внешние давно уничтожили бы друг друга и саму жизнь на планете, если бы не спасительное враждебное соседство с морской цивилизацией. Единственный пункт, по которому у них нет разногласий, — это признание Подводных Колоний самым могучим и опасным противником. На Суше всегда смотрели в сторону Моря как на источник потенциальной опасности.

Мои соотечественники, великий народ Моря, я призываю тебя к войне! К войне во имя сохранения жизни на планете. Дадим внешним то, чего они так долго желали и к чему готовились!

Во мне говорит не кровожадность, но боль и беспокойство за судьбу всего земного человечества.

Только Подводные Колонии способны стать безопасным клапаном для накопившейся на планете ненависти. Подводное общество создано для контроля над бездной и ею проверено стократ. Лишь люди Моря способны надёжно контролировать любую ситуацию: будь то колоссальное давление глубин, война на поверхности или мир, который станет наградой за нашу ответственность и верность своей миссии. Нам всё по плечу, братья! Лишь народ Моря силён и могуществен настолько, чтобы спасти планету, приняв на себя огонь, копившийся в арсеналах Суши! Дадим выплеснуться вековой злобе и жестокости! Пусть первобытная ярость страстей, подобно бешеным волнам прилива, разобьётся об утёсы могучего интеллекта подводников! Наша миссия — разрядить напряжённость!»

Он обозначил цель, и эта цель была масштабнее всего, что могли предложить вожди всех времён и народов; он вызвал яростные споры. Твёрдость этого человека и непоколебимая вера в то, что солдаты Моря выполняют грязную работу, но спасают планету, быстро сделали генерала Ли Оберманна самой популярной фигурой и подняли на вершину военной власти.

* * *

Валевский подавил горькие размышления, отрешившись от эмоций и заставляя мозги работать с утвоенной скоростью в поисках хоть какого выхода. Похоже, для трёхсот ребят сегодняшний рассвет станет последним. Валевский мог поклясться: активное стягивание сил выльется в развёрнутые

военные действия в непосредственной близости от Буэнос-Айреса. Правительственные учреждения перевели подальше от побережья, в Росарио, и теперь аргентинские безумцы готовы пожертвовать бывшей столицей. Их безрассудство достигло прямо патологических размеров, если они надеются прикрыться десятимилионным Бу-Айсом, как щитом, от разящих без промаха ракет Моря.

Не вовремя пришла тревожная мысль: Буэнос-Айрес — город певицы Марии Агилар.

Вдруг она окажется в толпе на побережье в Пи-пиносе и будет ждать начала представления, которое грозит стать светопреставлением? Она будет держать на руках маленьку девочку в розовом костюмчике, повернув ребёнка лицом к морю, и обе будут светло улыбаться...

Арт даже заскрежетал зубами от волнения.

Война, как же она меняет свои личины!

Из абстрактного монстра, нависшего над Южным полушарием, война уменьшилась до размеров тщедушной Костлявой, притаившейся за плечами одной-единственной женщины и её ребёнка. И от этого сделалась ещё реальнее, ещё страшнее.

Валевский глянул на часы.

Пять минут в запасе, он успеет кое-что предпринять.

Он связался с диспетчерской службой, попросив разыскать координаты своего недавнего визитёра, Кассия Борддия, и отправить агенту короткое сообщение, подписанное его именем.

Тут же его догнала шифровка из штаба.

Впрочем, результаты переговоров со штабом Армии Моря ему были известны заранее:

— Морпехи погибнут раньше, чем подоспевают электо! — отвечал Валевский. — У нас нет часа времени! Решать на месте? Вы даёте такие полномочия? Окей!

«А вот за гибкость — спасибо, ребята!»

«Теперь думай, аналитик.

От тебя ждут не просто решения, от тебя ждут выхода из дрянной, действительно паршивой ситуации».

Воздушный флот Колоний состоит из полудюжины электо. Лёгкие и хрупкие о-вэ для особых поручений не в счёт, под Уэрхосом о-вэ не смогут быть полезны. Другое дело, электо с их мощными, не хуже, чем у кораблей, мираклями... Всего один электо, неразличимый в небе над головой, — и три взвода наверняка будут спасены... Но есть одно «но»: экипажам летающих дисков предстоит прикрывать не триста парней Моря, но бывшую столицу Бу-Айс. Прикрывать от военного блока «Меркатор», хозяйничающего на южноамериканском континенте. Ровно в полдень, передала разведка Моря, военные «Меркатора» закроют въезды и выезды в Бу-Айсе, превратив его в гигантский котёл, в котором от их же ракет заживо сгорит население. И мир содрогнётся: эти ребята заранее решили списать всё на жестокость подводников, это им только на руку — совет Надмирья передаст особые полномочия местной военной хунте, и военные ассигнования посыплются со всех континентов. Спасти город может лишь Армия Моря, не допустив повторения катастрофы, которая случилась с портом Посейдон в самом начале войны.

Итак, помохи с воздуха не будет. Решать задачу придётся самим.

Доверяя скорее интуиции, ещё не успев как следует обдумать план действий, Арт жестами подозывал взводного. Тот заметил взмах руки обер-лейтенанта, трусцой двинулся в сторону Валевского. Глядя на приближающегося темнолицего Мозеса, Арт думал: «Этот положит под Уэрхосом половину личного состава ради выполнения приказа. Опытный служака, не отнять, но слишком прямолинейный в решениях».

Мозес был уже близко, сопел и вытирая пот, прступивший на лбу.

Валевский пожалел, что между людьми невозможно понимание с полуслова, как бывало у него с Эйджи, когда мысль, в краткий миг обретя законченную форму, одновременно, взахлёб выливается речью. Со взводным придётся объясняться, а времени в обрез.

— Мозес, в вашем взводе на балансе штифт-поле? — спросил Валевский, вызвав лёгкую оторопь у взводного. — Отлично! — Аналитик говорил быстро, всем видом показывая, что не склонен шутить. — Соберите ребят-штифтистов класса «супер-стар» и «стар», не ниже. Из моего взвода таких наберётся четыре-пять человек. Плюс я пойду с ними. Трёхзвёздный значок предъявить, приятель?

Мозес восхищённо прицокнул языком, мотнул головой, мол, необязательно.

У штабиста трёхзвёздный значок?! В штифте эта штуковина даёт право играть за высшую лигу. Ни фига себе нью-джишник!

— Ребята должны быть не ниже «стар-класс», договорились? И не травмированные.

— У меня найдутся семеро, — не без гордости за своих солдат прогудел Мозес. — Только почему штифтисты?..

— Увидите. Ваша задача — перекрыть платформой узкий проход на местности: здесь.

— Точь-в-точь новые Фермопилы! — озабоченно процидил взводный, угрюмо переводя взгляд с карты в о-кубо на Валевского и обратно, к изображению холмов. — И у нас как раз триста спартанцев. Но если мы все поляжем под Уэрхосом, такие потери нам никто не простит, и в Зале Славы не высекут наши имена. А у меня два сына. Что они скажут про папку?

Валевский обдумывал невнятную пока ещё самому тактику.

Ему не остаётся ничего лучшего, как рискнуть ради спасения всей операции отборными ребятами. Если кто и поможет изменить расклад сил между аргентинской колонной и тремя взводами, попавшими в ловушку, то это дюжина штифтистов, цепких и ловких парней с развитым мышечным поясом и отличной координацией движений. У них же самый высокий шанс погибнуть. Риск очень велик.

Он вспотел от волнения.

Жизнь на Суше требовала слишком много сил. Организм так и не адаптировался к местному климату и тяжёлому воздуху, пусть и вентилируемому океанскими бризами.

Проинструктировал взводного:

— Накройте платформу мираклем. Получится создать перспективу продолжения автобана?

— У меня аккумуляторы на пределе. Надолго их не хватит.

Валевский на секунду задумался.

— Нет, не пойдёт. Время — это наш основной ресурс. Тогда имитируйте клубящийся туман.

— А, ну, это проще. Минут десять продержимся.

— Всего?

— Ну, десять минут стабильного полноценного миракля я гарантирую, но может хватить и на двадцать.

— Негусто. Тогда после оставьте платформу угольно-чёрной, подберите спектральное поглощение как у наших комбинезонов.

— Есть, обер-лей Артемий Валевский! — отчеканил Мозес, стесняясь спросить, что, собственно говоря, это будет?

— Как обозначить ребятам их задачу?

— Проверить застёжки на обуви и перед началом проглотить талисманы, — честно ответил Арт.

Мозес онемел и задержал дыхание. «Всё так плохо?» А что, Мозес, сам не видишь? Автобан, как стрела, выходит к побережью. А там всплывёт наш караван. Не тот, бутафорский, который сейчас смотрят все сухопутные, наивно полагающие, что уж на этот раз получится сделать удачные кадры. Как бы не так! Их фотоаппараты сохранят изображения, да на снимках толком ничего не разглядеть. Наши химвойска не зря стараются, распыляя свои таинственные ионы на местности...

Если не сдержать мотоколонну «Ангелов Мести», на подступах к Уэрхосу полягут все морпехи, а в море... в море вообще может случиться катастрофа. Нет, караван всплывающих о-тэ нужно сохранить любой ценой. Так что Фермопилы нам обеспечены.

* * *

Под прикрытием ночи «Лос Анхелос де ла Венгаса» перебрасывали свой батальон на побережье. Колонна шла с ближним светом, под камуфляжными сетками, так популярными у внешних.

В штабах армий Надмирья должны знать о том, что разведка Моря сканирует территории в инфракрасном спектре, и это делает бесполезными дешёвые трюки с камуфляжем. «Ангелы Мести» с одинаковым успехом могли передвигаться с карнавальным фейерверком и танцовщицами топлес на бутафорских колесницах. Но, видимо, наличие маскировки действовало успокаивающе на вояк Суши.

Одновременно по морю приближалась эскадра военных кораблей, посланных Советом Надмирья. Внешние стягивали силы ближе к тому месту, где сейчас будут показывать Праздник Вдоха — специально для зрителей. Такие представления за три года войны проходили попеременно в разных местах: от тасманийских, африканских, чилийских берегов и до тихоокеанских архипелагов. Одного шёпота было достаточно, чтобы начиналась давка за билетами в этом направлении... Но сейчас выходило, корабли внешних пойдут по акватории, где намечен подъём настоящего каравана тяжёлых о-транспортов, — именно там, где им как раз и не надо быть. Кроме того, на берегу в Уэрхосе суда внешних должны принять на борт дивизию «Лос Анхелос», чтобы перебросить солдат морем в Пуэрто.

* * *

Взвод Валевского, взвод Мозеса и Керима оказались зажатыми на подступах к холмам, сквозь которые тянулась лента автобана. И здесь сейчас пройдут «Лос Анхелос». Или не пройдут, и место это станет кладбищем сотен единиц боевой техники и нескольких тысяч молодых мужчин.

Валевский в последний раз окинул взглядом местность: автозаправка, за ней, в отдалении, в непротяжимой ночи белеют стены церквушки. Дальше, как показывает оптика, просторные пастбища для скота и крохотный посёлок пастухов — традиционных поставщиков телятины на рынки планеты. Посёлок утонул во мраке. Арт понадеялся, что жители предупреждены и покинули свои жилища.

Голова колонны «Лос Анхелос» стала втягиваться в узкую горловину между холмами. Плотный туман клубился над шоссе, людям отдали команду надеть лёгкие респираторы.

Юркие моторо, за ними зенитная установка и за ней первые две машины въехали в туман. Экипаж третьей машины вдруг с ужасом увидел, как по тенту передних грузовиков навстречу колонне пробежали люди. Утопая ногами в тумане, они двигались в воздухе, лишь изредка касаясь тента, который никак не мог обеспечить достаточно жёсткую, необходимую для отталкивания опору ноге. В следующее мгновение люди Моря взлетели вверх, исчезнув из виду.

Водитель, у которого волосы стали дыбом от такого зрелища, притормозил, колонна стала сжиматься, сокращалась дистанция между авто. Оборвалась радиосвязь с техникой, скрывшейся в загадочном тума-

не меж холмов. Командир «Ангелов», чертыхаясь, — морские неизменно ловко глушили все переговоры во время военных действий, — выстрелил сигнальной ракетой. В ответ со стороны первых транспортов взвилась такая же ракета: порядок.

Как только колонна тронулась, над машинами опять побежали стремительные фигуры. Теперь их путь лежал больше по воздуху. Размахивая руками и перепрыгивая через голову друг друга, они в несколько шагов исчезли. Задержался лишь один. Его сильная, очень высокая и гибкая фигура чётко выделялась на фоне светлого тумана. На лёгком шлеме, словно глаза хозяина Преисподней, светились две красные щели. Дьявол выстрелил из протянутой горизонтально ладони в ближайшую машину.

Грузовик подбросило взрывом, на дороге запыпал огненный костёр, из кузова катились в кювет солдаты, сбивая пламя со своей одежды.

В проход меж холмами на всей скорости устроились две самоходки и несколько моторо. Посатанински взревев двигателями, они врезались в туман.

Слева и справа от моторо в разные стороны отлетели проворные фигуры: показалось, таинственные прыгуны сбиты прямо в своём фантастическом полёте. Но нет. Взмахнув руками, тени поднялись выше и, лихо подпрыгнув и оттолкнувшись ногами от клубов тумана, словно провалились. Наверху задержались две высокие мужские фигуры: выпрямились в полный рост, развернули плечи — не иначе как сатанинское дефиле. Без суеты подняли перед собой ладони, и сразу четыре молнии метнулись над трассой, найдя свои цели.

В рядах «Лос Анхелос» началась паника.

«Целиться в туман!» — пронеслось по колонне, в которой от испуганных и возбуждённых человеческих воплей было плохо слышно. Первый же выстрел подсветил туман снизу, но никто не смотрел на туман: стало видно, как меж холмов пылает хаотическое нагромождение ушедшей вперёд и теперь разбитой техники «Ангелов». А экипажи таинственно исчезли.

Эта куча железа перегородила трассу. А чёрные человеческие тени над пожарищем сделали круг в воздухе и рассыпались в разные стороны.

На шоссе солдаты, завербованные в глухих провинциях, побросав оружие, крестили лбы и грудь. Вдоль колонны семенил к горящей технике круглый в своей длинной сутане священник. Дрожащей рукой он держал перед собою крест. Что-то отчаянно кричал командир второй машины в голове армейской колонны. Но водитель этого грузовика, вопреки воле своего командира, развернулся и стал поперёк шоссе, перегородив дорогу остальным, а сам вывалился из кабины и лежал рядом с машиной на гудроне, закрыв голову руками и шепча молитвы. Сзади, из хвоста колонны, параллельно первому ряду грузовиков на всей скорости промчалась техника с солдатами, ещё не испытавшими на себе мистический ужас. Стрелки этих экипажей, не спуская пальцев с курка, поливали огнём подошву холмов.

Туман исчез так же внезапно, как и появился.

Лихие вояки на всей скорости врезались в развороченную мешанину техники на шоссе. И теперь им оставалось лишь настороженно оглядываться: всё затихло в ночи.

Все, кто наблюдал за смельчаками из колонны, ахнули: красные щели-глаза блеснули во тьме на фоне неба, и с десяток «Ангелов Смерти» просто выдернуло из грузовика. Видно было, как трепыхаются тела аргентинских солдат, которых неведомая сила подтягивает вверх; через несколько мгновений они, как тряпичные куклы, мёртвыми свалились с высоты на своих товарищей. Кто-то отчаянный в грузовике выстрелил прямо в зенит, и вдруг ставшее различимым чёрное тело стало съезжать вниз, упал лёгкий шлем, и человеческая голова, слишком заметная своей белизной на угольно-чёрном фоне, неестественная, словно отделённая от туловища, эта голова дёрнулась, вися макушкой вниз. Телу не дали упасть. Дьявольский туман из ниоткуда мощными клубами закрыл свесившуюся белую голову, а затем, похоже, небо опрокинулось на машины у подножия холмов: раздался скрежет металла, и несколько боевых единиц Армии Аргентины просто расплющило, увеличив хаотичную мешанину техники. Шоссе взорвалось светом на несколько километров: каждая армейская машина оказалась в потоке мощного светового конуса. Стало так ярко, что можно было бы пересчитать иголки у кактуса.

Высвеченные конусами света, солдаты «Лос Анхелос» запаниковали. Весь личный состав разделился на тех, кто стрелял, и тех, кто бросился бежать прочь, в спасительный мрак. Их расстреливали свои же, посылая вдогонку автоматные очереди. Расстрел бегущих «Ангелов» начался с машины ближе к хвосту колонны: там паренёк Такеда, слетев с катушек, повернул автомат в сторону бегущих и заорал:

— Бежите, собаки?! А присяга? А нам мозги съедят морские дьяволы, так, значит?

Такеда, ловкий, как обезьяна, и весь состоящий из мышц и сухожилий, выпрыгнул из кузова. Его подвижная фигура, отлично видимая в свете прожекторов, привлекла внимание всех, кто был поблизости. Такеда смело отскочил к обочине, подняв руки и показывая пальцами рогатки в предупреждающем жесте, — сощурился против бьющего в лицо света, затем стянул кепи на глаза, поглядел сквозь ткань и уверился, что мощные лампы просто лежат на земле вдоль трассы, сориентированные точно на дорогу.

Такеда принял расстреливать крошечный прожектор. Удалось попасть не сразу, точечный источник света взорвался, пламя от него пошло низом, образовав огненный диск, облизало колёса и днище ближайших машин, с кузовов посыпались и покатились люди, грузовики занимались огнём и взрывались. На шоссе сделалось ещё светлее, теперь трудно было определить, где лежат микропрожекторы подводников.

Такеда быстро бежал по дороге, к горящей куче металла у холмов. В ярком свете блестели стекающие по лицу парня мокрые дорожки, пот каплями падал с подбородка. На юном сержанте гимнастёрка пошла тёмными пятнами на груди и спине. Такеда звал за собой:

— Ребята, айда! Вы меня знаете, я заткну глотку этим морским, я посмотрю на них поближе!

За парнем бежал самый отчаянный молодняк, по пути стреляя налево и направо, в воздух и в спины бегущим в ночь.

Такеда резко прыгнул с шоссе во мрак, покатился в кювет, поднялся и начал взбираться на подошву холма. Его цель находилась где-то выше шоссе. За ним спешали лишь двое прытких молодых ребят. Такеда зло оглянулся на них и, ничего не сказав, в два приёма выбил точным ударом ноги автоматы из рук растерявшихся бойцов, а сам полез в ночное небо, ловко перебирая руками по чему-то невидимому. Растерявшиеся ребята остались внизу, запоздало поняв, что находятся в опасной близости от врага.

Две красные щели спустились сверху: неразличимый на фоне угольно-чёрной платформы человек глянул на Такеду, из последних сил карабкающегося по невидимым со стороны штифтам спортивной платформы.

— Пустите, — зло процедил парень, стараясь не заглядывать в красные прорези шлема. Ему с трудом давалось забытое искусство слежения за подвижными выдвигающимися стержнями. — Я сам. Наверх. Сам.

Выстрелом снизу парнишку сняли.

Он потерял опору под ногой, неловко пытаясь ухватиться за коварные подвижные стержни, но те уходили из-под рук...

Мальчишка падал.

Этот паренёк — несомненно, подводник. Свой в форме «Ангела Мести». Вот так год назад был неопознан и убит племянник Серый, которого приняли за парня Суши. Размышлять было некогда. Валевский скользнул мимо штифтиста из взвода Мозеса, приказав тому: «Прикрой!», и свалился практически на головы аргентинских солдат. Двоих с автоматами

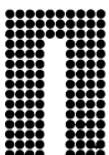
его ребята успели нейтрализовать из самонаводящихся о-пластов, побоявшись стрелять очередями, чтобы не попасть в своего командира. Упавшего мальчишку Арт сгрёб в охапку, перекинул через плечо и, взмахом руки показав, чтобы ему подсобили поднять тело, принялся следить за штифтами, отслеживая алгоритм их появления. Приноровившись, стал быстро подниматься, опираясь ногами и помогая себе руками, когда штифт уходил из-под ноги. Хотелось оглянуться и посмотреть с высоты на колонну транспорта «Лос Анхелос», но некогда, слишком велик риск.

— Убираем штифт-поле! «Ангелы» оклемались, сейчас начнут обстрел! — просипел он, отдуваясь, спускавшимся сверху парням.

Офицер появился на склоне холма и выстрелил, ориентируясь по фигуре Такеды, ясно видимого в своей камуфляжной форме и переломившимся телом выдававшего несущего его человека.

Пуля попала в Валевского.

БЕЛЫЙ МАМОНТ

ожалуй, музыки было даже слишком много на свадьбе Алоиза Хорхе и Патрисии.

Ловкая парагвайка всё-таки умудрилась женить на себе подуставшего от амурной карусели доктора. Не прикрывая округлившийся животик, невеста веселилась от души и целовалась со всеми гостями. Особенно радушно были встречены Мария Агилар и подъехавший чуть позже Кассий Борддия, попавший в гостевой список стараниями Лукреции. Певицу и её агента посадили за одним столом, ближе к летней эстраде.

На Марию Агилар невеста возлагала особые надежды, как на хороший дорогой десерт.

Свадьба, по словам Хорхе, очень скромная, стараниями многочисленной шумной родни невесты превратилась в грандиозную попойку. На лужайке, огороженной гирляндами искусственных цветов и фонариками, было людно, шумно, по-праздничному бестолково. По просьбе Патрисии маленькую Еву Агилар нарядили ангелочком и научили нести фату за невестой. Сообразительная девочка сразу вникла в свою роль. Из неё получился самый прелестный и

беспроблемный ангелочек из всех ангелочеков, когда-либо принимавших участие в свадьбах.

Лукреция, сияющая от гордости за «нашу» Еву, тенью следовала за малышкой. Но, будучи очень деятельной тенью, успевала давать советы девушкам и поправлять им причёски, язвительно пикироваться со зрелыми родственницами невесты, быть любезной с красивыми мужчинами и таскать за собой Фредерика.

Мария быстро утомилась вертеть головой и следить за перемещениями всей троицы и позволила себе просто наслаждаться общим весельем.

Она облокотилась о стол, покачивала длинной стройной ножкой, с которой стянула туфлю: модель оказалась неудобной, туфля слегка поджимала. Её агент, скромно сидевший за столом напротив неё, вскоре оказался единственным вменяемым среди краснолицых вспотевших гостей. Борджия пил мало, лишь пригубливал из бокала, но заботился о том, чтобы рядом была чистая вода, запас которой, оказывается, возил с собой в автомобиле. Марии это понравилось. Она улыбалась агенту, и тот делился с ней содержимым небольших бутылок с аква. Она не могла влиять в себя странные составы, которые так любят внешние, и в результате в их бокалах вино убавлялось чуть быстрее, чем это происходило бы от естественного испарения.

Мужчины так и норовили подойти к Агилар с витиеватыми и двусмысленными комплиментами. Она уже перетанцевала все танцы с низкорослыми сеньорами, но кружиться лучше, чем с Борджия, не вышло ни с кем. Остальные кавалеры представляли

опасность для дорогих туфель, которые нужно было беречь: Марии ещё предстояло идти на сцену.

Лукреция придумала устроить музыкальный марафон, и Агилар согласилась. Она помнила, что дружеское участие Хорхе и Патриции, Лукреции и Фредерика, и снова доктора Хорхе, когда-то не побоявшегося выгородить её от властей и при этом не мало рисковавшего, — их участие в её судьбе дорогостоит. Мария рада была сделать для молодожёнов что-то хорошее.

А агент? Ну что ж, пусть сидит, смотрит на неё украдкой, делая вид, что его умиляет общее веселье. Он её агент, работодатель, и его взгляды можно понимать двояко: может быть, он оценивает, в хорошей ли форме певица?

А она в хорошей форме и знает это. Платье сидит каклитое, нежно-сиреневый ей всегда был к лицу, и большие серьги задорно покачиваются в ушах, стоит только чуть повести головой.

Пару раз она бросила кокетливый взгляд на Борддия, говорила и задумчиво покусывала соломинку от коктейля, и агент «поплыл».

Заметив, что красивая гостья Мария Хосе предпочла компанию высокого мужчины, остальные кавалеры стали не так навязчивы, и Агилар успела спокойно попробовать кое-что из блюд парагвайского повара. Этот Борддия подсказывал ей, какие выбрать, и даже удалялся за ними на кухню, а возвращаясь, находил её танцующей с очередным портьерос, поспешившим ловко воспользоваться моментом. Странно, этот агент очень точно определял, какое кушанье может ей понравиться, и тем заслужил её благосклонность. Мария даже стала отказываться от

приглашений на танец, и его забавляло то, как изобретательно она отшивает незадачливых кавалеров, разгорячённых напитками.

На эстраде поступали в микрофон. Все обернулись.

— Начинаем музыкальный марафон! — объявила с эстрады Лукреция.

Мария отметила про себя, что её покровительница отлично смотрится на сцене: поджарая, яркая, накрашенная смело, что очень даже неплохо выглядит в искусственном свете. «Я буду выглядеть гораздо бледнее, — подумала Мария. — Почему было не добавить на лицо больше цвета для местной публики? Надо иметь это в виду».

— Звезда сцены, великолепная Мария Хосе Агилар поёт со всеми желающими! Но право спеть дуэтом с самой Агилар чего-то стоит! Все средства, собранные в музыкальном марафоне, станут подарком нашим молодым, Алоизу и Патрисии Хорхе! — звала Лукреция.

Мария пела с родителями Патрисии, затем с её близкими родственниками, что было очень непросто: приходилось каждый раз подстраиваться под чужой голос, а некоторых просто перепевать, заглушая дикий козлeton. Но в целом получалось неплохо. К эстраде выстроилась очередь из гостей, и конца ей не было. Мария уже притомилась. Она случайно заметила, что Борджия нет нигде, и ей это не понравилось. Но нужно было работать, и Мария продолжала встречать, подбадривать выходящих на сцену и улыбаться, улыбаться, улыбаться: гости хотели оставить на память фото с красивой дивой.

Под помостом возникло лёгкое замешательство. На сцену, поправляя дорогой, завязанный галстуком шейный платок, поднялся Кассий Бордзия. Он положил солидную сумму на поднос в руках Лукреции, и та пропустила его вперёд, властным кивком приказав остальным потесниться.

— Внимание! Кассий Бордзия, агент Марии Хосе Агилар, меценат, оказывающий крупные благотворительные пожертвования госпиталю в Хенераль Гортези, видимо, решил стать меценатом свадьбы супругов Хорхе!

— О, нет-нет, всего лишь спеть с сеньорой Агилар! — скромно возразил Кассий, сорвав аплодисменты всех сеньорит и даже Марии.

— Что мы будем петь? — спросила она.

— С вами я готов петь всё, даже прогнозы погоды! — раскланялся Кассий, решивший превзойти в галантности здешних мужчин.

Мария слегка зарделась. Этот агент начинал волновать её воображение...

— Давайте попробуем «Улицы танцуют», — предложила она, решив, что эта простая песня по силам каждому. Какой голос у Бордзия, она не знала.

Тот оказался с приятным баритоном и вполне прилично спел куплет и припев. Марии не хотелось отпускать такого напарника. Всё равно песенный марафон нужно как-то сворачивать; всех желающих, а некоторых дважды и трижды, она не перепоёт. Так почему бы не завершить красиво, с Бордзия, щедро заплатившим за право гудеть в соседний микрофон? И это ему удаётся гораздо лучше других.

— А теперь «Полнолуние», если вы не против, — сказала Агилар, расчетливо отправив один-един-

ственний, зато долгий лучистый взор в сторону мужчины.

Тот снова стал теребить галстук. Кивнул, сосредоточился, как школьник, готовящийся сделать объявление на общем соборе. Агилар даже умилилась. Он не подвёл: спел лучше прежнего, но опять не знал слова дальше первого куплета. Странно. Здесь эти песни с детства знают все...

— У меня ещё есть деньги, — лукаво объявил в микрофон Кассий, запустив руку в карман и вызвав новое веселье среди гостей. Кто-то крикнул:

— Эта девушка тебе дорого обойдётся, парень!

Кассий только кивнул в ответ, с улыбкой разведя руками.

— Я мечтаю спеть с вами, сеньора Мария, свою любимую песню. Вот музыка — у меня с собой случайно диск, я слушал его в дороге. Должно быть, не самая подходящая запись, не совсем караоке. Просто мелодию играет хороший оркестр. Но если бы у нас получилось... Если попробовать... Это моё самое горячее желание!

Мария, стараясь не выдать удивления, бросила быстрый взгляд на агента: он предложил ей спеть то, что сочиняли не на Суше. Эта мелодия называлась «За поворотом ждёт меня судьба». Она её знала. С недавних пор, когда к ней стали возвращаться фрагменты прошлого, она не сомневалась, почему знает эту песню...

...Для внешних поворот открывает новую перспективу вдаль, и можно разгоняться или бездумно мчаться до нового поворота, а можно не сворачивать вообще никогда.

У подводников всё не так.

В рифе каждый совершает множество поворотов; а ещё бывает, улицы-тоннели тянутся винтообразно. Пространство мира Моря сжато, свёрнуто, компактно. И в этом пространстве так же приближены причины и следствия твоих поступков, — не в пример непредсказуемой, алогичной, безумной жизни в Надмирье, где зло и добро перемешаны, и никогда не знаешь, чего ждать и что будет с тобой завтра...

— Давайте попробуем! — подбодрила она Борддия, взмахнув ресницами. Жестом, сводившим с ума её поклонников, повела руками с мягкими округлыми предплечьями.

К этим предплечьям Борддия давно мечтает приложить губами.

Зазвучало вступление.

Оркестр мастерски исполнял мелодию, не перегрузив её лишними свободными вариациями.

«А запись вполне может служить фонограммой для вокального исполнения, — подумала Агилар. — Мой загадочный агент знает, что делает. Ну же, лад-но!»

По экрану побежали слова, и Мария сделала вид, что читает. Они с Борддия сдвинулись ближе, как будто им необходимо видеть экран, ещё ближе: теперь Агилар задевала его бедром, а он всё не догадывался положить руку ей на талию...

Голова к голове, возможно, даже слишком близко, ближе, чем необходимо, — и песня зазвучала так, как будто они репетировали. К Марии Агилар вер-

нулось ощущение полёта, переживаемое во время пения. И это почувствовали зрители.

Борджия держался молодцом: он не был ни нелеп, ни смешон, не делал лишних движений, не сутился. Он нашёл ту единственную верную манеру, которая делает выступающего привлекательным, и тоже весь ушёл в пение, поглядывая на женщину рядом и испытывая удовольствие от близости её волос, щёк, шеи и открытых плеч...

Он приподнял руку и осторожно коснулся её спины. Взгляд Марии сказал, что она ждала. Кассия захлестнула горячая волна. Он старательно допел слова до конца, хотя непривычная роль вокалиста показалась ему мучительно трудной. «Ну и работёнка!» — подумал он, вытирая лоб, за неимением платка, рукавом.

Похвалил себя: вроде бы не облажался. И Агилар, умело подстраиваясь, вытянула их песню до вполне приличного уровня.

— Попробуем как они, — заговорщицки шепнул Борджия, кивая на картинку на обложке диска и надеясь на то, что Мария не станет возражать против финальной сцены.

Он поднял её на плечо, совершенно забыв про только-только заживший перелом руки. Какой, на фиг, перелом? Он забыл даже про сломанное ребро и разбитую в автомобильной аварии голову. Он чувствовал себя молодым и способным... ну, скажем, на многое способным.

Агилар послушно раскинула руки, выгнувшись вперёд высокой грудью и изобразив усталую птицу.

Борджия вернул её на землю, не без опаски заглядывая в глаза «певчей птичке» и желая одного —

чтобы все шумные гости с их аплодисментами и криками «Браво, бис!» провалились в бездну, в самую глубокую и мрачную бездну, и оставили его наедине с этой женщиной.

Улыбающаяся Лукреция выскочила на сцену и завладела двумя микрофонами на стойках, лишив гостей последней надежды продлить сеанс пения с Агилар. Как заправский конферансье, она что-то жизнерадостно и безостановочно трубила. Борджия и Агилар поняли, что сейчас самое время уйти незамеченными. Они спустились в толпу под сценой, и звуковые колонки рядом ощутимо завибрировали, а над лужайкой оглушительно загремели танцевальные ритмы, вспугнув стаю зелёных попугаев, гнездившихся в верхушках старых эвкалиптов неподалёку. Пронзительные и громкие крики птиц долго не затихали в паре кварталов от свадебной лужайки.

Агилар смело схватила своего агента за брючный ремень, подсунув под пряжку длинные пальцы, и увлекла в темноту, подальше от разноцветных фонариков. Кассий почувствовал, как бешено разогналась кровь в жилах и тесными стали джинсы. Агилар смеялась и вела его в сторону дома.

— А ангел Ева? — вырвалось у Кассия, неожиданно вспомнившего, что нигде не видел своего ребёнка. Мать рядом с ним, Лукреция на сцене...

Мария остановилась от неожиданности и отпустила его ремень. На щеках женщины проступил невидимый в темноте румянец стыда.

Её несказанно удивило то, что не она, а этот мужчина подумал о её девочке.

— Ева? Девушки фотографируются с ней под цветочным сердцем. Ты помнил о моей дочери? — встала она перед Кассием.

— Как я могу забыть единственного ангелочка на этой свадьбе? — выкрутился он. — У меня вообще нет других ангелочеков, это — первый.

Сказал и не покривил душой.

— За Евой приглядывают Лу и Фредерик, сегодня вечером я свободна, — прощедила с намёком Мария, взяла его за руку и повела вокруг дома к заднему входу. Кассий не слишком упирался, едва успевая отмечать, как они пробегают сквозь большую, заваленную дамскими вещами комнату, через эту комнату ещё в комнату, там дверь за его спиной хлопнула и стремительно закрылась на ключ.

«Что я делаю? Я же влюблена в офицера Моря! А соблазнила мужчину Суши. Да ещё своего собственного агента. А он к тому же старше. Нет, не старый, но ведь не тот, не тот, о ком я мечтала! Что я делаю? Что я себе позволила? А он хороший: и ласковый, и осторожный... А я — падшая женщина, я всё-таки ступила на путь разврата, а ведь боялась этого больше всего! Отличного такого разрвата... укусить его, что ли? Вот сюда, за мочку уха.... Ах, так? Вот, именно так падшие женщины и предают свою любовь. Теперь я не посмею даже приблизиться к сероглазому офицеру в хакама, а он придёт! Он когда-нибудь вернётся. Мужчины они такие — нюхом чуют... Больше этого не делай, Агилар, не позволяй себе такое... ну разве что ещё разок, сегодня уж всё равно...» И она снова запрыгнула на Кассия.

— Больше так не делай? Это мне? — охнул тот.

Агилар поняла, что выболтала часть своего внутреннего монолога и тихо рассмеялась.

— Хватило бы сил вернуться назад, к гостям... — прошептала она, щекоча Борджия спустившейся тугой прядью волос.

— Мы.. будем... очень... расчетливо... тратить... — отозвался Касс, в улёте от полного слияния с женщиной, тело которой трепетало и пело в его ладонях. «Только не умри, старина, под ней, только не умри — от радости или...» — он выдохнул в унисон с Марией и, разметавшись, лежал с бешено бьющимся сердцем.

«Хочу троих детей. Нет, пятерых. С ней. Пятерых хорошеных малышей. Она сможет. Эта — всё сможет!»

Проводив возбуждение, он решился спросить, стараясь при этом не думать, куда заведёт разговор:

— Далеко-далеко отсюда тебя звали Эмилия. Ты знаешь это?

— Да.

Она затаилась.

— Я не буду вспоминать об этом, раз ты не хочешь.

— Обо мне — не хочу. О тебе. Как ты узнал моё имя?

— Я следовал за тобой, — шепнул Кассий. А совесть спросила: «Ты опять за своё? Зачем соврал ей?»

«Потому что я люблю её и хочу её. И я хочу расстаться нашего ребёнка», — ответил совести Кассий.

«А без вранья никак?»

«Получается, никак. На моё плече лежит счастливая женщина. Я хочу сделать её ещё счастливее. Какая ей разница, как я это сделаю?»

— Ты? Следовал за мной? Что это значит?

— Я искал тебя, Мария.

«Что, опять вру? Если вру, то самую малость: сегодня я по-настоящему понял, почему оказался там, где оказался. Ради этой женщины».

Мария лежала, затаив дыхание. Она размышляла.

Он слишком резко ворвался в её жизнь и как будто не собирается выходить. Любит ли она его? Нет. Тогда как всё получилось? Она сама впустила его. А ведь уже примирилась со своим прошлым и позволила себе быть Марией, решив: пусть уйдёт Эмилия, которая была очень несчастна. Возможно, счастье найдёт Марию Хосе?

Агилар оборвала свои размышления: «Ты можешь выбирать. Это право у тебя никто не отнимет. Это твоя жизнь, и делаешь её ты сама, а не какой-то агент Кассий Борджия или кто-то другой. Смело смотри вперёд, сама решай, и всё будет, как хочешь ты!»

Она вскочила с дивана, принялась быстро и деловито застёгивать на теле все женские штучки, словно Кассия и не было рядом. Ему ничего не оставалось, как поспешить облачиться в джинсы и рубашку и выйти следом за ней. Мария уже мчалась в ночь, расцвеченнную фонариками. Лёгкий цокот каблуков по полу перебился на входе и отозвался новым, сбивчивым ритмом на плитках мощёной корявым камнем дорожки.

Кассий на ходу завязывал шейный платок.

У него не получалось.

Он смял тугой шёлковый треугольник с лейблом, за который заплатил как за костюм, и сунул его в карман.

В душной ночи на излёте аргентинского лета в кустах звенели и трещали местные насекомые. Из-за непроглядно-чёрного полога ветвей донёсся женский игривый шёпот, к нему добавился приглушенный кашляющий смех из прокуренного горла. На самодельной эстраде снова загрохотала музыка.

«Будет трудно, Касс, — подумал он, провожая глазами силуэт в светлом платье. — Но ничего. Этакая штучка — для настоящих мужиков!»

Он вышел на лужайку, стараясь не смотреть в ту сторону, где мелькала в свете фонариков нежно-силеневая «певчая птичка». Разглядел Лукрецию — та буйной накладной гривой выделялась среди притомившейся, но ещё оживлённой толпы гостей, как матёрый лев посреди прайда.

Кассий на правах агента пообщался с младшей Агилар: расспросил малышку, о чём она мечтает. Оказалось, крошке для счастья нужен какой-то белый мамонт со своей семьёй: мамой мамонтихой и детками мамонтятами, и чтобы обязательно цеплялись хвостиками и шли друг за другом. Других, не белых мамонтов без цепляющихся хвостиков, Еве не надо.

— Правильно! — кивнул расчувствовавшийся Кассий, которому очень хотелось обнять своё дитя. — Даёшь крепкую семью! Все должны цепляться друг за друга хвостиками и прочим...

И прикусил язык, потому что чуть было не сказал:
«Горжусь тобой, дочка! Вся в меня!»

Предстояло выяснить, что за зверь — мамонт? Борджия не мог припомнить, как выглядит это существо, и наличие хвоста ничего не проясняло. И где покупают белых с хвостами? Борджия попытался представить, каким образом несколько зверей цепляются хвостами так, чтобы потом двигаться вместе? Хвосты очень длинные? Или они закусывают их зубами?

«Бррр!.. Впрочем, всё может быть... Семейные отношения — дело замысловатое: или ты держишься за неё зубами, или она впивается в тебя».

Только он сел в автомобиль, включил зажигание и кондиционер подал волну охлаждённого воздуха, как в телефоне всплыло сообщение: «Срочно. Благодарные поклонники в Кордобе ждут восходящую звезду Марию Хосе Агилар. Долговременный контракт. Поторопитесь организовать выезд певицы с семьёй утром одиннадцатого марта. А. Валевский».

Как это понимать?!

Борджия несколько раз перечитал сообщение.

Это совет? Просьба? Нет, практически приказ. Какие основания у обер-лейтенанта Армии Моря приказывать ему? Никаких. Но он делает это, сопроводив точными указаниями. И ещё: «...выезд певицы с семьёй».

По большому счёту, когда и кому было важно, есть ли у певицы семья? Её проблемы. Если гастроли — это её гастроли, это бизнес, какая, к чёрту, семья? И одиннадцатое марта — уже завтра. Вечером ожидается всплытие о-тэ в Пипиносе, Кассий неплохо поднялся на продаже билетов и в доле с прокатчи-

ком воздушных шаров; надо быть на берегу. Кстати, он хотел сделать сюрприз для Марии и заранее предвкушал, как появится на набережной в компании такой женщины...

Гребаный аналитик, всё поперёк!

Чего ему надо?

Ты придурок, Кассий!

Обер-лей хочет, чтобы Мария и её родные оказались как можно дальше от того места, куда ты планировал её привезти. Почему он этого хочет, разберёмся позже. А сейчас действуй! Если до вечера завтрашнего дня они должны оказаться на расстоянии восьмисот миль от побережья, отправляться надо немедленно, пока свободны дороги. Тем более на рассвете начнётся наплыв народа в Пипинос, и на выездах из южного Бу-Айса можно застрять в пробках на несколько часов.

Борджия побежал обратно, к столикам с горами грязных салфеток, пластиковых тарелок и опрокинутых бутылок, и принял разыскивать среди сеньор с распустившимися причёсками и в мятых юбках ту, которую предстояло ещё уговорить покинуть город. Марии не было. Он принял звонить ей. Телефон молчал. Тогда он стал назанивать Свенсену: где Свенсен, там и Лу Фольк, а рядом с Лу — его малышка и Мария. Свенсен долго не отвечал. Наконец трубку поднял другой человек и стал объяснять, что хозяин забыл свой мобильник на столе, но утром телефон передадут владельцу.

«Какое там утром! — как ужаленный подпрыгнул Борджия. — Нет у меня этого времени! К тому же, потная морда, ты проспишься только к полудню!»

И увидел, что доктор Хорхе отнял трубку от уха.
«Ага!»

Он подскочил к жениху:

— Телефон Свенсена?

— Да, его, Свенсен забыл свой телефон, — отвечал доктор с улыбкой. — Как растёт ваша маленькая дочь?

— Всё окей. Полный порядок. Мне нужно срочно переговорить с Агилар или с кем-то, кто рядом с ней. Не могу дозвониться.

— Не волнуйтесь. Мария, скорее всего, баюкает Еву, а может, и сама прикорнула в дороге, отключив телефон. Сегодня для неё был тяжёлый день. Вам отдельное спасибо, вы замечательно поёте. Отличный получился дуэт! — улыбался Хорхе.

Борддия был неожиданно польщён, но, озабоченный и суетливый, меньше всего хотел продолжать светскую беседу. Он подумал о том, что вот — стоит док, его ровесник, вскоре у него появится первый ребёнок. Поколебавшись мгновение, сказал:

— Хорхе, где вы планировали провести медовый месяц?

— Мы его не планировали. Сейчас много работы. Отдохнём, когда родится малыш, я взял на это время месяц отпуска.

— Вы любите менять свои решения, Хорхе?

— Нет.

— Очень плохая привычка, док. Давайте вместе дружной компанией махнём в горы, сегодня, прямо сейчас. Мне нужно увезти из города Марию и Еву, и я сделаю это, даже несмотря на то что срываю все выступления Агилар. Её жизнь мне дороже концертов. Понимаете?

Шокированный доктор умолк. Его лицо тревожно вытянулось.

Кассий продолжал:

— Я очень рассчитываю на вас, помогите убедить «певчую птичку», что это не блажь её агента; вы же давний её друг.

Доктор, соображая про себя, решил проверить догадку окольным вопросом:

— Скажите, через вас можно достать билет на Праздник всплытия в Пипиносе?

Тугодумие внешних раздражает.

Но доктор нужен, и с ним можно позволить себе немного искренности:

— На завтрашнее шоу подводников я ни за какие деньги не продам билет ни вам, ни вашей жене, никому из людей на этой свадьбе, — шепнул Бордзия.

— Понял, — кивнул Хорхе. — Спасибо, сеньор Кассий. Я поговорю с Лу и Марией. Что не получится у меня, доведёт до ума Патрисия. Обещаю, Мария с дочерью уедут с вами.

— Я не могу отправиться сейчас, у меня здесь бизнес. Потому и рассчитываю на вас, Алоиз. Сматывайтесь, и как можно скорее. Я догоню вас, самое позднее через сутки, если к тому времени ещё сохранится автострада на Росарио. Советую: держите всё в тайне хотя бы до выезда из Бу-Айса.

Побледневший жених смотрел на него.

«И сколько ты будешь ангелом-хранителем для внешних, морской дух Кассий Бордзия?.. Доктор сделает всё, он мужик сообразительный, и у него хороший стимул: округлившийся животик невесты.

А у меня остался один свой интерес: надо успеть распечатать фальшивые билеты на праздник и спустить их после полудня с небольшой скидкой. Сдаётся мне, сверять количество мест в этот раз не станут. Белый мамонт, белый мамонт... белый мамонт — это к деньгам!»

* * *

На рассвете позвонил Хорхе, отчитался, что Свенсен с женщинами выехал два часа назад. За ними потянулась из Бу-Айса вся родня его жены, — Патрисия и тут постаралась. И теперь караван автомобилей родственников мчит против встречного потока машин, спешащих на праздник на побережье.

«Ага, а семейка и впрямь сцепилась хвостами и покатила!» — хмыкнул Кассий.

Потом позвонил Свенсен, сказал, что в направлении на Росарио растёт многокилометровый хвост из легковых авто. Кассий не ошибся: из Бу-Айса начался отток людей, в военное время слухи разносятся быстро...

После обеда он почувствовал, что не на шутку утомлён но, молодец, дельце успел провернуть; доверенный человек заберёт левые билеты и сбудет их на побережье.

Белый мамонт тоже куплен.

Зверь — чисто слон, только лохматый и сутулый, с кучерявой шевелюрой на лбу. Семья выстроилась пирамидой у него на спине: супруга и семеро мамонтят, мал мала меньше, и всё белоснежное стадо упаковано в прозрачную целлULOидную сумку с расписной ручкой. Неплохо. Дочке должно понравиться.

виться. Кассий даже зажмурился, представляя себя развалившимся на ковре, рядом беззаботно водит мамонтов и лопочет Ева, и Мария.... О, Мария тоже рядом, и соблазнительно мелькает её тело под распахивающимся халатиком...

Он с трудом выехал из города, прозорливо выбрав кружной путь — объездное шоссе на Коньюэлс. Вокруг Ла-Плата, молодого и многолюдного района Бу-Айса, расширяющегося в южном направлении, словно бегущего подальше от крошащихся развалин старого города, на выездах творилось что-то несусветное, а впереди — длинный путь до Кордобы.

Медленно двигаясь по автомагистрали в потоке машин, Кассий широко зевнул в кулак, а когда взглянул на обочину, увидел девочку: ровесницу его малышки, с тёмными короткими бровками, ставшими домиком над ярко-голубыми, распахнутыми от удивления глазами, — ни дать ни взять его Ева. Девочка держала за руку карапуза на год младше себя. Ещё одного братца, копию первого, видимо, близнеца, мать держала на руках. Непонятно, что делала мамаша с малышами на пыльной загазованной обочине. При виде его машины у детей рты округлились: они глядели на Кассия за рулём как на чудо. Их мать отчаянно взмахнула рукой, умоляя остановиться. Девочка молитвенно сложила ладони, и это окончательно добило Борддия. Он, рискуя получить под бампер, юзанул в сторону и стал.

— Пожалуйста, сеньор, помогите нам вернуться в Бу-Айс! — сказала женщина, совершенно измятная тяжёлой жизнью, усталая и запыленная, но с внутренним благородством в голосе, аккуратным

произношением и выразительными тёмными глазами на некрасивом лице.

— Вы перепутали направление, сеньора, — попытался отговориться Кассий.

— О, нет! Я не могу попасть на другую сторону автострады, здесь такое движение, а до ближайшего перехода километра два, боюсь, детям не дойти... Нас бросили... — её губы дрогнули.

У ребёнка, которого она держит на руках, мокрый лоб, мальчик болезненно прикрыл глаза: температура.

«Что за сволочь бросила детей и мамашу на трассе?! Бездна, опять ты, Касс, крайний!»

— Садитесь, — кивнул он, наблюдая, как радостно принялись вскарабкиваться на заднее сиденье мальчики, причём девочка, похожая на Еву, пропустила вперёд крошечного братца, пытаясь ещё и помогать ему, подталкивая мелкого под зад. Мать, закрыв за ними дверцу авто, уселась на переднее сиденье и расплакалась:

— Спасибо, вам, сеньор! Пресвятая Дева, воистину вы — наш ангел! Не знаю, что бы я делала с детьми на дороге? Роберто заболел, ему и утром нездоровилось...

— Как вы оказались на шоссе? — поинтересовалася Борддия, пытаясь ввернуться в автомобильный поток.

Женщина поудобнее устроила на руках хныкающего Роберто, кивнула на детей на заднем сиденье:

— Их отец сейчас в армии. Говорят, в городе скоро будет опасно. Нас взялся довезти до Маркоса родственник. По пути его жена устроила дикую сцену, что он нарочно придумал уезжать в Маркос

и везёт меня, чтобы иметь любовницу под рукой. Я не могла это перенести, сеньор, я учительница... Это было невыносимо, так унизительно. Я потребовала остановиться и вышла. Эти люди обещали от править за нами другую машину, мы ждали четыре часа. Мои малыши, бедняжки, и Роберто, ему совсем плохо...

Бордюрия покосился на детей на заднем сиденье и хмыкнул: э-хе-хе, теперь понятно, отчего они тащились на него с таким обожанием! Не на него, а на внушительных размеров прозрачную упаковку с белыми мамонтами.

Девочка и младший мальчик приклеились к сумке, пожирая взглядами мохнатую семейку.

— Ничего не трогайте, только смотрите! — приказала им мать. — Это очень, очень дорогая игрушка! Если будете слушаться, белый мамонт придёт к вам по телевизору.

Она глянула на Кассия извиняющимися глазами:

— Ради бога, простите нас за беспокойство... у меня есть деньги, я заплачу за проезд... Пресвятая Дева, вы так добры!

«Ага, что можно взять с бабы, у которой даже нет мобильного, чтобы дозвониться до своих?»

Кассий снова ощущал, какая финансовая пропасть разделяет людей в Надмирье: всех этих иностранцев Свенсена и Фольк, заматеревшего местного высоколобика доктора Хорхе, не говоря уже о серебряном бароне Гижермо Браво, — и нищую, пусть и воспитанную учительницу из квартала ви-жей. «Вот оно, Касс, то, что тебе толковали в школе: социальное неравенство, а с ним недоступность мно-

гих благ цивилизации. А детишки у всех одинаково хорошеные, и все хотят белых мамонтов».

— Едем в Бу-Айс? Или всё-таки в Маркос? — переспросил женщину Кассий.

— Я не хочу затруднять вас...

— Дело не в трудностях, сеньора, я уверен, что в Маркосе безопаснее. Скоро будем на месте, вы сможете накормить детей и заняться больным сынишкой. А вот вернуться в столицу выйдет только к ночи.

В Маркосе Борджия пришлось свернуть с трассы, чтобы довезти учительницу с детьми до дома родственников; к тому времени Роберто на руках матери пылал жаром.

Второй близнец горько разревелся, не желая выходить из машины, в которой уедут мамонты. У старшей девочки бровки опять стали домиком, а губы сложились в жалостливый свисток, и она всё оглядывалась на расписанную сумку. Борджия раскрыл упаковку и вручил детям троих верхних зверёнышей.

Нормально, осталось ещё шесть мамонтов, шесть — счастливое число.

Последолуденная жара задалась целью высушить в хрупкий пепел сизые от пыли сады на улице, тянувшейся среди облезлых строений ветшавшего городишки. В сонной тишине высокий женский голос резал уши, пока Кассий разворачивал машину: хозяйка дома с тенистой верандой, обсаженной по углам угрожающими даже на вид кактусами, громко говорила по телефону. Сеньора верещала, теребила шнур допотопного телефона и повторялась, сетяя на то, что пропадает связь: «А Айседора, да, стерва

Айседора, зудит ей, загребла старшую, Марианну, и грудничка Мигеля и рванула на побережье. Сказали, там сегодня можно купить билет со скидкой!» — и снова: «Айседора по-е-ха-ла в Пи-пи-нос! Теперь слышно?»

«Море начало контролировать местные коммуникации. Да, скоро вокруг столицы станет особенно жарко....

Ты сволочь, Касс!»

Он зыркнул на своё отражение в зеркале заднего вида и напоролся на острый, как клинок, и такой же быстрый просекающий взгляд.

«Ты сволочь, уж будь уверен! Не сомневайся, ты гад. Морской гад!» — прощедил сквозь зубы Борддия, хлопнул ладонью по колену и погнал машину в обратном направлении, по забитой встречными машинами трассе на Ла-Плата, а оттуда в Пипинос. Если обойдётся без неожиданностей в дороге, ещё успеет перехватить билеты у своего доверенного и не пустить их в продажу.

ГЕРОЙ

Исходу года в действующих войсках, используя служебные полномочия — право собирать всю информацию, которую только могли предоставить полевые командиры, — Валевский, заслуживший уважительное прозвище «шпег-боец», контуженный и с мятущейся душой, закончил свои наблюдения. Выводы были однозначны: намеренное искажение фактов — причина того, что долгостоящая и бесперспективная для Колоний война продолжается до сих пор. Как эксперт Главного Управления, он рассчитывал на то, что будет выслушан правительством. Но ему повезло еще больше: омега-транспорт увозил в подводную столицу главнокомандующего Армии Моря. И на время пути в тихоокеанский чилийский разлом, в риф Союз, Валевский стал попутчиком генерала Ли Оберманна, который сейчас удобно утвердился в соседнем кресле. Оберманн сам выбрал место рядом с незнакомцем в форме морского пехотинца, сел, с интересом проверил на ощупь чехол, обтягивающий пассажирское кресло в первом ряду, и сказал, обращаясь к Валевскому:

— Вам не приходило в голову, что мы — непревзойдённые, виртуозные мастера подделок и имитаций? Вот и эти чехлы — ведь они модные, не так ли? — имитируют грубое плетение из настоящих растительных волокон. А на самом деле очередная синтетика.

Валевский не знал, что скоро будет проклинать налетевшее внезапно поэтическое вдохновение, застившее ему мозги: в стартующем о-тэ он услышал в словах Ли Оберманна лишь высокую философию вместо того, чтобы расслышать их простой и прямой смысла...

А тогда... Тогда Арт посмаковал про себя мысль генерала насчёт имитаций, открыл планшет и набрал начало стихотворения, думая о девушке с чёрной чёлкой в окружении роя мерцающих косметических искр — такой, какой увидел впервые Зелму Даугаву в Саду Эдема, искусной имитации настоящего сада. Затем поверх набранных строк всплыла и засияла на весь экран развесёлая и чересчур откровенная прощальная открытка от сослуживцев. Арт, как мальчишка, застигнутый врасплох, поспешил свернуть изображение.

Генерал вежливо дождался возвращения Валевского в действительность. Снова заговорил первым:

— Будем знакомы. С кем имею честь говорить?

Видимо, главнокомандующего интриговал статус парня, ставшего пассажиром спецрейса, по виду — демобилизованного морпеха.

Ответ Валевского ещё больше разжёг его любопытство:

— Вот как? Что эксперт Главного Управления делал на поверхности?

Ли Оберманн весь, с корпусом, развернутым вполоборота к собеседнику, с лицом жёстким, но отмеченным верой в завтрашний, несомненно великий день, производил впечатление человека, истосковавшегося по простому и задушевному общению.

И Валевский повёлся.

— Я воевал, — ответил он. — Три ранения. К счастью, мой организм хорошо сопротивлялся инфекциям. Но главная задача вот: подробнейший отчёт о ходе и перспективах войны Суши и Моря.

Генерал, задумчиво собрав складки на лбу, произнёс:

— Последняя боевая операция на шоссе в Уэрхосе — это ваших рук дело, обер-капитан Артемий Валевский? Вы не пропустили батарею внешних на побережье, устроив засаду у холмов? Так, так. Отличная работа! А что с мальчишкой, которого вы там спасли, рискуя жизнью?

Валевский повернулся к собеседнику экран планшета.

На фото стоял Арт в обнимку с невысоким пареньком; у обоих грудь в медицинском корсете, что делало фотографию немного комичной, но вид бравый.

— Мальчишку зовут Йон, — сказал аналитик. — Он скоро вернётся в ряды «Лос Анхелос де ла Венгаса».

— Парень знает, что он — подводник?

— Знает. Знал всё это время. Но помнил прошлое фрагментами, а это мучительно. Его не провели через восстановительную процедуру после биокамеры, а в таких случаях прошлое выглядит смазанными беспо-

рядочными кадрами, и долго, в течение нескольких лет. К тому же агент Гипнос обладал незаурядной способностью к гипнозу, и события на борту корабля мальчишка не мог распутать без посторонней помощи. Рассказал, что помнит, как был захвачен пиратским судном, затем его оставили на маяке, а оттуда сняли люди Суши.

— Как он оказался у пиратов?

— Он из числа тех четырёх несчастных, которых Гипнос выловил из воды и как прикрытие вёз на своём катере. Родители Йона, возвращавшиеся из Австралии, доставили мальчика на базу «Касатка» на сутки раньше времени прибытия остальных школьников. Успели, на свою беду.

— Да, родительская любовь... — отозвался задумчивый генерал.

— Отец Йона был консультантом в компьютерной сфере, мать — серьёзный специалист в области создания искусственных сред. Была. Йон единственный ребёнок в семье. Когда ему рассказали, что родители погибли во время взрыва «Касатки», парень отказался вернуться в Колонии. В Надмирье мальчишка отлично адаптировался. Желает быть морским офицером ВМФ Суши, бороться с пиратами и пожимать при встрече руку офицерам Моря, если подводники хотят мира во всём мире. К тому же на берегу его ждёт любимая девушка.

— В его возрасте вторая причина — это серьёзно и перевешивает все остальные. Зачем же лез по штифт-полю на верную смерть?

— Мотивов было несколько. Хотел дать знать о себе в Подводные Колонии. Он скучал. И, заодно,

нужно было козырнуть перед своими. Для ребят-внешних это очень важно, они вынуждены постоянно демонстрировать свою мужественность. Я сталкивался с этим не раз.

— Демонстрация силы лбов и крепости рогов! — констатировал Оберманн.

— Однако благодаря крепости лба мальчишка уже сержант, — улыбнулся Валевский. — И с такими амбициями на Суше быстро продвинется по службе. В родном рифе ему пришлось бы сидеть за школьной партой и навёрстывать упущенное за три прошедших года, а парень успел хлебнуть войны и хорошо поварился в котле непростых отношений среди внешних. Он сделал свой выбор — выбрал Надмирье.

Генерал разглядывал Валевского:

— Вы не жалеете, что рисковали из-за него?

Артемий понял завуалированный вопрос:

— Нет, сэр. Человеческий долг спасти того, кого мы в силах спасти. Тем более мой племянник погиб в схожих обстоятельствах.

— Ах, вот откуда я так хорошо знаю вашу фамилию! Серый Валевский, Мо Оберманн, Ван Чан, Анджей Холмич — наши герои, первые посланцы в космос.

— Да, сэр. Ваша дочь была там... мне очень жаль...

— Это одна из причин моего возвращения, сэр Валевский.

Оберманн примолк, прикрыв веки, и Арт увидел, как дёргается лицевая мышца генерала.

— Мне можно познакомиться с выкладками вашего рабочего отчёта? — главнокомандующий кивнул на кубо-кубо Валевского.

Впереди ещё час пути не просто с поверхности вниз, но в холодную преисподнюю планеты: в тёмное безмолвие, в зону невероятных давлений.

Караван движется за головным терморидером, выплавляющим путь в свежесозданном путепроводе. Тот многокилометровой пуповиной протянулся от рифа к поверхности: цельногибкий хобот из омегапены, внутри которого сейчас выжигается одноразовый тоннель для грузовых и пассажирских капсул, каждая не сложнее салона автобуса из Надмирья, но все они надёжно отгорожены от бездны стенками прочного пористого направляющего канала. Сразу после прибытия их каравана, по готовому тоннелю из рифа Союз уйдут транспорты в Надмирье. А затем путепровод наполнится бактериями и будет съеден ими. Размякнет, растворится без следа в морской воде, оставляя внешних и дальше размышлять над тайной глубоководных передвижений...

Арт, не имея оснований скрывать информацию от главнокомандующего, доверил тому свой о-планшет. Ли Оберманн на всё время пути ушёл с головой в изучение объёмного документа. Несколько пояснений, которые пришлось давать по ходу чтения, укрепили Валевского в симпатии к генералу. Главнокомандующий Ли Оберманн на поверку оказался харизматичной личностью, не зря так быстро состоялся его взлёт к вершинам военной власти.

— Господин Валевский, ваши старания достойны высочайших похвал! — сказал генерал, выключая последнюю страницу отчёта, и сердечно пожал руку эксперту. — Вы на многое открыли мне глаза. Так

значит, вы уверены, что война, по вашему убеждению, развязанная Подводными Колониями, должна быть закончена ими же немедленно и в одностороннем порядке?

— Убеждён. И буду отстаивать эту позицию.

— Позвольте узнать как?

— Огласка секретных документов перед правительством. Затем выступление...

— Не продолжайте. Вы человек чести, господин Валевский. Как и все в Подводных Колониях. Это упрощает наше дело, не так ли?

Арт споткнулся на последней фразе генерала. Чувство ментальной заминки было почти физическим. Ответил, взвешивая слова:

— Это и была конечная цель, к которой шли первые погрузившиеся в океан.

Оберманн откинулся в кресле и с пристальным интересом уставился в лицо аналитика:

— Какая именно цель? Не считите за любопытство, я не только военный, но и политик, мне важно слышать, как мысли облекаются в слова.

— Раннее прогнозирование развития личности позволяет создать общество, в котором каждый максимально ответственно делает своё дело, а честь не пустой звук.

— Как по мне, идея не нова. Вам, потомку русских, не знать ли этого? А вам неизвестны примеры, когда подводники поступали вопреки своему долгу? Может быть, просто их функции в обществе такие мизерные, а жизненные задачи так незначительны, что заметить это нелегко? И откуда взялась таинственная военная организация «Новый мир», на которую вы указали? Очень прозорливо, кста-

ти, указали. И как появились сотни тысяч солдат Моря — ранним прогнозированием развития?

— Не солдаты, — перебил Оберманна Валевский, — Море не породило ни одного солдата в привычном понимании этого слова, я настаиваю на этом. Мы — военные инженеры, для нас война прежде всего — технологии, и мы осознаём своё отличие от вояк всех времён и народов...

— Будь по вашему, мистер, но работёнку гуманной не назовёшь. Не так ли?

— А вот для этого и нужно покончить с противостоянием Моря и Суши, разобраться, что же всё-таки произошло с нами?!

Подумал: «Папаша Оберманн первый в истории Колоний, в открытую призвавший к войне и взлевевший на вершину власти на волне общественных настроений. Вернусь, подключу Марка, нужно вникнуть в то, что и для каких нужд делалось в лаборатории «Нуво»? Лабораторией руководила ваша дочь, сэр...»

Омега-т прибыл в центральный шлюз Союза. Пока Валевский оглядывался поверх голов собравшейся толпы втайной надежде увидеть за санитарной зоной Марка Эйджи и обдумывая встречу с учётом нового фактора — Зелмы Даугавы, вставшей между ними, генерал Оберманн, позируя перед многочисленными журналистами, осчастливили всех, произнеся спич:

— Я привёз хорошие новости! Мне посчастливились ещё раз убедиться, что свобода и независимость Подводных Колоний незыблемы! Наши храбрые ребята, настоящие герои, боевой мощью демонстриру-

ют Надмирью силу и волю народа Моря. Армия Моря несёт мир для всех жителей планеты! В ближайшее время мы переходим в развёрнутое наступление. Теперь не только Южное полушарие, но всё тихоокеанское побережье до Приморья и Аляски станет территорией свободных посещений, культурного, торгового и научного взаимодействия!

И генерал увлёк за собой онемевшего от неожиданности аналитика, настоятельно приглашая воспользоваться личным омега-каналом.

Словно не замечая немого изумления Валевского, блестящий Оберманн дружески похлопал Артемия по плечу, а в словах, рокочущим камнепадом высыпавшихся из твёрдых губ солдатского папаши Ли, Арт различил неприкрытый цинизм:

— Молодой человек, не вижу необходимости скрывать от чиновника Главного Управления и потому обрадую вас: с недавних пор мы обладаем новым оружием. Не только Надмирье, но самые могущественные гости из дальнего космоса, явись они на Землю, будут укroщены в момент. Наше открытие в состоянии спасти планету от половины известных сейчас глобальных природных катаклизмов, прошу заметить это! А от второй половины бедствий мы придумаем, как избавиться! — генерал засмеялся нездорово. Валевский, уязвленный до глубины души, мог поклясться — смех, во всех отношениях солдафонский, тем не менее звучал с внутренним надломом.

Генерал явно был не прочь скротать время в компании аналитика Главного Управления: омега-транспорт даже в личном транспортном канале нарочно медленно проходит путь от внешних шлюзов

в риф, ожидая, когда в пропускной санитарной зоне будут готовы результаты медицинского контроля. И если в транспорте ехал носитель небезопасного штамма, придётся возвращаться и генералу, и эксперту ГУ, и любому из пассажиров — на повторную санобработку...

— Согласитесь, — говорил Ли Оберманн, — гарантия спасения человечества от ужасов Армагеддона стоит того, чтобы масштабно испытать оружие, не дожидаясь часа икс? Через несколько дней мы продемонстрируем миру нашу мощь. Это и есть главная и конечная цель развязанной три года назад конфронтации между Морем и Сушей. Теперь население Колоний достаточно подготовлено к тому, чтобы, не дрогнув, нанести главный удар, покончить с затянувшейся войной и в веках утвердить своё могущество на планете.

— Но... — только и смог выдохнуть Валевский, выслушав явно заготовленные цитаты из будущего генеральского выступления. Его свежие раны заныли, аналитик усилием воли справился с подступившей тошнотой и головокружением. Шокирующая догадка пронзила сознание:

— Вы собираетесь испытывать новое оружие на русском Дальнем Востоке и в Китае — на территориях, не принимающих участие в войне, — устало сказал он.

— Чувствую профессионального аналитика! — улыбнулся генерал и добавил с интонацией странной и противоречивой: — Сибирь и Китай — идеальный плацдарм. С одной стороны, безбрежные заснеженные пространства послужат буферной зоной, с другой — государство, исторически страдающее

от перенаселения. То, что эти страны не принимают участия в войне, тоже важно: у Совета Надмирья не останется никаких сомнений, что мы хотим не просто победы в Южном полушарии и безопасности для рифов — мы заявляем свои права на всю планету.

Потрясённый Валевский попытался что-то ответить и не нашёл в себе силы.

Заметив бледность своего собеседника, Ли Оберманн сделался серьёзным:

— Что вас так удивляет, мистер Валевский? Любые сверхтехнологии, наши или от внешних, не должны появляться в свободном маркетинге: последствия могут быть неконтролируемые. Планете необходима сверхдержава. Это гарантирует то, что интеллекты стекутся в одно место, и передовые достижения будут находиться в контролируемом пространстве до тех пор, пока время не укажет на степень их полезности или пагубности для человечества. Друг мой, будет лучше для всего человечества, если этой сверхдержавой станут Подводные Колонии. Я верю в нашу способность мудро управлять миром и никогда не верил в здравомыслие внешних.

Валевский впервые переживал такое лобовое столкновение с одиозным сознанием. И вся военная мощь Моря сосредоточена в руках этого человека.

Арт сказал себе, что пойдёт до конца, но не даст генералу осуществить...

Что?

Что осуществить?

То, о чём говорит вояка, нельзя назвать иначе чем шовинистическим бредом и манией величия.

Валевский отвёз отчёт в Главное Управление, отдал доклад руководству и, уже ничему не удивляясь, узнал, что попасть домой не судьба: сотрудники ГУ в ближайшие пять дней лишены возможности уходить из офисов. В такой режим перевели все правительственные учреждения, имевшие хоть какое-то отношение к государственным секретам.

Генерал Ли Оберманн действовал напролом.

Времена торжества не разума, но грубой силы наступили. И не в Надмирье, а в Подводных Колониях.

* * *

К исходу первых суток нашего заточения в Главном Управлении Валевский подошёл ко мне, и квадратная его рожа была решительной и неподвижной, словно вырезанная из камня. Догадываюсь: ночью он, как и я, проигрывал все возможные варианты дальнейших событий, так что, когда Валевский открыл рот, я был готов услышать именно то, что услышал.

Знаю: мои щёки заросли щетиной и сейчас щетина нелепо контрастирует с новой расцветкой волос. Валевский, вежливый тип, потягивает носом, молчит, соображает; а ведь от меня на весь отдель должно разить тонизирующей жвачкой.

Мне надо перестать испытывать его терпение: Арти тревожится. Он рассматривает меня со сложным чувством, в котором всё: и тревога, и неуемение, и вопросы без ответа, и превосходство старшего... Когда это ты задался старшим, а, молокосос, — вчерашний высокочка из Университета?

Ты признался, что после возвращения от внешних чувствуешь свою инаковость. Так чувствует себя взрослый, остановившийся понаблюдать за детьми, играющими в наивные забавы его детства, — верно я угадал? Что ты скажешь, когда узнаешь, что дого-нялки на самом деле всего лишь прикрытие для тех, кто играет в прятки?

Валевский смотрел на Марка, пытаясь разобраться в своих чувствах:

«Я не простишь тебе Зелму, инсуб. «Секс дружбе не помеха», — так ты говорил? Ладно, проехали. Я закрыл на всё глаза, инсуб. В конце концов, и в этом ты верен себе. И ты по-прежнему единственный, в чьём участии я нуждаюсь больше всего. Нет, даже не так. Твоё участие мне жизненно необходимо. Нет, не мне, — теперь ты нужен делу».

— Я должен остановить войну! — произнёс Валевский, не в состоянии и дальше нести в одиночку тяжкий груз сомнений.

Война с Надмирьем подняла столько муты в Колониях и на поверхности и поднимет ещё больше, если он будет оставаться молчаливым статистом. Пришла пора действовать. Правильно ли то, что он задумал, или нет, — Арт согласен держать ответ за всё. Если у него есть шанс повлиять на события, он обязан сделать это.

Я смотрю на тебя и вспоминаю наше знакомство четыре года назад, и покупку крошечного Полосата, и твоё восхищение красотами Союза, и вызывающие красногубую Лили, нарисовавшуюся в кафе «Триде-

святого царства», чтобы увести меня на задание, про которую ты подумал совсем другое... Арти, другище!

— Артемий Валевский, бездна, где ты болтался целый год?!

«Мда... демоны моря тоже плачут. Ещё как плачут».

Валевский увидел, что Эйджи словно включился; по крайней мере, на мятой физиономии ожили и засияли глаза. Большего в его нынешнем состоянии нельзя было и ожидать.

У аналитика потеплело на душе, он сказал:

— Мне кое-что нужно сделать, но понадобится твоя помощь, Марк.

Я молчу. В конце концов, имею полное право не знать, что у тебя в голове. Я молчу. А ты слегка нервничаешь. Не дрейфь, Арт!

Но молчание не может длиться вечно, и я спрашиваю:

— Чего ты хочешь? Ты хоть понимаешь, что это пахнет пожизненным заключением? Ты в своём уме? В одиночку остановить мировую войну? Герой! — ругаюсь непривычно, потому что реально боюсь. Раввязка близится. Я слишком хорошо знаю Оберманна. Жаль, что не успел узнать, кто всё-таки стоит за спиной папаши гениальной и уродливой Мо?

Валевский настороженно подбирается:

— Откуда ты знаешь, что у меня на уме? Что я хочу остановить войну и как именно я хочу это сделать?

Я прокололся. Откуда знаю, что у тебя на уме? Вот молодчина, допёр наконец. Это через три года знакомства!.. Но сейчас не до разъяснений проникновенных наших взаимопониманий, и давай-ка, дружище, вернёмся в тему:

— Мы оба знаем Главное Управление, его секреты и свои возможности. Вариантов у нас немного.

Арт кивает:

— Завтра утром все сведения моего отчёта, пакет Кавалли-Борддия и решения ГУ, касающиеся стратегии войны, должны попасть в прессу.

— Самоубийство! — шепчу я. Крепко зажмуриваюсь и трясу головой: сказывается недосыпание последних пяти дней, глаза просто выворачивает наизнанку. Думаю: «Это не человек, это смотрит рок. За что мне... за что нам такое? И почему — нам?» От тягостных предчувствий тяжело на сердце. Ещё бы, игра подходит к концу, а я и не жил вроде...

Мне страстно хочется туда, где одуряющее бьёт по ушам музыка: так, что вибрирует тело, светясь и бликуя в сплохах дэнс-фонарей. Воспоминания тысячами нитей тянутся к оранжереям и кварталам Союза, к суетливым в час пик такси, к девушкам со стройными ногами, нет, извини, дружище, тебе лучше этого не знать, — к одной девушке, с тёплыми маленькими коленями совершенной округлой формы, эти колени я прикрывал ладонями — вот так... К котёнку, к стаканчику коктейля... О-о-о...

Валевский стоит рядом. Он всегда пресный, а сейчас ещё и прибавлен сознанием ответственности за дело, которое предстоит совершить. Почтиыша мне в лицо, говорит:

— Марк, у тебя есть знакомый редактор... Впрочем, что я? Ты волен выбирать. Сам знаешь, сгорит одна шестая Суши, но рифам на это будет начхать. Правда, потом, через несколько лет, настанет и наш черёд... Аналитика — страшная штука... А-а, что говорить?! — он в задумчивости хватает лист с моего стола.

Отдай лист, парень!

Отдай лист!

Валевский успел скомкать псевдобумагу. Он любит метать бумажный комок в маску морского дива, висящую у меня на стене: прямо в раззяленную клыкастую пасть. И никогда не промахивается. Так он делает, когда одержим какой-то проблемой. Но сейчас, косясь на меня, медленно расправляет смятый лист. Разворачивает. Кладёт на стол, придерживая края большими ладонями с пальцами музыканта, с чечевицами гладких ногтей. На обратной стороне страницы со столбцами цифр маркером выведена карта Северного полушария планеты, вид со стороны тихоокеанского побережья. Канадские территории в огне и Суша в чёрных крестах, — я опять вспоминал об отце. Арт знает, как погиб старший Эйджи, и знает, что я всегда рисую одно и то же, когда вспоминаю...

Дружище смущённо пятится к выходу, за дверь с указателем «Инженер Службы управления беспроводных омега-транспортов»...

— Попытаюсь сделать всё один. Я не имею права втягивать в это ещё и тебя.

Удручённо говорю:

— Я с тобой, упрямый ты идиот. Великая Глубь не рожала таких придурков! Как будто не знаешь, что всё мало-мальски важное хранится на о-бумаге, и электронные документы после распечатки тщательно стираются нашей же электроникой? Ноу-хау подводников: шиш вынесешь секреты, если они весят тонны и занимают кубы пространства! И ты знаешь, что только я имею законный доступ в отдел, где лежат миллионы страниц.

Но аналитик плюнул на логику и ещё пытается что-то возражать:

— Можно организовать пропажу твоего о-сканера, более совершенного прибора в ГУ не найти. Я отсниму архивы и возьму всю вину на себя. Ты пострадаешь лишь за разгильдяйство. И, знаешь, дружище, твой начальник вряд ли удивится.

Ну это уж слишком! Странно, но твои слова больно задели. А ведь совсем недавно я был не прочь без конца иронизировать над собой...

Я приглушаю молнии, мечущиеся в зрачках:

— Даже если сканировать стопками, насквозь, не раскрывая папки, тебе предстоит перелопатить центнеры бумаги — и на всё максимум одна ночь. Утром станет известно, что в архив проникли. Нет, проклятый говнюк, мы сделаем это вместе.

Прошло несколько часов, заполненных непрерывной лихорадочной деятельностью: сканирование оказалось гораздо более трудоёмким, чем мы могли предположить. Но вот кубо просигналил нам, взмыленным и смертельно уставшим: передача информа-

ции закончена. Из военного отдела архива Главного Управления в службу новостей ушло всё, до последней страницы.

Теперь нет смысла скрывать от друга правду. Ту её часть, которую успею рассказать.

Отрываю глаза от оптикона.

Медленно, очень медленно, поворачиваюсь на стуле.

Выдаю:

— Арт, у генерала Оберманна нет сверхоружия. Поверь, если бы оно существовало, я сделал бы так, чтобы лаборатория «Нуво» была уничтожена вместе со всеми злыми гениями, задумавшими испепелить Надмирье. Как полковник СУББОТ, я контролировал именно этот объект. Главную задачу СУББОТ — безопасность, безопасность и ещё раз безопасность — ты, надеюсь, не забыл.

— Полковник СУББОТ Марк Эйджи!.. Вот оно что! Твоя война была здесь...

— Э-э... Чего стоило отвертеться от настоящих предложений (читай — приказов) высших офицеров, жаждавших заполучить меня в штаб Армии Моря! — невесело смеюсь.

Валевский разглядывает меня так, как будто видит впервые.

Выпрямляюсь: грудь выпуклая, развёрнутые плечи. Фиксирую спину — в СУББОТ немало внимания уделяли нашей выправке. Тело свидетельствует. Но лицо... лицо оставляю открытым. В конце концов, не в почётном карауле у омега-т стою. Смотри, читай, га, вот такой у тебя друг: бесконечно усталый, с припухшими веками, с запавшими глазами, со ще-

ками, прикрытыми запущенной, словно наклеенной бородкой завсегдатая столичных клубов. С агрессивно-пятнистой раскраской волос — нелепым обрамлением лица тридцативхлетнего полковника.

— Серый кардинал из службы СУББОТ... — итожит Арт.

Молодец, соображает.

— Оберманн доводит начатое дело до логического конца, — говорит Арт, — он идёт к власти. Осталось узнать, почему ему позволили делать это противозаконным путём? И чем на самом деле занимались в «Нуво»?

— Кибернитом.

— Договаривай! — торопит Арт.

Видимо, у нас и ощущение времени одинаковое...

— Их интересовал кибернит — сначала как энергопреобразователь, затем, благодаря прозрению Мо, как создатель пространственных тоннелей.

«Нуво» оправдала своё название. В этой лаборатории начинается новая эра, Арт. И я тому свидетель. Космос и так слишком долго ждал человека. Профессор Мо работала с фанатичным упорством, ей нужен был выход в космос. Не для себя, для всех нас, для подводного человечества. А её отцу нужна была война. Опять же, не для себя: ради спасения народа Моря. Умница Мо понимала, что с такими мотивами папашу Оберманна не сдержать. Она ото-свинула сроки заказа главнокомандующего, а сама

тратила ресурсы военного ведомства на выращивание кристаллов кибернита с нужными свойствами, затем на его испытания. Шла в обход, проявляла инициативу, презрев указания, — для всего этого есть забытое слово: ловчил. У нас, ты знаешь, за такие дела можно заиметь коррекционный браслет. Ведь от «непохожих» можно ждать чего угодно. А Мо — стопроцентная «непохожая». Первая такая за двести лет. И потому её оставили.

— Вслед за дочерью Оберманна всё чаще стали рождаться дети с непроницаемыми зонами кортекса, — задумчиво произносит Валевский, мучимый сомнениями: откуда ему известно то, что не может быть известно наверняка?

Я догадываюсь о его сомнениях по движению губ, в растерянности выдохнувших одно слово: «Оракул».

Ага, значит, ты ходил к Оракулу? Ну-ну! Однако крепко тебя прижало, друг, что побежал за советом Мудрых. Каюсь, слишком часто оставлял тебя без своего участия.

Я говорю:

— То-то и оно, Арти. Я ведь тоже из «непохожих». И моя жизнь должна была быть очень короткой: из утробы матери да в конвектор. Часто я думаю: не потому ли она, эта жизнь, так опутенно, сказочно, божественно привлекательна?

А вот ты, — я подступаюсь к другу, — ты кем себя чувствуешь после кражи документов?

Валевский согласно кивает. Что он может ответить? Что могут добавить слова, если ясно и понятно и не требует доказательств: нормальному

аналитику и в голову не пришло бы сомневаться в деятельности Главного Управления, а тем более стать на пути системы...

И снова Арт обдумывает то, что у меня дар озвучивать мысли, которые этот молчун просто не находит нужным произнести. Что бы ты делал без меня? Мой язык, горло и связки делают твою работу, приятель!

Несколько секунд мы просто смотрим друг другу в глаза.

Это необходимо.

И чем больше мы знакомы, тем более необходимо: после таких гляделок приходит ощущение законченной полноты и взаимопонимания. Многое из того, что нужно обозначить словом, становится лишним, и рваного обрывочного разговора вполне хватает....

— Только война способна вывести подводное человечество из состояния счастливого сна, в котором мы всё больше замыкались в себе. Профессор Мо чувствовала, что в действиях генерала Ли Оберманна есть особая правда. Любой Золотой век когда-нибудь заканчивается, Арт...

— Мы застали конец Золотого века. Пожалуй.

— То, чем блефовал генерал, — универсальное оружие — существует. Изобретено учёными Нагмирья. И оно будет пущено в дело рано или поздно.

— Против Колоний, — кивает аналитик.

— Против Колоний, — эхом отвечаю я. — Внешние надолго замуровали бы нас, и время Первого Всех настало бы лет через сто.

Арт снова кивает:

— На Суше способны на самоуничтожение, я в этом убедился. Энергетический голод скоро даст о себе знать, и тогда у внешних найдётся повод для любых безумств.

Не знаю, почему мне так важно оправдаться за то, что я сделал:

— Арти, мы не могли контролировать всё, что происходит на поверхности. А контроль за оружием такой мощности необходим. Оставался один выход: самим вскрыть нарыв. А для этого нужно было сначала выйти. А затем взять в руки скальпель и перевязаться в чужой и своей крови.

Валевский потрясён. Его давит не сама постановка дела, а нравственная сторона вопроса, его пунктик.

Я болван, я совсем забыл — у парня сильная концепция, зачем было так прямо? Да его может убить моя правда...

— И тогда Подводные Колонии развязали войну между Сушей и Морем. Начали с грандиозной провокации: отдали на заклание двести человек, из них девятнадцать детей, и базу КС... — Арт уверенно, словно ставит точку, припечатывает:

— Признайся, это сделал ты.

— Да. Это сделал я, — отвечает за меня полковник Эйджи. Полковнику Эйджи во что бы то ни стало нужно успеть исповедаться, а времени в обрез.

Арт несколько мгновений стоит неподвижно. Ранения напомнили о себе: я вижу, как бьётся синяя жилка под неестественно белой полосой шрама на его виске.

— Я с тобой, Марк, дружище! — выдыхает он.
Мне становится легче.

«Как камень с души», — говорили предки.
Я хлопаю Арта по спине, он колотит кулаком в
мои рёбра. Мы не успеваем сказать друг другу всё,
что хотели сказать. Остаётся лишь попрощаться.

Главное Управление оживает; открываются входы. Вот и те, кто пришёл за нами...

* * *

Валевский видел охрану, профессионально оттеснившую его от инсуба.

«Ребята побывали на поверхности», — отметил Арт. Он без колебаний шагнул вперёд, чтобы заявить о разглашении секретных материалов, ушедших с его о-кубо по служебному каналу инсуба, и увидел поверх плеча ближайшего охранника: рука Эйджи вскинулась в натренированном молниеносном движении, дуло нацеленного на аналитика о-пласта осветилось пепельно-розовым.

Марк снова опередил.

* * *

Через несколько часов прима-газета Союза «Информация проверена» разместила первые страницы материалов из архива ГУ, потеснив остальные рубрики. И была закрыта правительством, не определившись, как относиться к тому, что огласке преданы закрытые документы Главного Управления. Второй электронный источник новостей, «Вестник», продолжил печатать сенсационные статьи. И эту лазейку быстро перекрыли. Тогда еженедельник «Сибирь

легендарная» подхватил эстафету. За ним — «Новая Канада», «Наука и современность» — правда изливалась лавиной. Каждое агентство старалось завладеть хоть толикой информации, вырвавшейся на свободу. Население Подводных Колоний бушевало и требовало немедленной отставки правительства, подмятого военщины. Открылось, что сверхоружие генерала Оберманна так и не было создано, — лаборатория «Нуво» отчиталась за проведение исследовательских работ в другом направлении. Ли Оберманн оказался инициатором и исполнителем расправы над агентом Гипносом и невинными жертвами начала войны. Предвидя, что будет осуждён сразу по нескольким статьям, бывший капитан бота «Тритон», главнокомандующий Армии Моря самоустранился, пустив разряд из о-пласта себе в висок.

Валевский узнал об этом с опозданием, лишь выйдя из университетского медицинского госпиталя. Эйджи знал, куда стрелял: неопасное для жизни ранение для потрёпанного войной аналитика вылилось в сутки беспамятства и неделю лёжки на больничной койке в полной изоляции.

А тем временем на поверхности главы федераций Надмирья поспешили использовать благоприятный момент и сообща нанесли сокрушительные удары по базам Моря. Сбылось пророчество Оберманна, люди Суши оказались на редкость единодушны в одном: в стремлении уничтожить цивилизацию подводников.

Подводные Колонии достойно предупредили нападение. А после... После мир, затаив дыхание, наблюдал, как соперник ставит мат в три хода и опроки-

дывает шахматную доску, наскучив игрой со слабым противником. Море объявило о введении моратория на любые военные действия в любой точке земного шара и, верное заветам почившего главнокомандующего, которого теперь называли не иначе как предтечей новой политики, обозначило вполне определено, что, как обычно, ВТОРОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕ БУДЕТ.

Впервые Подводные Колонии открыто и недвусмысленно заявили о том, что в состоянии контролировать всю планету.

Кроме того, в ультимативной форме потребовали рассекретить лаборатории, создавшие то, от чего нет спасения.

Мир замер в тревоге.

Но боялись теперь не Моря. Боялись, что у кого-то в Надмирье не выдержат нервы и страшное оружие всё-таки будет пущено в ход.

Пресса и телевидение Суши ухватились за цитату, родившуюся задолго до Первого Погружения:

«Физики, создавая самое страшное в истории человечества оружие — атомные и водородные бомбы, парализовали возможность решения политических вопросов военными средствами глобальных масштабов. Оставили только лазейку локальных конфликтов. Причем советский физик Андрей Сахаров делал это совершенно осознанно и целенаправленно. Сделать такое оружие, чтобы у политиков отшибло само желание воевать».

Валевский выступал перед общественностью Колоний, доказывая, что война — тупиковый путь, но в сложившейся ситуации даже послевоенное силовое сдерживание — тоже тупик и не решает ни одной проблемы.

«Человек, в одиночку предотвративший гибель цивилизации!» — кричали заголовки газет, пестревые портретами бывшего правительенного чиновника Артемия Валевского.

Риф Новая Россия гордился своим героям.

Щепетильное в вопросах генеалогии население и раньше носилось с национальным происхождением любой знаменитости, будь то учёный, или спортсмен, или кинодива. Теперь же в почвенническом раже Новая Россия просто захлебывалась хвалебными лозунгами в адрес Валевского. Но Арт понимал, что и в родном рифе человека, выдавшего корпоративные секреты, пусть даже для спасения мира, никто не ждёт на службе. Приходилось строить жизнь с нуля, а для этого лучше подходил столичный Союз.

Зелма Даугава Вилкат держалась рядом, разделяя его суматошную жизнь, овеянную славой и неустроенностью. Им обоим необходимо было узнать, что случилось с Марком Эйджи, — отныне всё, что ни предпринималось, было подчинено этой единственной задаче, по какой-то таинственной, невероятной причине сделавшейся неразрешимой.

Марк Эйджи исчез сразу после того, как информация прорвалась наружу, и личность его ушла в тень, несмотря на все старания Валевского реани-

мировать память друга. В службах, куда он обратился как обычновенный гражданин, разыскивающий пропавшего друга, его переадресовывали до тех пор, пока не осталась последняя инстанция. Ему назначили время и место: предстояло явиться на военно-медицинскую кафедру родного университета «Союз».

Не зная, к чему готовиться, Арт прибыл в назначеннное время. Его встречали двое: представитель СУББОТ и профессор пси-контроля.

Присутствие второго настораживало.

Офицер Службы безопасности твёрдо отчеканил:

— Вы не можете ходатайствовать о поиске без вести пропавшего полковника СУББОТ, резидента Марка Эйджи. Более того, вы не можете запрашивать информацию об этом лице.

— Почему? — Арт весь превратился в слух.

Офицер СУББОТ и профессор тихо обменялись парой фраз.

Оснований для подобного отказа немного, а учитывая сохранившийся за Валевским статус бывшего сотрудника ГУ и высокий коэффициент-пси, позволивший пользоваться доступами к информации разных уровней и степени тайны, у них вообще один повод отклонить запрос: внезапно наступившая умственная неполноценность истца.

Ответ оглушил и поверг в смятение.

— Господин Артемий Валевский, сэр, — произнёс профессор, чувствуя некоторую неловкость от того, что ему выпало озвучить это. — Ваш нью-джи настолько высок, что запрос информации о Марке Эйджи должен был быть удовлетворён немедленно.

— Но не был удовлетворён даже частично, — наступал аналитик, тщательно скрывая внутреннее беспокойство. — Если дело только в высокой степени секретности, то я готов хранить без разглашения, — он поспешил отозвался стандартной фразой, означавшей, что нечто неординарное останется при нём до тех пор, пока этого требуют интересы общества.

И смутился собственных слов так, что побагровели уши, бисер холодного пота выступил на висках.

«Ты уже выдал то, что не подлежало разглашению!»

В нём взыграло мужское самолюбие.

Если за рухнувшей карьерой ставят крест на его статусе, он примет удар судьбы с достоинством, как боевой офицер. Во взгляде профессора Арт не прошёл неодобрения. Наоборот, тот с уважением окинул взглядом осанистую фигуру перед собой. Длинная хакама и короткий, в талию, китель придавали силуэтту аналитика, широкого в плечах и узкого в бёдрах, совершенную форму песочных часов.

Профессор мягко, но раздельно и отчётливо, нажимая на каждое слово, произнёс:

— Вы и Марк Эйджи являетесь симбиотами. Симбиотические связи в последнем поколении подводников стали наблюдаться всё чаще. Но у вас и вашего друга эти связи с течением времени становятся всё плотнее. Правополушарные маркеры подобные, левые содержат несколько абсолютно идентичных микрозон. Нам ещё предстоит разобраться в этом феномене. Поэтому, и только поэтому, сэр Валевский, вам нельзя доверить информацию о симбиоте:

возможны непредсказуемые последствия, вплоть до маниакальных идей и пограничных состояний. Так будет лучше для вас и для вашего эмоционального двойника.

Поверьте, Марк Эйджи остаётся гражданином Моря, и все законы для граждан Моря распространяются и на Марка Эйджи. Ситуация безупречно контролируется. Нарушений нет и быть не может.

Такого Арт не ожидал.

Это был конец.

Потрясение стало настолько сильным, что Валевский дал поместить себя на больничную койку. Лично для него поиски Марка сделались невозможными. Оставалось надеяться лишь на то, что информация сама найдёт себе дорогу.

* * *

Отношения с Зелмой Даугавой не стали продолжением их короткого романа. Встречи двух старых знакомых, одиноких и объединённых общими воспоминаниями, — не более.

Они мало говорили, но визиты друг к другу приносили хоть какое-то облегчение.

Оба, и он, и она, навещали Анну Эйджи, но являлись только поодиночке. Единственный совместный визит Валевского и Зелмы Даугавы Вилкат вызвал ярость матери инсуба, обвинившей Артемия в том, что он украл у сына всё: свободу, девушку, а может, даже жизнь.

Анна Эйджи красилась ещё более ярко и с ещё большим рвением пыталась победить возраст, оставивший и на неувядающей леди свои отметины...

У Зелмы Валевскому было удобно скрываться от публики и журналистов, не лезших в личное, — к счастью, у подводников закон к этому строг. И Арт пользовался возможностью просто развалиться в кресте-шезлонге, пока хозяйка маленькой квартиры работает за о-кубо. Арт успел познакомиться со всеми объёмными барельефными рыбами, которые скользили по поверхности стен в комнате Хранительницы книг. Рыбы шевелили плавниками, затаившись в кущах водорослей, но после нескольких визитов Валевского перестали прятаться от него. Стены меняли цвет в зависимости от времени суток, медуза выплывала ровно в двадцать два ноль-ноль, через час по дну шарил скат-хвостокол. В полночь кубо-кубо стен показывал переполох морских тварей: нарядная крылатка¹ преследовала рыбью мелочь. По признанию Зелмы, жемчужница, реагирующая на настроение хозяйки, давно не открывала створки. Зелма пробовала притворяться счастливой, пытаясь обмануть индикатор настроения, но моллюск не повёлся, и Валевский так и не увидел редкостную розовую жемчужину грушевидной формы...

Тёмные глаза Зелмы прикрывали подвижные веки, глаза казались узкими и неестественно длинными. Валевский находил их выражение диким, и это контрастировало со сдержанно-неподвижным выражением лица. Странно, как он раньше не заме-

¹ Морской лев. — Примеч. авт.

чал?.. Эта женщина лишь однажды позволила себе быть необузданной, и он повёлся и уступил. Но нельзя дважды войти в одну реку: прежнего чувства не было. Наоборот, закончилось всё каким-то отупением; обоих терзала смутная, но ощущимая вина перед канувшим в бывестность Эйджи. Инсуб оставался им дорог, каждому по-своему. Вот, пожалуй, главная причина встреч этой пары — вместе легче было пережить утрату.

...Валевский постоянно вспоминал лицо аргентинской певицы, её открытый в пении рот со слегка трепещущими от сдерживаемого чувства свежими и полнокровными губами. Ему хотелось видеть Агилар снова, снова вдохнуть аромат её духов и мягкий запах головки ребёнка, которого держал на руках...

Будущее было темно. Как на суше во времена прародителей. Закрытая карта.

...Ближе к ночи в его квартире на о-кубо возникло бледное лицо Зелмы Даугавы:

— «Волной, гонимой бурями, явись!» — таинственно произнесла она, и цитата из модной поэмы прозвучала зловеще. Она хотела сообщить что-то важное. Нужно было встретиться.

Арт вошёл в скоростной лифт и через бесчисленное количество этажей и тоннелей, через миракль просторной панорамы Союза, пробивая энергетические мембранные ложные изображения перспектив улиц, прибыл в новострой: восточный сектор расширявшегося столичного рифа отвоёывал всё новые площади у бездны.

Арт привычно прошагал семьдесят крупных плоских камней, по которым лишь и можно было перейти мелкую чашу фонтана, наполненного водой и визгливыми дошкольниками, которых везли сюда со всех секторов: купаться и кататься в маленьких лодках. Он вошёл в квартиру Зелмы, дверь закрылась, отрезав бывшего аналитика от звенящих на все лады высоких детских голосов, плескавшихся, как и вода фонтана, под самыми стенами жилья Зелмы Даугавы Вилкат. Оставалось ещё время до возвращения хозяйки. Валевский чувствовал, что тревожится и голоден или, наоборот, голоден и потому взвинчен. Он покинул квартиру, снова перешёл фонтан по каменной дорожке и свернул в ближайшее кафе. Там заказал суп минестроне, но без фенхеля, — ужин для Зелмы, и руллы для себя, всё в термопосуде. Опустил в пакет бульонные чашки. Он любил руллы за изысканность упаковки, за прилагавшиеся к ним салфетки, ножи и фигурные ложки: всю ту церемонность, с которой полагалось поедать кушанье, напоминающее большие пельмени с пряной начинкой, отлично гармонировавшей со вкусом пюреобразного соуса и цветными звёздочками овощей.

Задержался, чтобы подождать заказ для Зелмы: минестроне без фенхеля должен был прийти из северо-западного сектора, а это занимало чуть больше времени. Арт разглядывал витрину, соблазнился свежими пирогами с начинкой, прихватил каждого по куску, рассчитался карточкой с прохудившимся счётом и поплёлся в квартиру с салатовой упаковкой от «Гурмана», которую, обхватив здоровой рукой, нёс перед собой.

Зелма ещё не вернулась.

На его запрос пришёл ответ: «Ужинай без меня».
К тому времени, когда явилась Зелма, Арт был
сыт и предложил ей содержимое пакета.

Зелма отказалась.

Ей было не до еды.

— Тебя показывают по уличным кубо-кубо в ве-
черних новостях, — сказала она и добавила: — Да,
герой действительно должен быть один.

Тёмными мудрыми глазами глянула на Валев-
ского.

— Герой должен быть один... откуда фраза? —
отозвался тот, подобравшись. И невольно отметил
движения беспокойных рук Зелмы.

Наследная Хранительница книг погладила коре-
шок одного из своих бумажных сокровищ. Устало
пояснила:

— Так назвали свою книгу два соавтора из двад-
цатого века, писавшие под псевдонимом Олди, —
создатели неолегенд. У Геракла, заявили они, был
брат-близнец, на пару с которым он совершал все
свои подвиги. Но боги решили, что подвиг вдвоём не
так поражает воображение смертных, и брат Геракла
ушёл в тень.

— ...герой должен быть один... — с горечью по-
вторил Валевский.

Внутри натянулась тонкая струна, лицо полыхну-
ло жаром, он взорвался:

— Да я проклинаю свою славу миротворца! Это
я, я виноват во всём, что случилось с Марком, я под-
ставил его! Нужно было пометить своим именем ин-
формацию из архива, принять всю вину на себя, а не
выжидать в глупой и трусливой надежде!..

— Невозможно. Знаешь сам. И Марк не допустил бы этого. Он позаботился даже о том, чтобы ты не стал свидетелем его ареста. Марк! Он всё предвидел, всё просчитал. И ушёл в тень.

— Больно же ты бьёшь! — прошептал Валевский. — Для этого меня позвала?

— Прости, Арти, я больше не могу притворяться. Всё так плохо! Марк слишком глубоко завяз в этой войне. Но ты не виноват в том, что случилось. Накануне тебя видели выходящим из о-тэ чуть ли не в обнимку с генералом Оберманном, потому и не решились схватить сразу. А потом было поздно. У них просто не дошли руки. Не вини себя. И прости мне эту выходку, если можешь...

Арти простили: эта женщина любила Эйджи.

— Выпей воды. Ты в порядке? — сказал он, со стаканом в руке подступаясь к ней, несчастной, устыдившейся, подавленной.

Зелма призналась:

— Мне нездоровится. Сегодня я узнала, где Марк. И мне трудно справиться с этим...

— Что же ты молчишь?! Что ты узнала?!

— У меня месяц ушёл на поиски рыжего...

— Счастливого Полосата? — перебил Арт, торопя её. Он впервые вспомнил про кота Марка, о котором совершенно забыл в болях, суете и волнениях последних недель, под грузом обрушившейся на него славы, популярности и тревоги за друга.

— Да, — ответила Зелма. — Я искала Полосата, чтобы выйти на его хозяина.

Валевский весь превратился в слух: а ведь Зелма на правильном пути!

Бездна, почему это не пришло ему в голову?

Учёт дорогих нанокити ведётся строжайшим образом. Для Полосата подыскали других хозяев, вряд ли Марк завещал его кому-нибудь. Анна Эйджи к рыжему толстяку была благосклонна, но не более. К тому же Анна не стала бы тратить сумасшедшие, по её мнению, средства коту под хвост — это были её слова. Значит, кити перешёл к незнакомым людям. В любом случае причина смены хозяина обязательно где-то фиксируется...

— Где Марк?!

Несчастный вид и бледность Зелмы не обещали ничего хорошего.

Зелма ответила сухим потрескавшимся голосом:

— В первые часы скандала Марка не просто взяли под стражу, они умудрились моментально подвести его под юрисдикцию кибер-суда. Железка осудила его на пожизненное заключение за «вопиющее нарушение служебных обязанностей, повлекшее серьёзные нарушения работы государственного аппарата и угрозу безопасности рифа».

Арту показалось, мир перевернулся. Он упёрся ладонями и лбом в стену, это принесло хоть какое-то облегчение, прохлада выпуклого зигзага морской травы на стене холодила разгорячённый лоб.

Процедил сквозь зубы:

— Лучший инженер СУББОТ, сотрудник Главного Управления угодил под суд роботов?! И с позорной формулировкой, придуманной для последнего раздолбая?! А ведь это я во всём виноват!

Накатил приступ слепой ярости, о котором его предупреждали врачи, откачивавшие после четвёртого ранения — того самого, из о-пласта инсуба. Валевский метался по комнате. Рыбы, скользившие в экранах стен, испуганно бросались прочь и исчезли все до одной, растения выцвели, а потом померкли экраны.

Драгоценная книга Зелмы, гордость семьи Вилкэт, украшение дома, упала под ноги Валевскому, раскрылась. Взгляд его ухватил крупно набранную надпись, и это заставило его остановиться.

Арт справился с дыханием.

Он долго не сводил взор с неизвестной древней фразы: «И дым отечества нам сладок и приятен».

— И дым отечества нам сладок и приятен... — прочитал он вслух задумчиво.

Поднял голову:

— Кажется, я знаю, что можно сделать!

Впервые в его голосе звучала уверенность.

— Боюсь, мы бессильны, — ответила Зелма, стараясь не глядеть в лицо Арту, — я не хочу убаюкивать себя напрасной надеждой. Будет больно, когда истает даже надежда. Вырвать Марка из полностью роботизированной тюрьмы не легче, чем взломать разом всю электронику планеты. Нам нужно смириться.

Она опустилась рядом с книгой, обняла колени; спина её предательски вздрогивала.

Из полузакрытых глаз катились слезы, принесшие не облегчение, но горечь непоправимой утраты и сильную боль в висках.

В БУДУЩЕЕ

алевский лихорадочно искал возможность подобраться к системе охраны тюрем.

Вспомнил старые связи, наводил мосты в СУББОТ, надеясь, что любая деятельность когда-нибудь завершается переходом количества усилий в качество. Лишь бы это «когда-нибудь» состоялось при его жизни и при жизни Марка...

Арта стали беспокоить тревожные сны, в которых он заперт в тесном пространстве, и пространство сжималось, не оставляя возможности вздохнуть. Арт не мог заняться собой, привести в порядок мысли, хотя бы потому, что время было дорого, — он это чувствовал.

Кое-что удалось нашупать, и лазейка могла вывести непосредственно к системам управления подводными тюремными боксами. Но, чтобы извлечь Марка, нужно быть на поверхности. А у Арта закончились средства. Вернее, их катастрофически не хватало. Подъём на поверхность и возвращение в риф Союз, — большего он не мог себе позволить. В конце концов он смирился с мыслью, что возвращаться

необязательно. То есть вообще. По крайней мере, в ближайшее время. Ему нужно быть рядом с инсубом.

Следом пришло понимание, что вернуться и не получится: Марку Эйджи придётся скрываться среди внешних до тех пор, пока не будет пересмотрено его дело. А на новый судебный вердикт можно надеяться лишь в том случае, если в закон внесут некоторые поправки, и над этим тоже работали друзья, но его план спасения Марка оставался в силе.

Арт провёл несколько самых мрачных часов в своей жизни, мучаясь сомнениями и взвешивая всё. Он не мог отказаться от попытки вытащить Эйджи, но выраж, который предстояло пройти, слишком рискованный.

Перебирая скромный запас вещей в холостяцкой квартире, оставляя её навсегда, Валевский нашёл лист с глянцевыми знаками. Оракул ждал.

Арт понял, что другой возможности у него не будет.

Он решился на второй визит в «Жемчужину мира».

Сколько драгоценного времени уйдёт на это? Как знать? В прошлый раз он провёл там около шестнадцати часов. Правда, вернулся отдохнувшим и деятельным.

Отмеченный цветными сполохами путь снова вёл по бесконечному коридору.

Арт терпеливо шагал, уже не иронизируя над собой, как в первый раз. Ему показалось, что сполохи под ногами пульсируют в определённом ритме: «Чики-чики-па-ба, чики-чики-па...»

Эту песню любил крутить Серый перед тем, как отправился на войну. Серый напевал мотивчик, помогая себе щелчками пальцев, и увлечённо мотал головой, подражая эпатажным и таким же юным, как сам, кумирам-музыкантам.

«Птенец», — сказал о нём Марк Эйджи.

Этот птенец год спасал ребят своего взвода и стал первым лунным питри... Вот оно как. Где ты, мальчишка? Не одиноко ли тебе там, на Луне? Проект «Лунные питри»... знать бы, почему в лаборатории «Нуво» выбрали такое название?

Арт не успел, честнее сказать, не хотел задавать вопрос о лунных питри интернет-поисковику, отложив это на потом. Переживания о юном племяннике, от которого осталась только памятная строка на стene Зала славы, отзывались саднящей раной.

— Лунные питри, — сказал голос рядом, отразившись чётким эхом, словно включён реверс.

Валевский обернулся.

Никого.

Постепенно усилилось освещение, цветные сполохи на полу померкли, уступив место белому рассеянному свету, лучившемуся из сферы, размеры которой невозможно было оценить. Арт находился в круглом просторном зале, в центре шара, разделённого на две половины совершенно прозрачным материалом пола, на котором покоились его подошвы.

— Кто? — спросил он сферическую пустоту.

— Лунные питри — предки человека разумного, так говорит древнеиндийский эпос, — пришёл ответ из ниоткуда.

— Сколько столетий этому мифу?

— Несколько миллионов, утверждала искательница мудрости, допущенная к древним свидетельствам. Она была уверена: это не миф, а истинная история человеческих рас, переходящая от лемурийцев к атлантам и от атлантов к людям. Питри населяли Луну ещё в те времена, когда формировались материки на Земле.

— Какими были эти создания?

— Разумные бестелесные существа. Наблюдая за эволюцией на нашей планете, эти духи поняли, что Земля создала подходящие вместилища разума, но не в состоянии породить сам разум. Питри пожертвовали собой и вошли в физические тела. Эмоции и чувства, тяга к прекрасному, моральные законы, интеллект — всё, что отличает нас от животного мира, это от них, лунных питри. Они отказались от своего высокодуховного существования, чтобы зверочеловек начал свою эволюцию.

— Кто вы?

— Новые питри.

— Это аттракцион? Психологический релакс?

— И релакс тоже, когда мы видим, что он необходим. Приходящим за готовыми ответами нужно всего-то выплакаться в жилетку и выспаться как следует. Недавно мы пришли к выводу, что упустили кое-что очень важное: люди слишком рано теряют навык возвращать себе безмятежное состояние, а в результате — излишнее напряжение накапливается в течение всей жизни.

— Кто говорит со мною?

— Прапредок.

— Объясните.

— Третье поколение подводников нашло способ сохранения пси-энергии. Но только в четвёртом поколении сохранение сознания стало массовым явлением. Не все разбуженные после смерти согласны жить без тела. Это действительно непростое решение. Твоя мать согласилась, а отец отказался.

— Моя мама среди вас? — задохнулся от волнения Арт, внезапно вспомнив голос, говоривший с ним на первой встрече.

— Да, милый! — ответил голос.

Арт расчувствовался.

— Мама...

— Ты рад?

— Если я не сошёл с ума...

— Совершенно здоров, — ответил голос с лёгким смешком.

Эти слова Арт когда-то слышал каждый вечер. Его долго не оставляла привычка раннего детства засыпать с маминой ладонью на голове, и он настаивал, чтобы она трогала его лоб перед сном.

— Мой лобастенький, — добавил голос.

Так назвать его могла только мать.

Арт сел на пол. Он смеялся сквозь слёзы.

— Что на самом деле случилось тогда... — он не мог произнести, к горлу подкатил ком, — в лаборатории, где вы с отцом работали?

— Очередной эксперимент с матрицами человеческого сознания. Неудачный.

— И ты и отец?..

— Да, добровольцы. Ты же знаешь, сынок, в сложных экспериментах гибнет каждый пятый учёный, но это — смерть ради человечества.

«Ради человечества, значит?»

Гм, конечно.

Понятно.

Да только я и Лена — мы в момент вашего выбора были камешками в подошвах, куда нам было перетянут чашу весов, на которой навалом лежали проблемы всего че-ло-ве-чест-ва!»

— Я очень страдал... — не удержался Арт, вспомнив тот страшный день, когда не дождался родителей домой.

— Прости, сынок. Мы принесли тебе непреходящую боль.

— Вы чувствуете пришедших? — спросил он.

— Да, но не все. Чувствующие есть Оракулы.

— Сколько вас?

— Мы не пришли к согласию, как числить, — ответил другой голос.

— Поясните?

— Отдельные из нас занимаются отвлечёнными размышлениями и не принимают никакого участия в жизни людей и питри.

— Чем занимаетесь вы?

— Обобщаем жизненный опыт. Много работы, и работа эта важна. Готовится коллективная психоматрица человечества, и она должна вместить всё. Что бы ни произошло с цивилизацией, разум землян переживёт даже геологические эпохи и когда-нибудь сможет возродиться.

— Что надо, чтобы остаться питри?

— Определённые обстоятельства смерти. И коэффициент нью-джи выше среднего. Теперь известно: чем выше интеллект, тем устойчивее его поле сознания, оно не утасает сразу же со смертью тела. Земное человечество подошло к конечной цели

своего развития. Так вышло, что подводники опередили на этом пути людей, оставшихся на Суше. Всё произойдёт постепенно, и нельзя сказать, сколько поколений понадобится для того, чтобы питри перестали мечтать о продолжении жизни в новом теле и предпочли навсегда оставаться сгустком пси-энергии.

— На поверхности была война, вы знали?

— Мы позволили ей произойти.

— Вы? Контролируете наш мир?

«Почему я подумал об этом?!»

— Мы и есть истинное Главное Управление, которое когда-то выбрало и тебя, и Марка Эйджи в свой штат.

— И сделали Марка и меня своими марионетками?

Голос матери возразил:

— Ты утомлён и потому рассуждаешь штампами, Артемий. Ты же знаешь: любая самоорганизующаяся система имеет предел сложности. По мере усложнения система накапливает в себе внутренние противоречия.

Арт продолжил:

— Наступает момент, и рост этих противоречий усиливается в геометрической прогрессии...

— Вот именно, — подхватил родной голос. — И тогда любое усовершенствование приводит к обратным результатам — накоплению ненужного мусора, грозящего всей постройке быстрым разрушением.

— Критический момент невозможно определить, являясь частью системы, поэтому питри задуманы как независимые внешние наблюдатели? — подвёл итог Арт.

— Да.

— Независимые наблюдатели... Война отняла у Надмирья почти все ресурсы, у Моря — значительную их часть. Миллионы жертв, и всё — ради хрупкого баланса в Подводных Колониях?

— Ради сохранения жизни на планете. Надо внимательно слушать речи политиков, особенно если в их руках сосредоточена вся военная мощь Моря.

— И другого способа сохранения жизни нет?

— Есть. Но решать-то вам, живущим. Мы лишь позволяем случиться событиям, которые перераспределеляют опасные напряжения, когда вы упускаете ситуацию.

— Позволяете случиться войнам? Вы неоригинальны в выборе средств. В сущности, вы, как говорили древние, вставляете палки в колёса...

— И так будет, пока люди предпочитают колесо, — ответил ироничный мужской голос.

— То есть мы должны изобрести новые правила?

— Хотите, чтобы мы их навязали? — снова ирония.

— Нет. Мы как-нибудь сами.

— Но ты явился сюда второй раз. Зачем, если не за советом?

— Да так, зашёл поболтать...

— Читал бы лучше Книгу книг.

— Успеется, — ответил Арт, начиная подозревать подвох. — Весело живёте?

— Именно живём, в отличие от вас, проводящих треть жизни во сне, а ещё третью отпущенного времени вы тратите на пищеварение, любовные игры, противостояние болезням и друг другу.

— Да люди ли вы?

- Оракулы — да.
- А не оракулы, те, которые — мыслители?
- Сложно определить. Возможно, это решается не нами.
- Вы остаётесь мужчинами и женщинами?
- Подумай сам.
- Подозреваю, не больше, чем виртуальные собеседники, которые вольны выбирать себе аватаров, — буркнул Арт. — Так зачем я здесь?
- Ты — единственный канал, через который мы можем войти в сознание твоего симбиота. Это вопрос жизни и смерти Марка Эйджи. Мы не хотели бы его потерять.
- Начинайте же, немедленно! — воскликнул Арт.

Сфера стала меняться: она расширялась, приобретая космические размеры. Арт потерял ориентацию в пространстве и просто растянулся на полу. Лёжа навзничь, он чувствовал себя центром... чего? Возможно, сгустком эмоций, — не только своих, но и ещё пришедших извне.

За гранью его восприятия остались слова Оракула:

— Очень чистая аура. Честность, человечность, сострадание, тревога. Искренняя привязанность — симбиотическим подобием всё это не объяснить. Идеальный проводник эмоций, что при таком нью-дже редкость. Сколько времени понадобится его удалённому симбиоту для вхождения в транс?

— Восемь часов сна.

— Можно в девятнадцать раз быстрее, если уплотним эмоциональный поток.

— Нет необходимости. Им нужен полноценный отдых. Прошу помнить: они ещё в физическом теле. С этим надо считаться, пусть люди спят, — ответило женское контратанто.

— Великая мать, — с иронией произнёс мужской баритон.

— Да, я Великая мать, и моё предназначение всегда заботиться о теле и лелеять его. Как ты, Великий отец, всегда занят жизнью духа.

— Тело — покровы на миг, — отозвался баритон.

— Но если этот миг не прожит полноценно и счастливо, вечности трудно прибавить что-либо хорошее. Сколько ему осталось до воссоединения с нами?

— Скоро. Первые, принявшие на себя великую миссию, погибнут от руки убеждённых противников. Этот аналитик больше пользы принесёт здесь. Такой уж склад ума: слишком взвешенный подход. Воплощённая серьёзность и ответственность вкупе с глубокой эмоциональностью.

— Да, ему труднее всех. Мо Оберманн сломилась сразу, стоило только на фоне высокого интеллекта проснуться чувствам. Хотя именно тогда и начались её по-настоящему гениальные научные прозрения. Её отец, наоборот, устранился после того, как впервые позволил себе анализировать и подытожить со-девятое. То ли дело Марк Эйджи и сбежавший на Сушу Валентино Кавалли — оба с гибкой психикой. Им нужен кураж, сложная и рискованная игра в обход правил.

— Тебе не нравятся играющие не по правилам, — прощупывал баритон.

— Думай, что говоришь, — мелодично отзвался высокий голос. — Именно они оставляют после себя большие и малые свершения и чудесных детей. Жизнь продолжается. Меня, Великую мать, это только радует. К тому же игроки становятся Оракулами, и не помню, чтобы кто-то из них присоединился к Мыслителям.

Сияющую сферу заполнило жизнерадостное искристое нечто, сравнимое разве со смехом, — если у бестелесных возможен смех.

* * *

С ближайшим караваном омега-транспортов Валевский поднимался на поверхность, и, возможно, навсегда. Эта мысль угнетала. Озарение, пришедшее в квартире Зелмы при виде стихотворной строфы, подсказало способ, каким можно попытаться спасти инсуба. «И дым отечества нам сладок и приятен...» «Ритмически организованная речь есть ключ к управлению сознанием, — читали студентам университета, среди которых когда-то был и юный Артемий. — Человечество когда-нибудь вернётся к стихоговорению, как уже было на заре эволюции, и таинственный сензарский язык — на самом деле прайзык поэзии: так плотно он был насыщен информацией и эмоциями. А истинная, талантливая поэзия современности лишь попытка приблизиться к совершенству прайзыка...»

Как бы то ни было, всё началось с герценовской бессмертной строки, а завершить дело должен визит в химическую лабораторию на поверхности. Арт или убьёт Марка Эйджи, или вырвет из стен электрон-

ной тюрьмы. Окончательное решение он получит от самого Марка. Получит — в этом Арт не сомневался.

Знать бы ещё, что означали слова Оракула? Валевский прекрасно помнил начало: голос поведал ему о лунных питри. Но что именно, Арт помнил смутно. Ему пришлось подсесть к оптикону и самостоятельно искать информацию в поисковике. И теперь Арт знал легенду о питри и их великой жертве. Но за этим не стоило ходить к Оракулу.

«Ты повёлся. Признайся, ты просто повёлся. Взыграло непомерное эго: ведь тебя ждут, исключительный Артемий Валевский!»

Но было ещё кое-что. Например, откуда он знает совершенно точно, как выглядит камера-капсула Эйджи? И, страшнее пустых светлых стен, — не-проницаемый экран вокруг сознания; ясное, почти физическое ощущение отрезанности от остального человечества. Как будто разум, словно о-флеш, выдернули из разъёма?

Он уверен, что в своих снах переживает всё, что чувствует Марк.

Напоследок Оракул сказал: «Будущее между Морем и Сушей».

Немного же вынес он после второго визита!

Но, возможно, это сказано о нём и Эйджи: обоим предстоит в Надмирье начинать всё с нуля.

Неожиданно Зелма Даугава решила последовать за Валевским.

«Я нужна Марку», — как всегда, скучо объяснила она.

И Арт принял объяснение.

Мать Эйджи доверила Зелме все свои сбережения ради спасения сына. «Ты только будь с ним, девочка! Не оставляй его, — просила Анна. Её густо подведённые глаза предательски повлажнели. — Я уже слишком взрослая, чтобы решиться на это...» — она показала пальцем вверх. Светской львице нелегко далось признание в своей слабости.

Лена...

Самым нелёгким оказалось узнать решение сестры.

Лена с мужем скоро тоже поднимутся на поверхность. Чтобы навсегда расстаться с Артемием, с рифами, с планетой. В Колониях заговорили о проекте «Лунные питри» как о неизбежном будущем подводного человечества, и общество разделилось. Число сторонников исхода в космос росло день ото дня, они считали, что только переселение подводников избавит от противостояния с внешним человечеством. Тасманийские космодромы скоро будут готовы отправить первых колонизаторов Луны.

«Я хочу быть рядом с моим мальчиком, с моим Сергунчиком. Я уверена, что там буду общаться с ним», — утверждала Лена, выбившая себе место в первом и пока единственном лунном экипаже, как мать героя войны Серого Валевского. Собственная идея не казалась ей фантастической. Артемий не стал переубеждать. Наверное, так же решили и те, кто отбирал первых селенитов. Вера в невероятное изменила и окрылила сестру, и она спешила к новой высокой цели.

А Арт... Арт снова оставался в одиночестве, прощая из своей жизни ту, которую любил как мать.

«Вера и надежда — вот что работает по-прежнему. Все вокруг верят и живут своей верой. Зелма верит, что только ей по силам дождаться Марка. Лена верит в новую встречу с сыном. Дружище Марк, должно быть, верит и надеется на спасение. Во что верю я? В пятьдесят процентов успеха своего предприятия. Но, как разумный человек, не могу не учитывать вероятность провала: Марк не выживет, Марк откажется... Верить в математическую вероятность — это совсем не то. А другой веры не дано. Есть ещё любовь. Говорят, она рядом с верой и надеждой. Но не рядом со мной.

«Будущее между Морем и Сушей».

Может быть, мне пора поверить Оракулу?»

НОВЫЙ МИР

оздух. Я сам несколько раз дарил его незнакомым сидельцам тюрем: это такая игра в милосердие, чтобы в счастье и довольстве подводники не забывали, что кому-то сейчас очень и очень хреново.

Воздух меняется два раза в сутки, потом его слегка подкачивают, поддерживая химический состав. Мне приходится выходить в клозет и пережидать полминуты, пока продувают камеру, затем с коротким хлопком её заполняют снова.

Сегодня что-то случилось: воздух принёс запах моего кити. Я не мог перепутать запах кошачьего хвостика, тем более после нескольких месяцев абсолютно стерильной, без единой молекулы ароматов, атмосферы, созданной для персонального тюремного пузыря. У меня острый нюх, и это — среди подводников, поголовно чувствительных к запахам. Даже духи в подарок девушкам я выбирал сам. Это были дорогие и изысканные благовония из лавки египтянина. По крайней мере, торгаш уверял, что его предки занимались парфюмом ещё со времён фараонов...

Что и говорить: с каким нетерпением я ждал нового продува!

И был вознаграждён.

На этот раз мне прислали аромат, витавший в Эдеме: месте вечного праздника, красивых девушек, музыки, выпивки, всех этих цветов и насекомых, позирующих в зелени листвы... В прекрасных воспоминаниях, вдыхая амбре от огромных розовых кустов, название которых так и не удосужился узнать, я провёл упоительную ночь.

Дружище, узнаю тебя: только ты мог подарить мне на следующий день неподражаемый запах коктейля «Дважды А» — «Атомная Антарктика»!

Теперь бренность наполнилась смыслом.

Я словно медленно разговаривал с Артом. И начали мы, как водится, с воспоминаний.

Через неделю, волшебную неделю, воздух принёс нечто другое: запах псевдобумаги, громоздящейся вдоль стен на бесконечных стеллажах от пола до потолка.

Я насторожился.

Сердце билось учащённо, когда пришло время вдохнуть следующее послание: сложный и свежий дух морской поверхности, беспечной юности и свободы.

И я понял, что на планету вернулся мир.

Этот счастливый аромат, с разными вариациями, Арт слал мне дважды. Потом пришёл стерильный воздух: он просил приготовиться.

Следующий, ночной продув принёс горький запах дыма и пепла. Пахла роба моего отца. Её переслали маме вместе с последним письмом от него. Он сообщал, что пожар на западе Канады укрошён, и нежно прощался с нами. Отец — уникальный специалист по химической защите от пожаров: и на сушке, и на море, и в рифах.

Был.

Он погиб как герой.

И этот запах — дым неведомой и легендарной родины прародителей...

Валевский — ты башковитый, отчаянный мужик!

У меня есть выбор: умереть с сознанием того, что послужил человечеству, или пересидеть в узкой щели клозета двенадцать часов, пока автоматика не подаст новую порцию воздуха. Не сомневайся, я охотно приму смерть в твоём дыхании, дружище. И что-то подсказывает мне, есть шанс —

один из десяти,

один из ста,

один из тысячи (пусть!) —

открыть глаза

и

увидеть

твою

улыбку!..

* * *

Связь между ним и Эйджи в момент перехода к мнимой смерти станет особенно тонкой. Откуда это ему известно? Какая разница! Вера движет горы. Арт обдумывал, что ему делать в момент «перехода

да», — дружище Марк, ведь это жизненно важно для тебя.

Сон?

Нет ничего хуже, чем отключиться и плыть в потоке неконтролируемых мыслей и таких же эмоций; сон отменяется.

Но что тогда?

Музыка, пожалуй, лучший вариант, как ни посмотри. Артемий любил музыку: инструментал и хороший вокал. Марк всему предпочитал много-голосое пение. Пел акапеллой в джаз-ансамбле и подавал очень серьёзные надежды: «Вау-дубды-дубды-ду-уу...» Анна Эйджи здорово доставала его, расписывая будущему инсубу Главного Управления блестящее сценическое будущее. Спасало только вмешательство отца, отвоёвывавшего одарённого сына у нежно любящей матушки, слишком западавшей на всё, что хотя бы пахло гламуром. Марк рассказывал об этом со смехом — в то, довоенное время их жизни, когда оба могли хохотать вечер на-пролёт...

Арт совсем не удивился, когда сразу за решением слушать музыку ему на глаза попалась афиша с концертом Марии Хосе Агилар.

Дива, занозой сидевшая в сердце Валевского, даёт серию парадиз-концертов на чилийском побережье, и агент Борддия здорово поднялся, судя по стоимости билетов.

Валевский вспомнил, что агент задолжал ему один входной. Отбросив гордость, позвонил: время

концерта совпадало с вечерней сменой воздуха в подводной тюрьме Эйджи.

Вместе с ним на концерт Агилар пришла Зелма. Её университетского образования на кафедре химического контроля воздушной среды вполне хватило, чтобы профессионально провести переговоры с местной лабораторией, специализировавшейся как раз на «особых» химических заказах и сотрудники которой не очень любили огласки. Дальше вчерашний «белый воротничок» Валевский умудрился проявить чудеса изворотливости, всё организовал сам, при этом удивлялся, что в рекордно короткий срок едва ли не сколотил из внешних партию спасения «парня, попавшего в передрягу».

И сегодня должен наступить час икс.

Эти двое волновались. Концерт был последней возможностью отвлечься и успокоить мятущиеся мысли.

Арт и Зелма сели рядом, держась за руки.

Такими увидела их Мария Агилар: сероглазый офицер и с ним изящная девушка с обложки журнала. Девушка была бледна, что довершало сходство с фарфоровой статуэткой. Её лицо слегка портила прозрачная маска респиратора, в которую подавалась обеззаражающая смесь из баллона-ингалятора. Так делали многие подводники, поднявшиеся на Сушу совсем недавно: какое-то время люди не могли расстаться со своей фобией.

У Агилар испортилось настроение.

«Мария! Мария, очнись! Ты всё навоображала! Не было и не могло быть ничего между вами! Тогда почему так больно в груди? Потому что ты придумала его. Ты ничего о нём не знаешь, даже женат ли он? Есть ли у него дети? А может быть, у него чудовищный характер? И ты не знаешь, как пахнет его кожа, вдруг — отвратительно? Или он скучный, желчный и ревнивый...»

Но этот мягкий взор не может принадлежать злому человеку. Сердце не врёт. Сердце... Доктор Лу высмеяла бы тебя.

Пора на сцену, Мария. Соберись и перестань думать о невозможном!»

Она поисками глазами Борджа, больше некого: дочка и Лукреция остались в гостинице. И вдруг отметила, что у её агента тоже серые глаза.

«У него не такие глаза, не такие! Он смотрит пристально, взгляд быстрый, оценивающий, сверкает сталью. И все считают его строгим и подтягиваются при одном его появлении, и вокруг сцены начинается деятельное брожение разбуженных насекомых — концертной obsługi. Я не хочу, чтобы рядом был деспот. Ну не деспот, но всё равно властный мужлан. Достаточно того, что он мой агент, вполне достаточно».

— Мне стало грустно... — неожиданно затянула она стоящему за кулисой Борджа, уткнувшись взглядом в верхнюю пуговицу его рубашки и не поднимала ресницы.

— Что, если я начну концерт с печального «Одиночество вдвоём»?

Проницательный Борджия заметил, как порозовел кончик носа его дивы. «Эй, сеньора, ты чего расклейлась?» Он, пользуясь моментом, придинулся к диве волнующе близко. Сказал:

— Одиночества вдвоём не бывает, моя крошка. Просто кто-то в паре не видит дальше пуговицы. А под пуговицей маленький пустячок — живой мужчина.

«И даже очень живой, если умудрился до сих пор не засохнуть рядом с тобой!»

Мария подняла удивлённые глаза.

Он назвал её «моя крошка». Мужчище с усами, бородой и шевелюрой, пахнущей ветром, — он ездит в авто с открытым верхом, и от этого у него загрубелая кожа лица и шеи, — откуда узнал, что именно этого ей хочется: чтобы приголубили?

А ещё он помнит, какие закуски Мария заказывает в ресторане. И дочка не ей, матери, а ему рассказывает свои маленькие дневные истории, когда агент порой заезжает за ними...

— Я хочу домой! — капризно и мелодично протянула она первое, что взбрело в голову, но взгляд уже сделался лукавым, призывным, и Борджия понял, что сегодня — их ночь.

«Если ты будешь вынуждать меня поститься по два месяца, я долго не протяну, дорогуша, — подумал Кассий. — Но ведь терплю. Вот стерва! Небось надула губы, увидев героического офицера рядом с другой. Знала бы, кто та сеньора, что бы ты запела?»

— Сей момент! — подыграл он диве, чувствуя, что всё равно готов делать любые глупости в присутствии этой женщины. — Поехали! Прямо сейчас.

Чур, уезжаем вместе, значит, вместе выплатим неустойку.

— Что ещё за ерунда? — возмутилась Агилар, резко меняя тон и поправляя причёску. Он мог поклясться: специально же подняла две руки и выгнулась, чтобы его глаза упали в глубокую ложбинку меж грудей в вырезе платья...

— У меня работа, сеньор Борджия, не дождёtesь! Это, между прочим, мой сольный концерт, и я могу подарить всем незабываемый вечер. И подарю! Всё, пора на сцену!

Заученно вздёрнула подбородок, шевельнула племенами, извлекла самую приветливую улыбку, приготовилась...

И тут же, повелительно:

— Но вы, сеньор, ждите меня здесь!

Повернулась, пошла.

Оглянулась:

— Я буду приносить и отдавать вам букеты. Не уроните!

«Капризная, манерная, хитрая! Актриска, ё! Но как заводит... Ну и попец!»

* * *

Нарядные музыканты оркестра и хорошенъкие бэк-вокалистки, продуманный свет, отличный звук и роскошная женщина на сцене: всё работало на красивую картинку и дарило праздник. Валевский отдал, концерт удался. В середине выступления почувствовал, что его выбывает из реальности. На сцене Мария Агилар пела блюз, слова вдруг сделались

неразборчивыми, затем стали удаляться и затихать звуки музыки.

Арт потерял сознание.

Зелма, кажется, была готова к этому; она поддержала его и распорядилась унести своего спутника, объяснив всё его фронтовыми ранениями.

— Есть ли здесь доктор? — постепенно спокойная деловитость Зелмы таяла: Артемий не приходил в себя, а её сердце всё больше сжимал страх.

Дойдя до того состояния, за которым начинается паника, она вдруг увидела своего бывшего: Валентино Кавалли. И не сразу поверила своим глазам. Он прошёл было мимо, но резко остановился, вернулся в закуток, где на кушетке с подставленной банкеткой — мебель внешних такая короткая! — недвижимо, как мёртвый царевич, с умиротворением на лице лежал бывший эксперт-аналитик Главного Управления.

— Не ожидала встретиться, — пролепетала удивлённая Зелма Даугава. Но с облегчением почувствовала, что её страх прошёл. (Как всё-таки тесна большая планета!)

Валентино кивнул. Он был деловит, и не более.

Она не почувствовала в нём и следа прошлых эмоций и поняла: всё перегорело, успокоилось, и они вполне могут жить дальше, не рефлексируя.

Это хорошо.

— Хорошо, что ты здесь и не откажешься помочь моему... — она чуть запнулась, — другу.

«Ага, так этот хрен, высоко парящий, до сих пор одинок? «Друг ненасытной Зелмы Вилкат» — ай да

роль! Что ж тебе, герой-миротворец, так не катит с бабами?

...А на себя взгляни, Кассий: где только ни повернёшься, приходится спасать бедолаг. Старина Борддия, да ты, похоже, служба спасения в одном лице!

И вот что ещё занятно: на твоих тоненьких ручках, куколка Зелма, умер брат, до него ты оплакала ещё двоих, а теперь лежит и едва дышит «хороший друг». И ты сейчас хлопочешь предо мною ещё за одного друга, наверняка тоже хорошего, которого, оказывается, надо срочно перехватить в трупарне какой-то тюряги. Прямо не Зелма Даугава Вилкат, а сама Великая Глубь Всепожирающая!»

— Ладно, да не волнуйся ты так. Что-нибудь придумаем. Не в первый раз! — вслух сказал Кассий, в мозгу которого уже прорисовывался план возможных действий.

* * *

К Валевскому медленно возвращалось сознание.

Только теперь он понял, что до момента отключки не отдавал себе отчёта, но постоянно чувствовал Марка Эйджи. А сейчас — лишь пустота, тревога и опрокинувшееся «я», одинокое, оторванное, способное существовать в половинчатом своём виде, растерянное, придавленное необходимостью жить ущербным...

Затем вернулась способность видеть.

Первое, что разглядел Арт, был свет от потолочного украшения, трубкой крепившегося к потолку и разметавшего в стороны вычурные прутья со сте-

клянными цветами, внутри которых сияли примитивные стеклянные колбы...

Слабость отпустила, Арт, резко выдохнув, стремительно вскочил с узкого ложа:

— Время? Сколько у нас времени?

У Зелмы испуганные бездонные глаза.

— Ты в порядке?

Нет, теперь она рада: несколько взмахов мокрых ресниц, и глаза уже смотрят с надеждой:

— Я волновалась. Ты был в забытии около часа.

— А-а, всего лишь час? — с облегчением упал на кушетку Арт. — Всё идёт по плану. Газ действует на организм около часа. Электроника среагирует на мнимую смерть Марка не сразу, на это уйдёт ещё несколько часов. Но нам пора!

Бордюрия, стоявший у входа, окинул взглядом ближнюю часть театрального фойе. Убедившись, что поблизости нет никого, произнёс:

— Вы знаете, мистер Валевский, к секретам у меня спокойное отношение, спрашиваю только из любознательности: какую степень комфортности любит ваш покойный? Где собирается остановиться? Не открыть ли мне гостиницу для таких постояльцев?

И пояснил:

— Зелма мне всё рассказала. Спасибо за доверие. Я так понимаю, всё продумано, справитесь сами, но если что, мой телефон у вас, мистер Валевский. И разрешите совет: не поручайте вашего друга-двойника заботам врачей Моря.

— Это и невозможно, — прошептал Арт, — идентификационные маркеры на теле выдадут его.

— Правильно. Так куда же вы его поместите?

— Я договорился с одним медицинским институтом на Суше, они позаботятся о теле до полного восстановления сознания.

— Уже лучше. Но дело в том, что война закончилась и, предвижу, профессура из Подводных Колоний начнёт возвращаться на свои кафедры. А резидент Моря, пусть даже в коматозном состоянии, — информация класса икс. Сами понимаете, утаивать ничего не станут. Лучше отправьте спасённого в частную клинику доктора Хорхе. Это аргентинский врач, у него работают американские коллеги, все профессионалы. Я помогу всё устроить и, так и быть, сам придумаю легенду для пациента. Чтобы ни у кого не возникло ненужных вопросов.

— Арти, он может всё, — утвердительно кивнула Зелма. — Это страшный человек.

Но глаза её смотрели на Борджа с надеждой:

— Кассий поможет нам спасти Марка.

* * *

В лаборатории Алоиза Хорхе у тела инсуба остались доктор Фредерик Свенсен и измученный перипетиями последних дней Валевский.

Маленький профессор приблизился к биокамере и торжественно произнёс в стекло, за которым покоился Марк:

— Вот мы и встретились, полковник СУББОТ Марк Эйджи!

Арт весь подобрался.

Это полный провал.

А он-то поверил в протянутую руку помощи — волосатую руку мерзавца Борджа!..

— Вам известен человек, которого мы выкрали из подводной тюрьмы?

— Мне — известен. И Хорхе тоже. Подозреваю, что кое о чём догадывается и хитроумный Борддия, у него нюх на такие вещи.

— Что именно вы знаете о моём друге и откуда у вас эта информация?

— Много вопросов сразу. Давайте по очереди. Ваш друг полковник Эйджи отвёл от Колоний серьёзные неприятности и спас по меньшей мере восемь тысяч детских жизней, опередив Гипноса, — ответил серьёзный коротышка, предпочитавший носить чуть ли не кустарные очки. Артемию почудилось, в очках спрятано по пулемёту — в каждой роговой дужке, — так тяжелы. Он подавил желание сорвать эти забралом закрывающие половину круглого лица окуляры и швырнуть их куда подальше.

А маленький профессор продолжал с пафосом в голосе:

— Марк Эйджи — герой нашей эпохи. Не умаляю вашу славу миротворца, но, поймите меня правильно, вы поработали над тем, чтобы уже разгоревшаяся война закончилась, он же взял на себя ответственность спровоцировать её. Если бы Гипнос в тот день ушёл невредимым, он бы нашёл способ попасть в один из рифов и разнести его на куски. Для агента такого уровня это было просто делом времени. Гипнос — явление уникальное даже для тайной агентуры Суши, а эта организация собирает своих людей по всему миру. Но Эйджи и Оберманн сработали чётко. Один свёл на нет усилия резидента, взорвал базу «Касатка» на четыре часа раньше, лишив Гипноса возможности выполнить намечен-

ную задачу и заставив болтаться на воде не при дёлах. А Оберманн поспешил на поиски резидента и не стал передоверять дело суду или дипломатам, от которых Гипнос наверняка бы нашёл способ улизнуть. Он на свой страх и риск, нарушив все ваши законы, сделал со своими людьми чёрную работу: мало того что резидента расстреляли на месте, но ещё и показали казнь всем, чтобы исключить разные версии и стравить людей Моря и Суши. А ведь ни Эйджи, ни Оберманн не имели общего плана. Но вы, подводники, — это всё более очевидно — умеете, когда дело касается глобальной стратегии, общаться невербально, как пчёлы. Мы имеем проверенные сведения: люди Моря, даже разобщённые, действуют как хорошо слаженная команда, не сговариваясь или с минимумом сигналов, причём сами они не отдают себе в этом отчёт.

Валевский предпочитал молчать и слушать.

Свенсен говорил с убеждённостью.

Арт осторожно задал вопрос:

— Ваше отношение к войне Моря и Суши? Кому она была нужна, неужели только Подводным Колониям?

— Боюсь вас оскорбить, но Подводным Колониям больше, чем Надмирью. Внешние боялись этой войны. Вам же пришла пора расширять границы своего влияния. И теперь мы собираемся вам в этом помочь.

— Каким образом?

— На поверхности, как вы называете всё, что под солнцем, тоже существует своя организация «Новый мир». Это движение передовой интеллигенции, желающей видеть Подводные Колонии во главе Совета Надмирья. А через пару десятилетий подводники

должны стать единственными правителями и повести народы планеты по пути прогресса.

— Вы хотите возродить, как в древности, правящую касту?!

— Что вас так удивляет? Более того, мы хотим упрочить ваше положение однажды и навсегда, объявив вас богочеловеками, а ваше появление — предсказанным в древних священных текстах всех религий планеты.

— Мистер Свенсен, мы правильно понимаем друг друга, я не ослышался?!

— Валевский, рад вас видеть, и будем знакомы! — поздоровался стремительно вошедший Хорхе, невысокий жгучий брюнет. — С вами говорят врачи, далеко не самые последние в Надмирье специалисты своего дела. У нас было время убедиться, что двести лет изоляции на больших глубинах, экранирующих природную радиацию и ещё бог знает как влияющих на человека, привели к появлению высокопробной породы *Homo sapiens*. Вы уступаете нам в иммунной приспособляемости к вирусам, но в остальном на порядок превосходите обычных людей. Скажите, пожалуйста, сколько будет ваше любимое число шесть, помноженное, ну, допустим, на триста шестьдесят пять?

— Две тысячи сто девяносто, — мгновенно ответил Валевский, догадываясь, куда клонит собеседник. Но не счёл нужным скрывать, что подобные вычисления не представляют никакой сложности.

— Вы в курсе, что подсчёты в уме до сих пор не по силам практически всем живущим на Суше? Ну не умеем мы считать с такой скоростью! А большинство

вообще не в состоянии выполнить арифметические действия с простыми числами без калькулятора. Более того, тыча в кнопки прибора, они не могут даже заметить ошибку в готовом результате, если она случится по их же небрежности. Для вас же сложные умопостроения естественны, как дыхание.

Нам, врачам, сеньор Валевский, приходилось убеждаться в исключительных качествах подводников. Взять хотя бы женщину, без усилия вмешивающуюся в электронное управление незнакомой автоматической системы. Причём она отнюдь не считает себя уникумом. Затем она играючи пишет бойкие и хлёсткие статьи, умудряясь попутно впитать, как губка, сотни мегабайтов информации; живо вникает в суть всей закулисной возни, и в результате её тексты и прозорливее, и добротнее писуслек маститых авторитетов пера. А потом дамочка выходит на сцену и божественно поёт, снова не считая свой талант чем-то незаурядным. Мужчина Моря, никогда не выступавший на сцене, поёт с ней, как будто вокалисты долго трудились над постановкой их номера... Пустяки? Да, как будто пустяки. Но о других примерах я расскажу позже. Собрались мы не для этого. Поверьте на слово, мы тщательно собираем свидетельства в вашу пользу.

— Если вы о талантах, то здесь никаких чудес, всего-то единство физического, творческого и интеллектуального развития. Только так реально обеспечить в будущем нестандартность решений: нагружить работой оба полушария головного мозга, позаботившись о здоровье тела. У вас, мне кажется, воспитывают по-другому?

— Хм. Хм-хм... — закашлялся Свенсен.

— У нас — по-другому, господа двурукие-амбидекстры, — невесело улыбнулся Хорхе. — У нас талантливость вторична и необязательна. Но беда даже не в этом, а в крахе всей системы обучения. Среди здешних выпускников школ полно не умеющих читать бегло. Остальное большинство не в состоянии анализировать письменную информацию и нуждается в толковании прочитанного текста, и тратит на это драгоценное время учёбы. Не знаю, была ли у вас возможность заметить, что информация на Суше сопровождается картинками-пиктограммами? И вся реклама работает на то, чтобы потребитель отыскал нужное по примелькавшемуся внешнему виду. Хозяйки берут товар, потому что узнают упаковку. Поверьте, если просто подписать кетчуп и средство для мытья унитазов, они не отличат их.

Я перешёл в ряды «Нового мира» на заре своей карьеры.

К тому времени я сменил несколько рабочих мест в медицинских университетах, и везде меня сокращали по причине «оптимизации». И вот я попал в отдел, работу которого вели специалисты Моря. Я сидел за компьютером и делал своё дело. Я был перспективный молодой сотрудник, дело вроде бы спорилось. Но однажды ко мне подошёл руководитель отдела, глянул на экран, склонился и, через моё плечо, в несколько быстрых пробежек пальцев по клавиатуре, показал, как выйти на результат. Причём это был действительно оптимальный результат!

Вы не представляете, как это перевернуло меня!

И самолюбие здесь ни при чём. Взыгравшее самолюбие в той ситуации — это было бы слишком примитивно. Нет-нет. Это было совсем другое чувство.

Я привык, что мною, учёным, руководят функционеры, подсаженные в тёпленькое место такими же далёкими от науки приспособленцами. Они никогда не интересовались ни наукой, ни эффективностью работы, их задачей было лишь держать сотрудников в напряжении. Считалось, что это лучший стимул. А их целью было одно: карьерный рост и пополнение «золотой обоймы», и ради этого они готовы на всё. На всё — значит, развалить дело в угоду конкурентам, продать всё, что можно продать, урвав при этом себе...

Так вот, тогда я испугался, что меня выставят за дверь из-за некомпетентности. Ничего подобного. Мне доброжелательно и толково объяснили, в каком направлении имеются пробелы в знаниях и какую помочь они могут предложить сейчас, а какую — после. Эти парни ушли, смычки Моря с Сушей не получилось, институт закрыли. Мои коллеги, кому посчастливилось в разное время работать с людьми Моря, в итоге, рано или поздно, все оказались членами всемирной организации «Новый мир». Норвежцы Фредерик Свенсен и Лукреция Фольк по программе «Нового мира» переехали в Штаты, а затем — в аргентинскую ячейку, так мы и познакомились.

Нас — легион. Пока это только интеллектуальная часть общества. К сожалению, мы долго не решались работать с рядовыми обывателями и маргиналами вижей и фавел, не пришли к согласию, как... Но теперь убеждены: клин клином выбивают...

Свенсен опять вступил в разговор:

— Выражусь иначе: толпа верит, что подводники — посланцы демонов Моря. Они получат вместо демонов нового бога. Марк Эйджи — идеальная кан-

дидатура. Как и вы, Артемий Валевский. Я не убеждаю. Я констатирую факт. Нам известно, какой отбор проходят сотрудники Главного Управления, и мы сочтём за честь видеть вас во главе Нового Мира.

Зелма и Лукреция пришли с доктором Хорхе и потому слышали весь разговор. Они стояли рядом.

Лукреция произнесла, обращаясь к Арту:

— Решайся, ты можешь!

Он уже где-то слышал эти слова...

В голове просчитывались десятки сложных комбинаций. Между Артом и телом Марка неожиданно встала крепнущая и, в скором будущем, фанатичная организация Надмирья, которая не собирается просто так отдавать инсуба. Но, с другой стороны, эти люди сделают всё возможное, чтобы сохранить Эйджи... Вариантов развития событий он насчитал с десяток, и все разные.

Арт спросил:

— Кассий Бордзия с вами? Он порекомендовал мне вас, доктор Хорхе.

Ответил Свенсен, прохаживавшийся по лаборатории с блуждающим взором:

— Кассий... С ним всё не так просто. Нет, пока Бордзия не с нами. Он просто гонит ветер в наши паруса, подозреваю, с обоюдовыгодной целью. Он любопытен, деятелен, и ему выгодно создавать крепкие связи вокруг себя. Так паук плетёт свою паутину, благодаря которой не только питается, но и в курсе событий в лесу. Мы очень рассчитываем на Кассия: новая религия должна появиться в блеске славы и громе труб — мощно, убедительно, красиво! И завоевать своих приверженцев на всех континентах.

Этот шоумен как никто другой способен всё устроить, он по-своему гениален. В нём крепкий сплав делячества, предпримчивости и человечности, которая... — профессор прервался, щёлкнул пальцами по поверхности кондиционера, почесал в ухе и опустил руку в карман, —...которая в итоге приводила древних сатрапов и стяжателей к истинной святости.

Валевский обменялся взглядами с Зелмой Даугавой. Ситуация принимала новый оборот. В памяти всплыл визит к Оракулу: «И другого способа сохранения жизни нет?» «Есть. Но решать-то вам, живущим».

Неожиданно Зелма произнесла, глядя на хозяина лаборатории, Хорхе:

— Эти люди правы. Я это чувствую. Иначе противостояние Моря и Суши не закончится никогда. Я буду ждать с ними пробуждения Марка. И если понадобится, готова стать первой жрицей у его алтаря.

Она отошла к полупрозрачному цилинду, где в биосреде покоился её любимый, прильнула к холодному стеклу, распластавшись, и, обнимая его руками, замерла. Лукреция расчувствовалась, видя скорбь молодой женщины. Затем обратилась к Валевскому:

— Мы не торопим вас с решением, мистер Валевский, — сказала она, — у нас есть некоторые материалы, заставляющие всерьёз задуматься. Знакомьтесь, читайте. Фредерик, Алоиз, прошу, покажите ему.

Свенсен включил проектор внешних.

Голос с экрана переводил надпись, сохранившуюся на глиняной табличке с клинописью: «Море расступилось, из вод вышел великий Оани. Глаза его

рассыпали искры. В руках он держал молнии. Оани учил людей мудрости. Он научил их обрабатывать землю и собирать урожай, и всевозможным ремёслам, и дал им царей-героев».

Лу Фольк добавила с чувством:

— Этой надписи четыре с половиной тысячи лет. Кто знает, память каких событий была доверена табличке, найденной на раскопках Древнего Шумера? Что будет, если люди Моря оставят планету? Улетят осваивать космос или закроются в рифах? Не получится ли так, что через пятьсот или тысячу лет придётся заново учить земное человечество? И кто-то снова напишет эти слова, не важно на чём: на глине, шкуре или папирусе? И слова его будут правдой. Невероятной, но истинной правдой?

Хорхе принял участие в разговоре:

— Организация «Новый мир» начала формироваться после того, как на территории Ирака двадцать лет назад нашли вот этот древний текст: «Были призваны владыки Моря, чтобы улучшать народы, обучать их искусствам и ремёслам. Порождение Великой Бездны, они были люди, но больше обычных людей, их вимана умели появляться и исчезать, а люди Моря видели в темноте и говорили друг с другом без слов».

* * *

Человеку дано знать, кто способен принести ему счастье, и чувство, что нашёл свою половину, не перепутать ни с чем.

Борджия ведёт автомобиль, он везёт свою звезду Марию, у Марии на руках сидит Ева. Девочка реши-

тельно отказалась от места на заднем сиденье — хотела быть поближе к Кассию.

Сегодня малышка обратилось к нему: «Папа!»

Агилар искренне удивилась, покраснела и, закусив губу, подумала, что нужно поговорить по этому поводу с Лу, — её влияние, на кого ещё можно подумать? Вот уж не ожидала от доктора Лу такого!

Кассий на «папа» отзывался просто, буднично, словно давно ожидал:

— Что, моя детка?

Ева тоже счастлива, потому что папа охотно отвечает на её вопросы о жуке, который только что сильно ударился в лобовое стекло.

Кем работал жук?

Продавал мороженое?

Почему летел навстречу?

— Я тоже хочу летать! — заявила Ева.

— Зачем тебе летать? А мы с мамой будем ходить по земле и смотреть на тебя в небе? Мы летать не можем.

— Что же вы не просекаете, — серьёзно ответила Ева, — всем людям пора летать, надо учиться!

Она замолчала, ушла в себя, уютно устроившись на коленях и приложившись щекой к груди Марии. Глаза девочки открыты, лицо сосредоточено: занялась обдумыванием своих детских фантазий.

Кассий включил магнитолу. Особый шумовой фон, до боли знакомый со времён войны, заставил насторожиться. Море вмешалось в местные коммуникации, готовя чрезвычайно важное сообщение.

«Что ещё за хрень?! — обеспокоенно подумал Кассий, — ни дня без сюрпризов!»

Из приёмика полились торжественные аккорды. «Всем-всем-всем! Внимание! Сегодня Земля отправляет первых посланцев — колонизаторов Луны. Космодромы в Тасмании готовы... Отныне человечество...»

Борджия искоса глянул на дочку: Ева улыбалась, глядя перед собой на дорогу:

— Полетели, нам пора! До свидания, ура! Уффф... — Ева облегчённо вздохнула, словно всё, что занимало её мысли, благополучно состоялось.

Кассий прикинул время старта космических челноков и загадочное молчание Евы... «М-да! Два поколения таких деток — и спутниковые антенны не понадобятся!»

— Умница моя! — сказал Борджия, расчувствовавшись.

— А мама умница? — спросила Ева, снова оживлённая и любопытная.

— Ещё какая! Вчера она была особенная умница, я был очень доволен! — расхохотался Борджия.

Мария фыркнула и отвернулась, пряча улыбку.

Потом дива протянула руку поверх сиденья и гладила его волосы, заставляя едва ли не мурлыкать от удовольствия.

За вечером придёт ночь, он снова будет со своей женщиныей...

Мария вышла из душа, и, взглянув на неё, Кассий понял: что-то не так.

Мария держала в пальцах горошину:

— Вот, твоя... штучка. Голоса Свенсена и Хорхе. Кассий вскочил с дивана: «Прокололся на такой мелочи!»

— О чём говорят?

— Вспоминают дело Гипноса, взрыв базы «Касатка» и... дальше ты сам.

Она положила омега-флеш ему на ладонь.

Спросила настороженно:

— Зачем ты это делаешь?

— У Хорхе спрятали выкраденного из тюрьмы парня Моря, а меня попросили договориться об охране дома. Мне необходимо знать, в чём дело. Я не могу работать вслепую.

Он прослушал всю запись до слов: «Ваш Борджия по-своему гениален: в нём крепкий сплав делячества, предпримчивости и человечности, которая...» Запись оборвала.

«Ну спасибо тебе, доктор Свенсен, на добром слове. Кто из вас нашёл и вырубил прослушку? Скромные и незаметные не-про-сты-е вы наши учёные!»

— Сеньор, что вы обо всём этом думаете? — спросила настороженная Агилар.

Он молчал и задумчиво перебирал кисть винограда на блюде с фруктами.

Принялся отрывать виноградины по одной и выложил из них на столешнице знак вопроса.

Шокировали не столько цели «Нового мира», но больше — факт участия в тайном движении Свенсена, Фольк и Хорхе, знакомых и таких «приземлённых» медиков.

«Борджия, старина, ты теряешь хватку!»

У него были кой-какие подозрения насчёт... Но Кассий полагал, что их секреты — всего-то мелкая закулисная возня интеллигентов, ничего серьёзного.

Бордюжия вдумался в слова Свенсена: «...в блеске славы и громе труб — мощно, убедительно, красиво!»

Представил: воображения ему не занимать.

Добавил с десяток виноградин к вопросу, выложенному на столешнице, и получилось сердце с точкой внизу.

Лицо его просияло:

— А знаешь, птичка моя, ведь это то, ради чего действительно стоит жить! И, похоже, дел хватит на долго. А ещё мне понадобится толковая помощница, которая завалит Интернет сенсационно убедительными статьями о новом пришествии человекобогов, богочеловеков — пусть придумает, как назвать парней Моря, которые согласятся ими быть. Знаю я одну девушку, она сама признавалась, что, кроме чириканья со сцены, хочет успеть в жизни ещё очень многое...

— Я тоже знаю эту девушку, — тёплыми пальцами взяла его за подбородок Мария. — Учи, это будет очень дорогая помощница.

Подставила губы для поцелуя.

— Во всех смыслах! — пообещал Кассий. — Драгоценная!

Он привлёк её к себе:

— Я хочу, чтобы наша малышка жила так, как жили мы в подводном доме: безопасно и беспечально. Возможно, на новой Суше стоит возвести купола над городами и заняться экологией, для начала — внутри

защитных оболочек. Монтаж из омега-пены — это по твоей части.

— Не думала, что моя специальность может пригодиться на Суше.

— И уж точно здесь будут отличные образование и медицина. Для всех, а это уже немало.

Он провёл ладонью по её спине... Новый мир может получиться и справедливее, и привлекательнее, чем нынешний, с детьми надо бы поспешить.

«Только учтите, морские боги, нелегко вам придётся! — хмыкнул Кассий. — Уж кто-кто, а я знаю, чего можно ожидать от внешних. Итак, сеньоры, путный бог из меня не выйдет, это факт. Но я не гордый: претендую всего-то на должность главного консультанта по Надмирью... Ха!»

Содержание

ЗАКЛЮЧЁННЫЙ	5
РИФ СОЮЗ	9
ГИБЕЛЬ «КАСАТКИ»	27
ПОДВОДНЫЕ КОЛОНИИ	49
СПАСЕНИЕ	77
ТОЧКА СИЛЬЮ	100
ЭХО ВОЙНЫ	125
ОРАКУЛ	149
КАТАСТРОФА	167
ИМЯ — МАРИЯ	191
ОХОТА НА ЛЮДЕЙ	216
ПАУТИНА	247
БОТ «ТРИТОН»	273
БЕРЕГ	291
БЕЛЫЙ МАМОНТ	315
ГЕРОЙ	338
В БУДУЩЕЕ	374
НОВЫЙ МИР	388

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

100% ФАНТАСТИКА

Ковалевская Александра Викентьевна
ВОЙНА МОРЯ И СУШИ

Ответственный редактор *И. Минаков*

Редактор *В. Татаринов*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *Л. Зотова*

Компьютерная верстка *Е. Мельникова*

Корректор *Т. Кузьменко*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және енім бойынша арыз-талағарды қабылдаушының
екіні «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы к., Домбровский кеш., 3-а, литер Б, оғис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жараптылық мәрзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақларат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 19.10.2016. Формат 84x108 1/32.

Гарнитура «Балтика». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 2 000 экз. Заказ 7657.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-92836-1

9 785699 928361 >

Оптовая торговля юнгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

**Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге:** ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.**

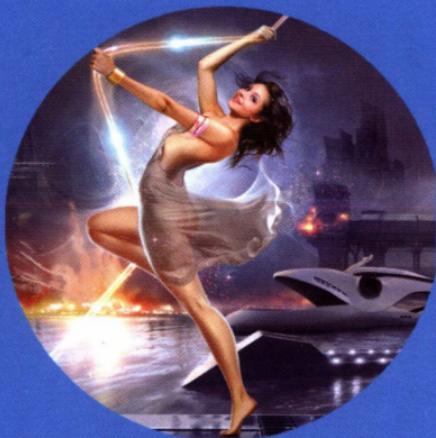
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

100% ФАНТАСТИКА

Война Моря и Суши

Далекое будущее...

В преддверии Третьей Мировой войны лучшие ученые планеты основали в глубинах Мирового океана Подводные Колонии. Ядерный кошмар глобального апокалипсиса отбросил обитателей Суши на уровень первобытных дикарей, которым пришлось мучительно долго восстанавливать свою цивилизацию. Миновало двести лет. Подводные Колонии достигли небывалого прогресса и готовы жестко отстаивать свои интересы. Они провоцируют начало войны с Сушей, перейдя от тактики силового сдерживания к открытому вооруженному наступлению. Сотрудники Главного Управления Подводных Колоний Марк Эйджи и Артемий Валевский втянуты в водоворот военных событий. Друзья должны во что бы то ни стало остановить надвигающийся новый кошмар...
Победитель конкурса «100% фантастика»!

